РѢЧИ

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

въ торжественномъ засѣданіи Совѣта Императорскаго Московскаго Университета и Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ

въ память 1812 года.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА—1913.

РѢЧИ

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

въ торжественномъ засѣданіи Совѣта Императорскаго Московскаго Университета и Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ память 1812 года.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Москва—1913.

ТИПОГРАФІЯ В. И. ВОРОНОВА. МОХОВАЯ, ПРОТИВЪ МАНЕЖА, ДОМЪ КН. ГАГАРИНА.

Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета въ засѣданіи своемъ 21 апрѣля 1912 года постановилъ устроить въ память Отечественной войны 1812 года торжественное ученое засѣданіе совмѣстно съ Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ и поручить Историко-Филологическому Факультету выработать программу этого засѣданія. Историко-Филологическій Факультетъ въ засѣданіи 15 мая, выслушавъ соображенія, внесенныя преподавателями русской исторіи лично отъ себя и отъ имени Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, составилъ программу предположеннаго засѣданія, которая и была утверждена Совѣтомъ въ засѣданіи 26 мая.

Означенное торжество состоялось 21 октября 1912 г. въ 2 часа дня въ актовомъ залѣ Университета въ присутствіи преосвященнаго Анастасія, епископа Серпуховского, попечителя учебнаго округа и другихъ почетныхъ гостей, профессоровъ, приватъ-доцентовъ и студентовъ Университета, членовъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и другихъ ученыхъ Обществъ, состоявшихъ при Университетѣ въ 1812 году. Рѣчи, составленныя для этого торжества, печатаются въ настоящемъ сборникѣ безъ тѣхъ сокращеній, которыя авторамъ по необходимости пришлось сдѣлать при произнесеніи ихъ, по недостатку времени. Кромѣ того, статья о Московскомъ Университетѣ въ 1812 году выходитъ здѣсь съ иллюстраціями, которыя удалось изготовить уже послѣ засѣданія 21 октября благодаря стараніямъ Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ С. А. Бѣлокурова.

Императоръ Александръ I и Наполеонъ.

Рѣчь заслуж. ординарнаго профессора В. И. Герье.

Мм. Гг.

Мы всѣ переживаемъ сегодня въ мысляхъ и чувствахъ ту тяжелую годину, когда по словамъ великаго современнаго поэта

Владыкѣ Полунощи
Владыка Запада грозящій предстоялъ!

Въ этомъ состязаніи двухъ міровыхъ владыкъ Москвѣ суждено было сыграть рѣшающую роль. Ихъ обоихъ — Императора Александра и Наполеона, ей пришлось видѣть въ своихъ стѣнахъ на разстояніи шести недѣль и оказанный имъ Москвою пріемъ предрѣшилъ исходъ ихъ состязанія.

Александра Москва приняла, какъ своего родного Государя; съ восторгомъ вышла къ нему навстрѣчу, своимъ одушевленіемъ ободрила его и благословила на подвигъ. Императоръ Александръ прибылъ въ Москву въ полночь 11 іюля изъ укрѣпленнаго лагеря на Дриссѣ, гдѣ русская армія намѣревалась преградить путь войскамъ Наполеона. Но, когда было рѣшено не давать генеральнаго сраженія, Императоръ оставилъ войска и отправился въ Москву. Онъ не желалъ никакой торжественной встрѣчи и нарочно пріѣхалъ въ ночь, но съ послѣдней станціи къ Москвѣ его ожидало по дорогѣ такое множество людей, что, по свидѣтельству сопровождавшаго Государя графа Комаровскаго, отъ ихъ фонарей было свѣтло, какъ днемъ. Такая же возбужденная толпа окружила Императора на другое утро въ Кремлѣ, когда онъ сходилъ съ Краснаго крыльца, направляясь въ Успенскій соборъ. Толпа цѣловала полы мундира Императора, рыдала и ему кричали: „Не унывай, видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же во всей Россіи? всѣ умремъ за тебя“.

Въ Слободскомъ дворцѣ на слова Государя: „Никогда не настояло такой необходимости въ спасеніи отечества, какъ въ нынѣшнее время“ — дворяне отозвались заявленіемъ: „Все, что мы имѣемъ, отдаемъ тебѣ; на первый случай назначаемъ десятаго человѣка со ста

душъ крестьянъ нашихъ на службу". Александръ отвѣтилъ: „Я многаго ожидалъ отъ Московскаго дворянства, но оно превзошло мои ожиданія". Всѣ бывшіе въ залѣ, прибавляетъ очевидецъ, не могли воздержаться отъ слезъ. Въ сосѣдней залѣ московскіе купцы поднесли Государю листъ съ подписанными ими капиталами.

А епископъ Августинъ, викарій и ученикъ доживавшаго свои дни Митрополита Платона, и самъ послѣ него Митрополитъ Московскій, увѣщевалъ народъ словами: „Не предаждь законовъ отеческихъ: вѣрностью къ Царю посрами лесть врага, мужествомъ сокруши силы его! Россіяне, дерзайте, стойте и зрите спасеніе".

Такимъ образомъ всѣ сословія единодушно слились съ Царемъ въ одной волѣ и въ одномъ намѣреніи. Всякая тѣнь разногласія и неудовольствія, вызваннаго у многихъ предшествовавшей политикой императора Александра, исчезла, и графъ Воронцовъ вѣрно характеризовалъ положеніе дѣла словами: „Когда русскій императоръ вторитъ національному чувству въ національномъ дѣлѣ,—этотъ императоръ есть самый могущественный монархъ въ мірѣ".

Таковъ былъ результатъ посѣщенія Императоромъ Александромъ Москвы. И самъ онъ воспрянулъ духомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его замѣчательное письмо отъ 18 сентября, послѣ потери и пожара Москвы, къ любимой сестрѣ Екатеринѣ Павловнѣ, въ отвѣтъ на ея упреки и совѣты. Перечисливъ всѣ обстоятельства, вызвавшія его пораженіе, Императоръ такъ кончалъ: „Вспомните, что въ разговорахъ съ вами мы ихъ предвидѣли: мы считали возможнымъ даже потерю обѣихъ столицъ и намъ казалось, что одна лишь стойкость можетъ служить средствомъ противъ золъ этого жестокаго времени. Поэтому, несмотря на всѣ невзгоды, на меня обрушившіяся, я далекъ отъ унынія и намѣренъ, болѣе чѣмъ когда-либо, быть стойкимъ въ борьбѣ, и всѣ мои заботы клонятся къ этой цѣли". Этотъ пріѣздъ Императора Александра былъ, можно сказать, вторымъ вѣнчаніемъ его на царство, вѣнчаніемъ съ русскимъ народомъ на борьбу и побѣду.

Совсѣмъ иное значеніе имѣла Москва въ жизни Наполеона. Въ моментъ его высшаго торжества, на вершинѣ его владычества надъ Европой, она его развѣнчала. Она роковымъ образомъ привлекла его къ себѣ. Привыкнувшій входить побѣдителемъ въ чужія столицы, Наполеонъ и на этотъ разъ считалъ свое вступленіе въ Москву естественнымъ побѣдоноснымъ концомъ своего похода. „Въ Москвѣ, говорилъ онъ, я подпишу миръ съ Александромъ". Онъ особенно желалъ мира теперь послѣ необыкновенно труднаго и кровопролитнаго похода. Походъ этотъ былъ непрерывною цѣпью неудачъ и разочарованій, начиная съ самого Нѣмана, когда Наполеонъ, разыскивая на зарѣ удобное мѣсто для устройства переправы черезъ эту рѣку, былъ сброшенъ на землю своимъ конемъ, испугавшимся зайца, выскочившаго изъ подъ его ногъ. Еще бо́льшая непріятность ожидала

его на противоположномъ русскомъ берегу. Тамъ не оказалось русскаго войска, которое Наполеонъ разсчитывалъ сломить сразу своей подавляющей силой. Стараясь его настигнуть, Наполеонъ повелъ свою армію усиленнымъ маршемъ впередъ, но знойные дни смѣнились проливными дождями, и уже въ Вильнѣ армія Наполеона не досчитывалась четырехъ тысячъ лошадей, погибшихъ отъ сырого корма и непосильнаго напряженія. Дальнѣйшія лишенія и кровопролитныя сраженія переносились солдатами и вождями въ надеждѣ на отдыхъ въ Москвѣ. Но у самой цѣли Наполеона постигло полное разочарованіе. Въ Дорогомиловѣ онъ ожидалъ увидѣть Московскія власти съ поклономъ. Но власти не явились. Тогда онъ приказалъ: „Приведите мнѣ бояръ". Онъ зналъ отъ своего посла въ Петербургѣ, что среди вельможъ много недовольныхъ. „Не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ", говорилъ онъ на берегу Нѣмана, „какъ Александръ будетъ у меня просить мира. Его принудятъ къ этому крупные помѣщики". Поэтому отсутствіе бояръ при въѣздѣ въ Москву было вдвойнѣ чувствительно для Наполеона.

Пришлось вступить въ опустѣлый городъ. Но въ первый же ночлегъ въ древнемъ Кремлѣ, во дворцѣ Московскихъ царей, Москва окружила своего побѣдителя огненнымъ кольцомъ, изъ котораго ему лишь съ великимъ трудомъ и опасностью жизни удалось спастись.

Пожаръ Москвы и стойкое отклоненіе Александромъ всякихъ переговоровъ лишили Наполеона не только надежды на миръ, который былъ ему такъ нуженъ, но разрушили въ немъ самыя заманчивыя его иллюзіи. Москва его манила не только, какъ столица русской Имперіи, но и какъ ключъ къ обладанію Востокомъ. Изъ Москвы лежалъ путь въ „Греки". Завладѣвъ Москвой, Наполеонъ думалъ повернуть на югъ и съ своей побѣдоносной арміей проникнуть въ Константинополь. По словамъ Наполеона завладѣть Константинополемъ значитъ сдѣлаться владыкою міра. Но Москва открывала Наполеону и путь въ Индію: въ союзѣ ли съ Александромъ, или послѣ побѣды надъ нимъ, ничто не мѣшало, какъ ему казалось, проникнуть туда. „Александръ Македонскій, говорилъ онъ, отправился изъ такой же дали, какъ Москва, чтобы добраться до Ганга"... „Черезъ окраины Европы я долженъ зайти въ тылъ Азіи, чтобы тамъ нанести ударъ Англіи"... „Скажите мнѣ, развѣ для французской арміи и союзниковъ, отправившихся изъ Тифлиса, невозможенъ доступъ къ Гангу, къ которому достаточно прикоснуться французской шпагѣ, чтобы разрушить во всей Индіи подмостки меркантильнаго величія Англіи. Это была бы самая гигантская экспедиція девятнадцатаго вѣка!"

Такими мечтами Наполеонъ дѣлился не съ однимъ Нарбонномъ. О нихъ предупреждалъ Императора Александра изъ Стокгольма его новый союзникъ, Бернадотъ, по женѣ свойственникъ семьѣ Бонапартовъ. Бернадотъ сообщалъ, что письма изъ Парижа доносятъ о проектахъ относительно Азіи, о походѣ черезъ Персію на Гангъ и Дели.

О томъ же говорили въ арміи Наполеона солдаты, спорившіе между собой, будетъ ли цѣлью похода Индія или Египетъ, а офицеры выражали мнѣніе, что „Великая армія“ не иначе возвратится во Францію, какъ нагрузивъ себя голкондскими алмазами и кашмирскими шалями.

Всѣ эти мечты разлетѣлись въ прахъ на „окровавленныхъ снѣгахъ“, съ которыми, по словамъ поэта, растаялъ слѣдъ „Великой арміи“ и ея вождя:

Оцѣпѣнѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ!

Но что же привело Наполеона въ такое бѣдственное положеніе? Что было причиной войны между бывшими Тильзитскими союзниками?

Принимая въ Вильнѣ генералъ-адъютанта Балашова, присланнаго къ нему Императоромъ Александромъ, Наполеонъ обратился къ нему съ вопросомъ: „И зачѣмъ эта война? Два великихъ монарха наталкиваютъ свои народы на бойню, хотя причина ихъ распри все еще не установлена“.

Это была не случайная выходка со стороны Наполеона. Еще ранѣе, при возвращеніи Чернышева къ Императору Александру, Наполеонъ выражалъ надежду, что еще возможно сговориться и избѣгнуть войны „изъ-за пустяковъ (peccadilles de demoiselles) и не проливать крови сотни тысячъ храбрецовъ изъ-за того, что мы не можемъ прійти къ соглашенію насчетъ цвѣта какой-нибудь ленты“.

Съ тѣхъ поръ минуло цѣлое столѣтіе: за это время много было сдѣлано для разъясненія поставленнаго выше вопроса. Многіе дѣятели Наполеоновской эпохи оставили записки; раскрылись архивы, опубликована переписка современниковъ двѣнадцатаго года; письма одного Наполеона занимаютъ 32 тома. Много замѣчательныхъ историковъ разработало обнародованные матеріалы — и какой же отвѣтъ можно вывести изъ всего этого на вопросъ, что было причиной войны двѣнадцатаго года?

За послѣднее время въ нашей литературѣ замѣчается наклонность выставлять, какъ причину отечественной войны, исключительно торговые интересы — континентальную систему, придуманную Наполеономъ для борьбы съ Англіей. Эта наклонность находитъ себѣ опору въ модной теоріи объ экономическихъ основахъ всѣхъ историческихъ событій и въ матеріалистической (марксистской) школѣ въ исторіографіи. Эту модную теорію можно встрѣтить не только у дилетантовъ въ исторіи, но и у серьезныхъ изслѣдователей-спеціалистовъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, находитъ, что упреки Наполеону въ честолюбіи совершенно не выдерживаютъ критики; что современная наука руководящимъ началомъ считаетъ не лица, а факторы, часто проявля-

ющіеся вопреки личнымъ желаніямъ. Такіе факторы по преимуществу экономическіе, отъ которыхъ въ значительной степени зависитъ основной ходъ событій и человѣческихъ дѣлъ. Съ этой точки зрѣнія приводимый нами авторъ возстаетъ противъ „героической легенды двѣнадцатаго года“, „до послѣдняго времени мѣшавшей строго научному изслѣдованію причинъ, вызвавшихъ отечественную войну“. Легенда эта, по словамъ этого автора, объясняла вражду Наполеона къ Россіи тѣмъ, что онъ былъ исключительно движимъ безмѣрнымъ честолюбіемъ, безумной прихотью и вѣрою въ неизмѣнность своего счастья.

Иные послѣдователи этого направленія готовы ради своей теоріи упразднить самого Наполеона! Этотъ вождь Великой арміи представляется имъ „государственнымъ дѣятелемъ, служившимъ интересамъ французской финансовой и торговой буржуазіи, боровшейся съ англійской буржуазіей!“ Таковы итоги усовершенствованнаго метода! Но такъ ли это?

Въ Тильзитѣ, по заключеніи мира между Наполеономъ и Александромъ, обоими государями былъ подписанъ и союзный договоръ, въ силу 5-й ст. котораго Россія принимала на себя обязательство, если Англія къ 1 декабря не согласится на миръ съ Франціей,— возвратить послѣдней отнятыя у нея колоніи, закрыть англійскимъ кораблямъ доступъ въ свои гавани и объявить Англіи войну. Закрытіе европейскихъ портовъ англійскимъ кораблямъ имѣло, по мысли Наполеона, цѣлью подорвать торговлю и благосостояніе Англіи, а запрещеніе ввоза колоніальныхъ товаровъ должно было разорить крупныя фирмы, монополизировавшія торговлю сахаромъ и кофе, и вмѣстѣ съ тѣмъ подорвать и банки, кредитовавшіе эти фирмы. Россіи прекращеніе торговли съ Англіей наносило большой ущербъ, такъ какъ стѣсняло вывозъ русскаго хлѣба. Но пока кораблямъ „нейтральныхъ“ державъ разрѣшался доступъ въ русскія гавани, положеніе еще было терпимо. Когда же Наполеонъ убѣдился, что подъ нейтральнымъ флагомъ большею частью торгуютъ англійскія фирмы, и сталъ требовать отъ Россіи, чтобы она приняла болѣе строгія мѣры противъ всякаго обхода континентальной блокады, – отношенія между союзниками стали ухудшаться. Привели ли бы однако неудовольствія, возникшія на этой почвѣ, къ войнѣ между союзниками—это еще большой вопросъ! Несомнѣнно, что Наполеонъ очень дорожилъ союзомъ съ Россіей, даже чисто формальнымъ, чтобы отвлечь Россію отъ союза съ Англіей; но несомнѣнно также, что Наполеонъ не разъ настаивалъ на томъ, что считаетъ недостойнымъ для государства вести войну изъ за меркантильныхъ интересовъ. Эти интересы были для него послѣднимъ дѣломъ (le cadet de mes soucis). Главное же дѣло въ томъ, что самая континентальная система была для Наполеона лишь средствомъ для борьбы съ Англіей, эпизодомъ въ вѣковомъ соперничествѣ между Франціей и Англіей, продолжавшемся почти безпрерывно съ конца XII-го вѣка.

А помимо того было не мало другихъ причинъ, подкапывавшихъ союзъ между Александромъ и Наполеономъ.

На первомъ мѣстѣ здѣсь долженъ быть поставленъ Польскій вопросъ, т. е. положеніе герцогства Варшавскаго, образованнаго Наполеономъ изъ польскихъ областей Пруссіи. Въ своей ранней молодости Александръ подъ вліяніемъ гуманитарныхъ идей XVIII вѣка, привитыхъ ему воспитателемъ, относился неодобрительно къ политикѣ своей Великой бабки относительно Польши. На этой почвѣ и сложились дружескія отношенія его къ кн. Адаму Чарторыйскому, жившему при дворѣ Екатерины. Когда Александръ сталъ государемъ, онъ проникся надеждой примирить свои гуманитарныя идеи съ интересами Россіи посредствомъ возстановленія свободной Польши подъ русской державой. До какой степени эта идея укоренилась въ умѣ Александра, показываетъ Вѣнскій конгрессъ, когда требованіе Александра уступить ему герцогство Варшавское едва не привело къ новой европейской войнѣ.

Въ виду этого возникновеніе герцогства Варшавскаго вдвойнѣ тревожило Александра. Оно не только было преградой на пути къ его любимому плану, но и грозило непосредственно Россіи. Благодаря вассальнымъ отношеніямъ герцогства къ Наполеону, остріе французской шпаги коснулось груди Россійской имперіи. Безпокойство и недовѣріе Александра обнаружились немедленно послѣ Тильзитскаго союза, когда русскій государь сталъ настойчиво требовать, чтобы его союзникъ очистилъ прусскія крѣпости въ Силезіи, благодаря которымъ устанавливался во власти Наполеона непрерывный рядъ укрѣпленій отъ границъ Франціи до русской границы. Это недоразумѣніе было скоро улажено во время Эрфуртскаго свиданія двухъ союзныхъ владыкъ. Но уже въ слѣдующемъ году снова проявилось зловѣщее значеніе польскаго вопроса въ отношеніяхъ двухъ союзниковъ. Оправившись послѣ Аустерлица, Австрія воспользовалась тѣмъ, что Наполеонъ отвелъ въ Испанію войска, стоявшія въ Германіи,—чтобы вступить съ нимъ въ новую борьбу. Союзъ съ Наполеономъ обязывалъ Александра выставить противъ Австріи вспомогательный корпусъ, который долженъ былъ дѣйствовать сообща съ польской арміей герцогства противъ Австрійцевъ. Но Александръ не желалъ разгрома Австріи и командовавшій русскимъ отрядомъ кн. Голицынъ дѣйствовалъ такъ, что можно было принять русскихъ за союзниковъ не Наполеона, а Австрійцевъ. Такъ, когда поляки изъ герцогства поспѣшили занять Краковъ, оставленный австрійцами, послѣдніе дали объ этомъ знать русскимъ, чтобы они могли предупредить своихъ польскихъ союзниковъ. И потому, когда къ воротамъ крѣпости подскакалъ польскій авангардъ, чтобы занять ее именемъ императора французовъ, онъ нашелъ у запертыхъ воротъ русскаго офицера, объявившаго, что ему приказано не впускать поляковъ.

Миръ, заключившій австрійскую войну, еще болѣе разобщилъ

тильзитскихъ союзниковъ. Урѣзывая владѣнія Австріи, Наполеонъ рѣшился отнять у нея и со стороны Галиціи два милліона жителей, изъ которыхъ онъ почти четыре пятыхъ причислилъ къ герцогству и лишь Тарнопольскій повѣтъ передалъ Россіи. Императоръ Александръ остался очень недоволенъ этимъ усиленіемъ герцогства и сталъ съ еще большимъ недовѣріемъ относиться къ польскимъ планамъ Наполеона. Подъ вліяніемъ этого недовѣрія онъ отправилъ въ Парижъ проектъ новаго договора, по первой статьѣ котораго Наполеонъ обязывался никогда не допускать возстановленія самостоятельнаго королевства въ Польшѣ. Наполеонъ, недовольный способомъ дѣйствій Александра во время австрійской войны и самою формою предложеннаго договора, долго оставлялъ безъ всякаго отвѣта сдѣланное ему предложеніе, чѣмъ еще болѣе усилилъ подозрѣнія Александра; наконецъ отвѣтилъ, что онъ могъ бы обѣщать не содѣйствовать возстановленію польскаго королевства, но не можетъ обѣщать не допускать его.

Если указанные два крупные вопроса глубоко захватывали государственные интересы обоихъ тильзитскихъ союзниковъ, то были и другіе поводы къ раздору, болѣе личнаго свойства. Одно изъ такихъ дѣлъ, лично оскорбившее Наполеона, совпало съ упомянутымъ выше обязательствомъ не дозволять возстановленія Польши и повліяло на рѣзкую форму отказа съ его стороны. Уже въ Эрфуртѣ, Наполеонъ, задумавъ развестись съ Жозефиной, далъ понять, что онъ желалъ бы породниться съ Императоромъ Александромъ. Но его сватовство за великую княжну Екатерину Павловну не получило офиціальнаго характера. Когда же разводъ состоялся, Наполеонъ формально просилъ руки младшей сестры Императора, великой княжны Анны Павловны, тщательно освѣдомившись о ея возрастѣ и качествахъ. Онъ считалъ дѣло очень спѣшнымъ. Но отвѣтъ такъ затянулся, что Наполеонъ не дождался его и сдѣлалъ предложеніе Австрійскому двору.

Къ тому же самому году относится повышеніе Россіей тарифа на ввозимые изъ Франціи товары, въ особенности на шелковыя матеріи и разныя издѣлія роскоши. Особенно озлобило Наполеона то, что при контрабандѣ этихъ предметовъ они подлежали сожженію. Его раздражалъ въ этомъ случаѣ не ущербъ, который терпѣли отъ этой мѣры французскіе коммерсанты, но онъ усматривалъ въ ней умаленіе престижа Франціи и оскорбленіе, ему лично наносимое. Однако Наполеонъ, столь щепетильный въ своемъ горделивомъ гонорѣ, съ своей стороны не воздержался отъ нанесенія тяжелаго оскорбленія и своему союзнику. Недовольный тѣмъ, что англійская контрабанда проникаетъ въ его владѣнія черезъ береговую полосу сѣверной Германіи, Наполеонъ рѣшилъ непосредственно включить прилегавшія къ ней владѣнія въ составъ Франціи. Въ числѣ этихъ владѣній было и герцогство Ольденбургское, родовое владѣніе императора Петра III, уступленное младшей линіи. Но помимо родства съ царствующей въ Россіи династіей, герцогъ Ольденбургскій былъ и въ близкомъ свойствѣ съ Императо-

ромъ Александромъ, такъ какъ его второй сынъ Георгій женился на великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Несмотря на это, а можетъ быть именно поэтому—изъ мести—Наполеонъ весьма безцеремонно присвоилъ себѣ Ольденбургъ, откуда герцогъ долженъ былъ уѣхать, если не хотѣлъ сдѣлаться подданнымъ Наполеона. Возбужденные Императоромъ Александромъ переговоры о вознагражденіи герцога Наполеонъ велъ крайне неохотно и небрежно. На заступничество за герцога со стороны русскаго посла въ Парижѣ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ, что Наполеону въ качествѣ преемника Карла Великаго принадлежитъ суверенная власть надъ всѣми областями Германіи и онъ въ правѣ распредѣлять ихъ по своему усмотрѣнію. Когда же князь Куракинъ представилъ на это письменный протестъ, французскій министръ, по приказанію Наполеона, не захотѣлъ принять его. Русскому правительству пришлось разослать свою ноту всѣмъ державамъ, какъ бы обращаясь къ суду Европы, въ чемъ Наполеонъ усмотрѣлъ новое для себя оскорбленіе.

Однако еще задолго до этого Императоръ Александръ, приходя къ убѣжденію, что вооруженное столкновеніе съ Наполеономъ неизбѣжно, сталъ укрѣплять свою западную границу и стягивать къ ней войска. Моментъ для войны казался благопріятнымъ, такъ какъ войска Наполеона, стоявшія въ Германіи, были переведены въ Испанію. Но чтобы начать наступательную войну, съ увѣренностью въ успѣхѣ, для Александра было чрезвычайно важно привлечь на свою сторону поляковъ герцогства, и Императоръ пытался этого достигнуть черезъ Чарторыйскаго. Въ случаѣ успѣха Императоръ обѣщалъ дать возстановленной Польшѣ автономію подъ русскимъ скипетромъ, съ границей на востокѣ по Двинѣ, Березинѣ и Днѣпру. Эти тайныя сношенія однако сдѣлались извѣстны Наполеону и тогда и онъ сталъ думать о войнѣ. Три безсонныя ночи провелъ онъ въ глубокомъ раздумьѣ, послѣ котораго рѣшился истратить первые сто милліоновъ на приготовленіе къ войнѣ. Наступилъ періодъ вооруженнаго мира, во время котораго личная переписка между императорами продолжалась съ открытымъ признаніемъ возможности войны и въ то же время обоюдными увѣреніями въ готовности вернуться къ прежнимъ дружественнымъ отношеніямъ.

Наполеонъ, напомнивъ всѣ выгоды, извлеченныя Императоромъ Александромъ изъ союза съ нимъ — Финляндію, Дунайскія княжества—заключаетъ свое письмо словами: „Я прошу Ваше Величество истолковать это письмо въ благопріятномъ смыслѣ и обратить въ немъ вниманіе лишь на то, что способно повліять примирительно, устранить всякое недовѣріе и возстановить во всѣхъ отношеніяхъ между обоими народами союзъ, продолжающійся такъ счастливо уже четыре года“.

Возражая пунктъ за пунктомъ на соображенія Наполеона, Императоръ Александръ заканчиваетъ свое письмо отъ 25 марта 1811 г. слѣдующимъ образомъ: „Ваше Величество имѣете полную возмож-

ность все такъ устроить, чтобы сблизить еще тѣснѣе, чѣмъ прежде, оба государства и сдѣлать разрывъ между ними на всегда невозможнымъ. Съ своей стороны я готовъ содѣйствовать Вамъ въ подобной цѣли. Я повторяю, что если война будетъ, то потому, что Ваше Величество того пожелали. Сдѣлавъ все, чтобы ея избѣгнуть, я тогда сумѣю сражаться и дорого продать свою жизнь. Если же Вы вмѣсто этого хотите признать меня другомъ и союзникомъ — Вы найдете съ моей стороны тѣ же чувства преданности и дружбы, которыя Вы всегда во мнѣ находили. Я также прошу Ваше Величество прочитать это письмо съ добрымъ расположеніемъ и усмотрѣть въ немъ лишь рѣшительное желаніе уладить дѣло".

Но и непосредственная переписка между императорами была безсильна возстановить между ними дружескія отношенія; ихъ взаимное раздраженіе росло, а съ нимъ вмѣстѣ и ихъ воинственныя намѣренія. Правда, на Наполеона еще находило по временамъ болѣе миролюбивое настроеніе. Замѣнивъ весной 1811 года своего посла Коленкура Лористономъ, Наполеонъ приказалъ министру иностранныхъ дѣлъ внушить ему, что онъ желаетъ мира и что пора, чтобы „все это скорѣй кончилось. Сообщите ему, что все это лишь слѣдствіе недоразумѣнія и если Россія не будетъ двигать войска, то и я прекращу всякія передвиженія войскъ".

Такъ шло дѣло до пресловутой аудіенціи князя Куракина у Наполеона 15 августа 1811 г. — во время торжественнаго собранія во дворцѣ по случаю обычнаго празднованія дня рожденія Наполеона. Наполеонъ былъ взбѣшенъ предложеніемъ Румянцева вознаградить герцога Ольденбургскаго выдѣленіемъ ему части герцогства Варшавскаго и воспользовался аудіенціей, чтобы всенародно излить свой гнѣвъ. „Я не такъ простъ, кричалъ онъ, чтобы думать, что васъ занимаетъ Ольденбургъ, я ясно вижу, что дѣло идетъ о Польшѣ... Но не льстите себя надеждой, чтобы я когда-нибудь вознаградилъ герцога со стороны Варшавы. Вы не получите ни одной деревни, ни одной даже мельницы. Я не думаю о возстановленіи Польши; интересъ моихъ народовъ не связанъ съ этой страной. Но если вы меня принудите къ войнѣ, я воспользуюсь Польшей, какъ средствомъ противъ васъ".

Послѣ бурной сцены Наполеонъ приказалъ принести себѣ всю переписку съ Россіей и съ своимъ министромъ, герцогомъ Бассано, еще разъ взвѣсилъ всѣ доводы въ пользу мира или войны. Относительно герцогства Варшавскаго онъ пришелъ къ выводу, что какъ политика, такъ и *честь* требуютъ его сохраненія въ полной цѣлости, т.-е. безъ выдѣленія какой-либо части его въ вознагражденіе герцога Ольденбургскаго, какъ предлагалъ графъ Румянцевъ.

Во второй части мемуара, продиктованнаго тогда Наполеономъ, разсматривались упреки, дѣлаемые Россіи за повышеніе пошлинъ на французскіе товары и за нарушеніе блокады, т.-е. косвенное допущеніе англійской торговли. Какъ ни были непріятны Наполеону эти мѣры

онъ былъ того мнѣнія, что онѣ сами по себѣ не представляютъ повода къ разрыву съ Россіей. „Жалки государства, которыя сражаются изъ-за частныхъ торговыхъ интересовъ“. Наполеонъ придавалъ этимъ мѣрамъ значеніе лишь потому, что видѣлъ въ нихъ симптомъ сближенія Россіи съ Англіей, сближенія, которое должно будетъ повести ее къ *союзу* съ Англіей.

Въ заключеніе своего мемуара Наполеонъ пришелъ къ выводу неизбѣжности войны съ Россіей и съ свойственной ему стремительностью тутъ же опредѣлилъ время ея начала. Онъ назначилъ его на іюнь слѣдующаго года въ виду того, что только во второй половинѣ мая назрѣваетъ въ западной Россіи трава, необходимая для его огромной кавалеріи и обоза. Такъ Рубиконъ былъ, если не перейденъ, то намѣченъ твердой рукою Корсиканскаго Цезаря.

Обозрѣвъ факторы, которымъ можно, въ большей или меньшей степени, приписывать войну двѣнадцатаго года, мы однако еще не упомянули о главнѣйшемъ—о личности самого Наполеона. Въ погонѣ за мнимымъ реализмомъ иные изслѣдователи исключаютъ изъ числа факторовъ, „отъ которыхъ зависитъ основной ходъ событій и человѣческихъ дѣлъ“—самого человѣка и распространяютъ этотъ демократическій остракизмъ даже на Наполеона. Но нельзя себѣ представить бóльшаго абсурда, какъ замалчиваніе этой страшной силы, ворвавшейся въ исторію Европы какъ разъ въ тотъ моментъ, когда французская революція разрушила передъ ней всѣ преграды для ея проявленія—этой parcelle de rocher lancée dans l'espace, какъ выразился самъ о себѣ Наполеонъ.

Наполеонъ классическій типъ побѣдителя-завоевателя, но не азіатскаго, разрушителя государствъ и цивилизацій, а европейскаго, строителя и созидателя государствъ. Побѣда и успѣхи развили въ немъ не только прирожденныя ему гордость и властолюбіе, но и создали въ немъ особую мораль, отличную отъ общепринятой. Выше всякой морали онъ ставилъ чувство *чести*, какъ онъ ее понималъ, а *какъ* онъ ее понималъ, видно изъ его письма къ Лористону по поводу предложенія выдѣлить герцогу Ольденбургскому два уѣзда изъ герцогства Варшавскаго. „Для того, чтобы принудить меня подписать такое позорное для меня (déshonorant) раздробленіе герцогства, нужно было бы, чтобы русская армія отбросила меня къ берегамъ Рейна“.—Наполеонъ писалъ это, стоя тогда во главѣ полумилліонной арміи, которую онъ считалъ непобѣдимой. Но замѣчательно, что точно также онъ думалъ, когда случилось невѣроятное, и онъ уже былъ отброшенъ въ Саксонію. „Ваши государи, сказалъ онъ тогда Меттерниху, рожденные на престолѣ, не могутъ понять моихъ чувствъ; послѣ пораженія они возвращаются въ свои столицы какъ ни въ чемъ не бывало. Но я, я солдатъ; я нуждаюсь въ чести и славѣ; я не могу показаться умаленнымъ на глаза своему народу. Мнѣ нужно всегда оставаться великимъ, покрытымъ славою и предметомъ поклоненія“. Эту

Наполеоновскую честь необходимо учитывать, чтобы правильно оцѣнить отношенiе Наполеона къ его союзнику. Наполеонъ понималъ союзъ съ императоромъ Александромъ такъ, какъ понимали его римляне, заключая союзъ съ побѣжденными. Обязательство, взятое на себя союзникомъ, они считали вѣчнымъ и несоблюденiе его измѣной, которая каралась безпощадно. Наполеону Россiя представлялась планетой, которая выбилась изъ своей орбиты и которую нужно было снова направить на прежнiй путь для того, чтобы она правильно вращалась около своего центральнаго свѣтила. Какъ сильно Наполеонъ былъ лично задѣтъ препирательствами съ русской дипломатiей объ этомъ свидѣтельствуетъ инструкцiя Коленкуру, гдѣ упоминается, что въ годовщину Полтавской битвы императоръ Александръ сказалъ Наполеону: „вы спасли Россiю". „Неужели, сказано въ инструкцiи, за эту выдающуюся заслугу императоръ будетъ принужденъ воевать съ Россiей, чтобы спасти свою честь и избѣгнуть упрека, что онъ, на высотѣ своей славы, допустилъ то, чего не потерпѣлъ бы даже Людовикъ XV, дремавшiй въ объятiяхъ M-me дю-Бари?"

А въ Вильнѣ, уже на походѣ въ Россiю, Наполеонъ воскликнулъ, обращаясь къ своимъ маршаламъ: „Неужели Александръ думаетъ, что я пришелъ сюда для пререканiй о торговомъ договорѣ? Надо покончить съ этимъ сѣвернымъ колоссомъ, надо его оттолкнуть, надо поставить Польшу между нимъ и цивилизованнымъ мiромъ". „Если Александру нужны побѣды, пусть онъ разбиваетъ персiянъ, но пусть не вступается въ дѣла Европы. Цивилизованный мiръ не хочетъ знать этихъ сѣверянъ!"

Но не характеръ только крупныхъ историческихъ личностей долженъ принимать во вниманiе историкъ; еще важнѣе для него ихъ идеи и жизненные идеалы. Великiя личности появляются въ исторiи не изъ пустого пространства — „не съ неба падаютъ", какъ выразился древнiй римскiй историкъ о патрицiяхъ. Они приносятъ съ собой слѣды далекаго прошлаго. Съ ними оживаютъ иногда давно отжившiя традицiи и снова проявляютъ присущую имъ жизненную силу. Въ этомъ отношенiи представляетъ особенный интересъ Наполеонъ. Уроженецъ гористаго, оторваннаго отъ материка острова, сохранившаго первобытность характеровъ и жизненныхъ условiй, онъ былъ вознесенъ судьбою къ власти надъ обществомъ съ утонченной цивилизацiей, въ которомъ революцiонная буря снесла всѣ прежнiе гражданскiе устои. Онъ сталъ владыкой страны, не имѣя ни отечества, ни нацiональности. Онъ былъ чужимъ среди окружавшаго его мiра, но онъ и не желалъ слиться съ нимъ, а властвовать надъ нимъ. Уже современники Наполеона подмѣчали въ немъ что-то чуждое вѣку. Г-жа де-Сталь и Стендаль находили аналогiю между нимъ и мелкими италiянскими тираннами XIV и XV вѣковъ. Тэнъ углубилъ эту аналогiю, призналъ сходство между Наполеономъ и кондотьерами основаннымъ на „положительномъ родствѣ". Наполеонъ, по Тэну, про-

исходитъ отъ великихъ италіянцевъ Ренессанса, людей дѣла, военныхъ авантюристовъ, узурпаторовъ и основателей пожизненныхъ государствъ; онъ наслѣдовалъ въ прямой линіи ихъ кровь и ихъ природное строеніе, какъ умственное, такъ и моральное. Отводокъ отъ нихъ былъ еще до наступленія вѣка утонченности, духовнаго обѣднѣнія и декадентства—перенесенъ на сторону, гдѣ первоначальный зародышъ сохранился въ неприкосновенности и далъ могучій ростокъ при наступленіи благопріятныхъ для него условій.

Но итальянцы—потомки римлянъ, и Наполеонъ черпалъ свои политическіе идеалы не изъ эпохи итальянскаго Ренесанса, а изъ болѣе свойственной его духу и размаху старины римской имперіи. Сличая обликъ Наполеона съ бюстами римскихъ цезарей, невольно выводишь и самый родъ Корсиканскаго цезаря изъ древняго Рима. Генеалогически этого доказать невозможно. Между нимъ и римской имперіей лежитъ эпоха темнаго средневѣковья, гдѣ теряется слѣдъ исторіи. Восхожденіе корсиканскихъ Бонапартовъ можно прослѣдить лишь до Бонапартовъ Сарцаны (городка близъ Генуи)—можетъ быть родственныхъ феодальнымъ сеніорамъ Буонапарте во Флоренціи. Но современниковъ Наполеона поражало его сходство съ римскими медалями. Это сходство, выступавшее по мѣрѣ того, какъ онъ сталъ тучнѣть, было искусственно поддержано намѣренной, обязательной для художниковъ, стилизаціей его портретовъ и бюстовъ. Наполеонъ хотѣлъ походить на римскихъ Цезарей. Мы можемъ даже прослѣдить моментъ, когда идеалъ римскаго Цезаря вполнѣ овладѣлъ воображеніемъ Наполеона. Чѣмъ менѣе онъ былъ образованъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на него прочтенныя имъ книги. Книга Боссюета—Разсужденіе о всеобщей исторіи—была для него откровеніемъ. Когда онъ прочелъ у Боссюета, что Цезарь послѣ побѣды при Фарсалѣ, „сталъ виденъ въ одинъ мигъ всему міру“, ему показалось, что завѣса міра разорвалась сверху до низу и что онъ увидѣлъ шествіе боговъ. „Это видѣніе уже не покидало меня“, сказалъ Наполеонъ. Онъ увидѣлъ собственную апотеозу.

Своими завоеваніями Наполеонъ возстановилъ Западную Римскую Имперію, возстановилъ ее географически и по духу. Въ 1809 году предѣлы Западной Имперіи и Наполеоновской почти покрывались. Если Наполеону недоставало Британіи и сѣверо-западной Африки, то онъ раздвинулъ свои границы отъ Рейна до Вислы и за Вислу и отъ Дуная до Балтійскаго моря.

Возстановленная Наполеономъ имперія болѣе напоминала римскую въ эпоху ея упадка, чѣмъ ея процвѣтанія. Несмотря на названіе она опиралась не на силу римскаго народа, а на личность императора, дисциплину войска и централизованную бюрократію. Наполеонъ это хорошо сознавалъ и гордился этимъ. „Я римскій императоръ, восклицалъ онъ. Развѣ не поражаетъ васъ, если вы знаете исторію, это сходство моего правленія съ правленіемъ Діоклетіана;

эти нити тѣсной сѣти, которую я простираю такъ далеко, эти вездѣсущія очи императора, этотъ гражданскій авторитетъ, который я сумѣлъ сохранить во всей силѣ въ имперіи совсѣмъ военнаго характера".

Наполеонъ былъ болѣе, чѣмъ Діоклетіанъ; онъ былъ Ѳеодосіемъ, можно сказать Юстиніаномъ новой имперіи. Еще тэперь сводъ законовъ его имени служитъ въ привислянскихъ губерніяхъ Россіи памятникомъ законодательному творчеству. Онъ хотѣлъ быть даже ея Константиномъ — мечталъ о томъ, чтобы по взятіи Константинополя дать ей не только единый законъ, но и единую вѣру, устроивъ Никейскій соборъ въ Галліи.

Но Востокъ сталъ уже инымъ. Его сила была теперь не въ Константинополѣ. Она отлила на сѣверъ, гдѣ восточная церковь пустила новый мощный ростокъ, послужившій корнемъ для возникновенія новой національной имперіи. Такимъ образомъ, въ лицѣ Наполеона и Александра возродился исконный дуализмъ, лежавшій въ основѣ жизни древняго міра—дуализмъ римской и греческой культуры, западной и восточной церкви,—дуализмъ, перешедшій затѣмъ и въ Европейскую исторію.

Однако Наполеона съ Александромъ раздѣлялъ еще другой, болѣе реальный, антагонизмъ. Наполеонъ водрузилъ свой престолъ, воспользовавшись силой, созданной революціей въ ея борьбѣ съ старой Европой—ея арміей. Эта огромная волна разлилась по Европѣ и, по живописному выраженію самаго уравновѣшеннаго изъ историковъ революціи и способнаго къ широкому пониманію, Сореля, прошла побѣдоносно по ней, но разбилась о древнія стѣны Кремля. Отсюда начинается отливъ. Поднимается другая, обратная волна: она также проходитъ по Европѣ до Парижа, вездѣ поднимая оживающія націи, и сноситъ Наполеона. Эта волна носитъ на себѣ торжество тѣхъ двухъ принциповъ, которые уничтожалъ повсюду Наполеонъ — легитимизма и національзма. Этими двумя принципами вооружился Александръ и обезпечилъ ими свое торжество надъ Наполеономъ. Поэтому близоруки тѣ хулители Александра, которые ставили ему въ вину то, что, преслѣдуя Наполеона, онъ не остановился на Нѣманѣ, предоставивъ Европѣ раздѣлаться съ нимъ какъ она знаетъ. Александръ былъ правъ, когда послѣ взятія Москвы воскликнулъ: „Не бывать миру съ Наполеономъ. Онъ или я, я или онъ... Мы не можемъ болѣе царствовать вмѣстѣ".

Походъ Императора Александра въ Европу не только былъ неизбѣжнымъ отвѣтомъ на вторженіе Наполеона въ Россію. Онъ имѣлъ еще другое всеобще-историческое значеніе. Если вѣрно и мѣтко, что Петръ Великій „прорубилъ окно въ Европу", то объ Императорѣ Александрѣ нужно сказать, что онъ *ввелъ* всю Россію въ Европу, сдѣлалъ ее составною органической частью европейскаго-культурнаго человѣчества и его исторіи. Побѣда Императора Александра надъ

Наполеономъ и разрушеніе имъ Наполеоновской Имперіи замыкаетъ собою тянувшійся черезъ многіе вѣка всемірно-историческій процессъ. Наполеоновская Имперія была послѣдней — сколько можно судить — попыткой геніальнаго завоевателя возстановить надъ Европой владычество римско-романскаго имперіализма.

Исторія человѣчества въ своемъ теченіи возбуждаетъ все новые и новые антагонизмы и потомъ сглаживаетъ ихъ. Дѣло историковъ объяснять ихъ возникновеніе и осмысливать ихъ; поэзія же, озаряя своимъ сіяніемъ борцовъ, примиряетъ съ ними потомковъ. Наполеону въ поэзіи посчастливилось болѣе, чѣмъ на судѣ исторіи. Его суровое величіе нашло себѣ сочувственный отзвукъ въ поэзіи всѣхъ побѣжденныхъ имъ народовъ, а тѣмъ паче у національнаго поэта его главнаго побѣдителя. Такъ позвольте же мнѣ вамъ напомнить великодушныя слова этого поэта, обращенныя къ Наполеону и исполненныя такого участія:

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?

А затѣмъ обращеніе поэта къ малодушнымъ —

„Кто въ сей день
Безумнымъ возмутятъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь“.

Москва въ 1812 году.

Рѣчь приватъ-доцента С. В. Бахрушина.

Москвѣ суждено было сыграть выдающуюся роль въ событіяхъ 12-го года. Съ самаго начала войны къ ней стремились всѣ помыслы, надежды и желанья французской арміи, начиная съ императора и кончая послѣднимъ рядовымъ. Послѣ Бородинскаго боя судьба Москвы была рѣшена, и 2 сентября, въ ясный солнечный день, французы увидали съ Поклонной горы разстилавшуюся у ихъ ногъ „плѣнную“ Москву.

Городъ, открывшійся глазамъ французовъ, былъ своеобразнымъ городомъ какъ по внѣшнему виду, такъ особенно по внутреннему быту.

Москва уже въ то время была большимъ городомъ, обнимавшимъ „дистанцію огромнаго размѣра“. Спутникамъ Наполеона она представлялась болѣе значительной, чѣмъ всѣ большіе города, какіе они видѣли, во всякомъ случаѣ не меньше Парижа [1]), Накануйѣ нашествія она насчитывала болѣе 280.000 жителей. Выросши исторически на склонахъ Кремлевскаго и прилежащихъ холмовъ она, представляя изъ себя „цѣлое море кривыхъ и узкихъ улицъ“ немощеныхъ или плохо мощеныхъ, цѣлую сѣть закоулковъ и переулковъ, обстроенныхъ причудливыми узорами зданій—„исполинскій городъ, построенный великанами, башня на башнѣ, стѣна на стѣнѣ, дворецъ возлѣ дворца“ [2]). Надъ этимъ лабиринтомъ господствовалъ Кремль съ его стѣнами и башнями, съ его златоверхими соборами, съ его запущенными дворцами и теремами, среди которыхъ выступали яркостью свѣжихъ красокъ и рѣзкими контурами лже-готики новыя зданія Вознесенскаго монастыря, дань увлеченію романтикой и памятникъ вкуса тогдашняго начальника Кремлевской Экспедиціи—Валуева [3]).

Къ Кремлю примыкалъ, ютясь на краю Кремлевскаго рва, едва-ли не самый своеобразный уголокъ Москвы—торговый городъ, средоточіе московской торговли— гостиные дворы, куча „безобразныхъ лабазовъ, окруженныхъ всякою нечистотою“, хлѣбныхъ избъ, калачныхъ, блин-

---

[1]) См. Brandt, Roos, Surugue, Bourgogne, Ц. Ложье и др.

[2]) Батюшковъ, Прогулка по Москвѣ.

[3]) Отзвуки 1812 и 1813 гг. въ письмахъ къ Волковой (Введеніе).

ныхъ и харчевенъ [1]). Уже въ то время Москва по своему центральному положенію имѣла большое торговое значеніе, была „центромъ русской промышленности и внутренняго торга, обширнымъ складочнымъ мѣстомъ туземныхъ товаровъ“ [2]). Французы съ изумленіемъ говорятъ о магазинахъ, содержавшихъ въ себѣ богатства Европы и Азіи. Это былъ особый міръ, поражавшій иностранцевъ „азіатскимъ покроемъ пышныхъ одѣяній купцовъ, греческими костюмами простонародья, ихъ длинными бородами“; они говорятъ о своеобразномъ азіатскомъ характерѣ рядовъ, гдѣ передъ ними раскладывались сибирскіе мѣха, индійскія ткани и другіе товары роскоши, а на ряду съ ними тянулись хлѣбные магазины, сосредоточивавшіе всю торговлю черноземной Россіи [3]). Отсюда текли тѣ милліоны, о которыхъ говорилъ Растопчинъ. Эта торговая Москва еще не завоевала себѣ того положенія, какое она пріобрѣла во второй половинѣ столѣтія; она жила своей особой жизнью, полу-азіатской, чуждой не только иностранцамъ, но и русскимъ верхамъ, которые со смѣшаннымъ чувствомъ удивленья и снисхожденья, порой граничавшимъ съ презрѣніемъ, со стороны глядѣли на нее. Эту подпольную купеческую Москву съ ея стародавней культурой, съ ея своебразнымъ бытомъ, съ кулачными боями и съ травлями медвѣдей заслоняла другая, господствующая, дворянская Москва, и ея лабазы и лавки исчезали за изящными формами дворянскихъ дворцовъ. Дворянскіе дворцы съ бѣлыми колоннами, окруженные садами, парками, многочисленными службами, флигелями, музыкантскими, кухнями, кладовыми, банями, теплицами, въ которыхъ взращивались ананасы и персики, цѣлыя помѣщичьи усадьбы, закинутыя внутрь города, продуктъ широкой помѣщичьей культуры, не знавшей границъ потребностямъ, воспитывавшей широту вкусовъ и построекъ—были едва-ли не самой типичной частью Москвы. Рядомъ съ купеческой Москвой эти дворцы, сколокъ европейской архитектуры, подражанье европейскому комфорту и европейскимъ вкусамъ, придавали городу характерный для него видъ „страннаго смѣшенья древняго и новѣйшаго зодчества, нравовъ европейскихъ съ нравами восточными“ [4]) и вмѣстѣ съ тѣмъ рисовали вопіющую картину той пропасти, соціальной и культурной, которая существовала между правящимъ сословіемъ и народомъ, пропасти, которая создалась исторически. Въ странѣ, гдѣ „роскошь, — по остроумному замѣчанію Сегюра [5]), — появилась не какъ слѣдствіе промышленнаго процвѣтанія, но предшествовала ему“, гдѣ всѣ соки уходили на поддержаніе одного сословія, это было неизбѣжно. Перемежаясь съ жалкими, крытыми дранкой лачугами и сараями,

---

[1]) Бумаги, относ. до Отеч. войны 1812 г., собр. и изд. Щукинымъ, ч. IV.
[2]) Surugue.
[3]) Зап. Сталь въ Рус. Арх. 1912 г., Зап. де-Флиза и др.
[4]) Батюшковъ.
[5]) Записки.

палаты дворянъ громко говорили о тѣхъ соціальныхъ противорѣчіяхъ, которыя находили себѣ почву въ Москвѣ, этомъ „жилищѣ роскоши и нищеты“, гдѣ „особенно властно царило неравенство“ [1]). Эти полторы тысячи дворцовъ господствовали изъ глубины своихъ садовъ надъ прочей Москвою, подавляли ее своей громадой, ослѣпляли своимъ внѣшнимъ блескомъ, выражая ея характерную особенность. Москва, „разнообразная, пестрая и причудливая, какъ сама природа“ [2]) — въ концѣ концовъ была „дворянскимъ городомъ“ [3]), „была, собственно говоря, общей резиденціей всего русскаго дворянства“ [4]), долгое время являясь сборнымъ мѣстомъ для всего русскаго дворянства, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму. Каждое семейство имѣло здѣсь свой домъ, какой-нибудь чистенькій деревянный особнякъ въ Замоскворѣчьѣ, съ широкимъ дворомъ, обсаженнымъ сиренью и акаціей, съ запущеннымъ садомъ, съ заросшими дорожками, съ десяткомъ одичалыхъ яблонь и съ неизбѣжными кустами малины. Наиболѣе зажиточные пріобрѣтали имѣнья подъ Москвой, проводя зиму въ Москвѣ, а часть лѣта въ ея окрестностяхъ. Туда пріѣзжали, чтобы веселиться, чтобы жить съ своими близкими, съ родственниками, и современниками. Дѣтямъ давали тамъ приличное воспитаніе и пользовались преимуществами жизни, которыя только и представлялись столицей. Каждый годъ, поэтому, въ декабрѣ, помѣщики всѣхъ сосѣднихъ губерній со всѣмъ семействомъ на собственныхъ лошадяхъ перекочевывали въ Москву; имъ предшествовали на крестьянскихъ лошадяхъ обозы съ замороженными поросятами, гусями и курами, съ крупою, мукою и масломъ [5]).

Блескъ этому дворянскому съѣзду придавало присутствіе представителей стараго родовитаго россійскаго дворянства. Москва могла гордиться пребываніемъ цѣлаго ряда вельможъ сошедшихъ съ поприща государственной дѣятельности, покончившихъ свои расчеты съ Петербургомъ и со службой и доживавшихъ свой вѣкъ въ Москвѣ, этомъ убѣжищѣ всѣхъ удалившихся отъ двора. Усталые отъ интригъ, недовольные правительствомъ, потерпѣвшіе крушенія на рифахъ дворцовой жизни искали здѣсь тихой пристани, но не одни опальные или недовольные покидали службу; были люди, говоритъ Вяземскій, которые, достигнувъ нѣкотораго чина и нѣкоторыхъ лѣтъ, оставляли добровольно служебное поприще, жили для семейства, для управленія хозяйствомъ своимъ, для тихихъ и просвѣщенныхъ радостей образованнаго общества. Такимъ образомъ, Москва дѣлалась средоточіемъ „дѣйствующихъ лицъ, со сцены сошедшихъ“, здѣсь „живали отстав-

---

[1]) Батюшковъ, Сегюръ и др.

[2]) Батюшковъ.

[3]) Зап. Вигеля, Сегюра.

[4]) Surugue.

[5]) Зап. Вигеля, Растопчина, Кологривовой и др.

ные правительственные дѣятели, вельможи, министры, между прочимъ, и отставныя красавицы, фрейлины Екатерины I", по выраженію Грибоѣдова „живая лѣтопись прежнихъ царствованій", и офиціальнымъ торжествамъ придавали небывалый блескъ Екатерининскіе мундиры съ разноцвѣтными обшлагами, красные камзолы съ золотыми позументами, груди усыпанныя брилліантами [1]), Независимость положенія этихъ бывшихъ людей, ихъ знанія и опытъ, ихъ связи и богатство давали имъ вѣсъ и въ обществѣ, и въ правительственныхъ сферахъ. Превратившись изъ дѣйствующихъ актеровъ въ нетерпѣливыхъ зрителей, строгихъ цѣнителей чужой игры, они заставляли бояться своихъ сужденій, и прислушиваться къ своему мнѣнію. Таковы были верхи дворянства, сосредоточеннаго въ Москвѣ.

Залъ Московскаго Благороднаго Собранія, „весь бѣлый, весь въ колоннахъ отъ яркаго освѣщенія весь, какъ въ огнѣ горящій", и являлся своеобразнымъ „форумомъ" россійскаго дворянства, центромъ, вокругъ котораго объединялась разношерстная и пестрая дворянская масса. Здѣсь встрѣчались безъ различія чиновъ и состояній представители перваго сословія, отъ вельможи до мелкопомѣстнаго дворянина, отъ статсъ-дамы до скромной уѣздной невѣсты, чувствуя одной большою семьею, здѣсь у подножія статуи Екатерины, этого мраморнаго кумира дворянской вольности, дворянская семья и объединялась въ одно могучее цѣлое, сильное общностью своихъ сословныхъ интересовъ [2]). Это положеніе Москвы, какъ центра правящей части общества, придавало ей особенное значеніе, къ ея голосу прислушивались, съ ней считались въ провинціи и даже въ Петербургѣ. Голосъ Москвы былъ голосомъ большей части дворянства. „Москва, — пишетъ Вигель, — имѣла тогда сильное вліяніе на внутреннія провинціи и примѣръ ея дѣйствовалъ на все государство. Москва подавала лозунгъ Россіи"; по выраженію Растопчина, она служила „регуляторомъ, маякомъ общественнаго мнѣнія, источникомъ электрическаго тока". Это отлично знали въ Петербургѣ: „въ Москвѣ, — писала великая княгиня Екатерина Павловна, — проживаютъ дворяне всѣхъ губерній, энтузіазмъ (отсюда) распространится по всей Россіи" [3]). Поэтому правительство съ особенною бережностью относилось къ Москвѣ. За ней ухаживали: московскаго генералъ-губернатора окружали пышностью, льстившей самолюбію чванныхъ москвичей; о каждой побѣдѣ въ Москву посылались особые курьеры съ рескриптами, лестными для старой столицы; съ ея мнѣніемъ считались въ вопросахъ государственной важности [4]). Когда въ 1809 году явилась не-

---

[1]) Вяземскій (соч. т. VII), Вигель, Пушкинъ, (въ статьѣ: „Москва").

[2]) Зап. Вигеля, Вяземскій (соч. т VII) и. др.

[3]) Цитир. по статьѣ Попова: „Французы въ Москвѣ въ 1812 г." (въ Рус. Арх. 1875—1876 гг.).

[4]) Зап. Растопчина.

обходимость вводить новые налоги, то Государь поѣхалъ въ Москву, чтобы „успокоить московскую знать“ [1]).—„Что скажетъ Москва?“ было первою мыслью и у императора и у окружавшихъ его лицъ при всякомъ серьезномъ начинаніи [2]). Это придавало особенное значеніе общественному мнѣнію Москвы, „сужденіямъ московской уголовной публики“, которую такъ трудно бывало „уконтентовать“ [3]). Каждый „Московской фабрики слухъ вредный и пустой“ выражалъ чаянья дворянства, и къ нему приходилось прислушиваться. По выраженію Вяземскаго, „изъ Петербурга истекали мѣры правительственныя, но способъ понимать, оцѣнивать ихъ, судить о нихъ, но нравственная ихъ сила были въ Москвѣ“. Такимъ образомъ Москва сдѣлалась средоточіемъ общественнаго мнѣнія дворянства.

Это общественное мнѣніе носило совершенно опредѣленный характеръ. Здѣсь господствовалъ „легкій оппозиціонный духъ“, какъ выражается Вигель. У Москвы была своя политическая окраска; она была своеобразно консервативна. Ея идеалы лежали въ царствованіи Екатерины, и затѣи „молодыхъ головъ“ въ началѣ царствованія Александра вызывали въ Москвѣ сильное неудовольствіе. Кормившаяся крѣпостнымъ правомъ, она была враждебна всякимъ попыткамъ его ограничить; во внѣшней политикѣ она суевѣрно боялась всякаго сближенія съ революціонной Франціей. Это не мѣшало ей быть по своему либеральной, „потакать всякаго рода маленькому своеволію“; она не любила Павла и не подчинялась ему и по отношенію къ Александру держалась самостоятельно. [4]) Присутствіе въ ней тѣснаго круга лицъ, независимыхъ по своему положенію, самостоятельныхъ въ жизни и сужденіяхъ, позволяло этому политическому настроенію выражаться открыто, дѣлало изъ Москвы своего рода „республику“, какъ ее величали еще со времени Екатерины. Здѣсь не стѣснялись рѣзко судить о правительствѣ, возмущаться произволомъ [5]), негодовать на „петербургскихъ злодѣевъ“, продающихъ русскій народъ. [6]) Всякая попытка наложить руку на вольность этой республики вызывала съ ея стороны отпоръ. „Сколь скоро самодержавіе,“ пишетъ Вигель [7]): вздумаетъ слишкомъ распрямить своенравную старушку, она закричитъ голосомъ тысячи врачей своихъ, тысячи своихъ болтуній, и правительство, если безъ уваженія, то не совсѣмъ однако-же безъ вниманія можетъ оставить безсмысленный сей шумъ“. Своевольная, независимая Москва, являлась, такимъ образомъ, очагомъ дворянскаго вольномыслія, своеобраз-

---

[1]) Дневникъ Коленкура въ „Рус. Арх.“ 1903 г.

[2]) То-же.

[3]) Переп. Растопчина съ Циціановымъ (XIX вѣкъ Бартенева).

[4]) Зап. Сегюра, Растопчина, Вигеля и др. Дневникъ Коленкура въ Рус. Арх, 1903 г.

[5]) См. письма Мордвинова (Р. А. 1912).

[6]) Письма Волковой.

[7]) Записки, I, 169.

ной цитаделью сословной оппозиціи. Государи поэтому недолюбливали старую столицу и неохотно ее посѣщали.

Сосредоточеніе дворянства въ Москвѣ налагало не только на политическій обликъ ея, но и на всю жизнь столицы неизгладимый „отпечатокъ“, дѣлая изъ нея центръ дворянской культуры, матеріальной и духовной. Въ Москвѣ эта культура достигла высшаго своего расцвѣта и самаго утонченнаго развитія.Москва жила для этой культуры, существовала для нея. Для нуждъ дворянства, лишеннаго возможности воспитывать своихъ дѣтей дома, еще въ XVIII в. былъ созданъ Московскій университетъ; для нихъ-же былъ открытъ и Благородный пансіонъ при немъ, и Екатерининскій институтъ для благородныхъ дѣвицъ, и всѣ тѣ частные пансіоны, которые содержались иностранцами исключительно для воспитанья молодыхъ дворянъ изъ провинціи, и самая система воспитанья въ этихъ дворянскихъ учебныхъ заведеньяхъ въ значительной мѣрѣ строилась на основаньяхъ, отвѣчавшихъ привычкамъ тѣхъ слоевъ дворянскаго общества, которые каждое изъ нихъ обслуживало Для бѣдной братіи воздвигали богатые представители сословія свои больницы и страннопріимные дома, хорошее устройство которыхъ удивляло французовъ [1]). Даже торговля регулировалась нуждами и вкусами дворянства. Рядомъ съ торговымъ Городомъ, за чертою Китая, возникъ новый торговый кварталъ, имѣвшій цѣлью удовлетворить тѣмъ потребностямъ дворянскаго вкуса, которыя не находили пищи въ примитивной торговлѣ Рядовъ, — Кузнецкій мостъ съ французскими магазинами, съ модами, съ нарядымъ блескомъ „книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ“, откуда по всѣмъ медвѣжьимъ угламъ дворянской провинціи распространялись предметы иностранной культуры. Но и вся вообще торговая физіономія Москвы опредѣлялась экономическою жизнью дворянства. Подмосковный промышленный районъ былъ въ значительной мѣрѣ въ рукахъ богатыхъ дворянъ-предпринимателей, а главный предметъ торговли Москвы — хлѣбъ—поставлялся исключительно дворянскими вотчинами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Москва являлась культурнымъ центромъ высшаго сословія, и вокругъ нея сплеталась духовная жизнь дворянства. Въ Петербургѣ дворяне служили, въ своихъ имѣньяхъ они хозяйничали и копили деньгу; въ Москвѣ они спѣшили использовать для своего удовольствія тѣ выгоды, которыя давали имъ ихъ положенье въ государствѣ и ихъ средства. Здѣсь они тратили деньги, здѣсь они давали широкій просторъ своимъ вкусамъ и духовнымъ потребностямъ. Эти потребности нерѣдко выражались въ грубыхъ формахъ, въ роскоши, въ внѣшнемъ блескѣ. Московскіе выѣзды: „карета золотая, лакеевъ, гайдуковъ и скороходовъ стая“, [2]) пресловутое московское хлѣбосоль-

[1]) Записки де-Флиза.
[2]) Стих. кн. Долгорукова.

ство, „ce besoin des seigneurs Russes“,[1]) отворявшее двери для званыхъ и незваныхъ, пиры, „подобные пирамъ 1.001 ночи,“ [2]) когда сосѣднія улицы бывали запружены экипажами—„цуги, цуги и цуги“, и музыка „эскосезъ и а ля грекъ“ разносилась по всему кварталу [3])—все это характеризовало тѣ потребности, которыя были взрощены въ кругу родовитыхъ московскихъ тузовъ. Но эти-же потребности выражались и въ коллекціяхъ художественныхъ произведеній искусства, въ громадныхъ библіотекахъ, вродѣ Бутурлинской, въ удовлетвореніи очень тонкихъ и воспитанныхъ вкусовъ, въ созданіи чрезвычайно изящной культуры, правда ограниченной небольшимъ сословнымъ кругомъ, но зато достигавшей въ этомъ тѣсномъ кругу особенно тщательной отдѣлки. Всѣ силы ума и изощреннаго вкуса, которыя питались дворянствомъ, нашли себѣ проявленье въ Москвѣ. Въ Московскомъ обществѣ „блестящая сторона умственной жизни была во всей силѣ и процвѣтаніи“, въ немъ „любознательность, вкусъ, потребность въ умственныхъ наслажденіяхъ были пробуждены и тонко изощрены“, являясь дополненьемъ къ изяществу внѣшней культуры [4]). Это общество жило литературными интересами „Изящная текущая словесность“, пишетъ Вигель: почти исключительно въ Москвѣ имѣла своихъ выборныхъ и верховныхъ дѣятелей; Россія училась говорить и писать по русски по книгамъ и журналамъ, издаваемымъ въ Москвѣ. Петербургъ коснѣлъ въ старомъ слогѣ, Москва развивала и преподавала новый“. Эта московская словесность, изобиловавшая талантами, отличавшаяся „любезностью и нѣжностью“, въ противоположность петербургскому „варварству“ родилась въ дворянскомъ кругу, и напоминала благовоспитанность этого круга; а центромъ ея являлась подмосковная кн. Вяземскаго—Остафьево.

Во всей своей совокупности Москва, какъ средоточіе политическаго могущества и культуры высшаго сословья, являлась своего рода дворянскимъ эдемомъ, центромъ, куда стремились ихъ помыслы. Свободная привольная жизнь въ Москвѣ, легкая служба („сколько въ Москвѣ мѣстъ“, восклицаетъ Вигель, гдѣ служба продолжительный, пріятный сонъ.—Кремлевская экспедиція, почтамтъ, опекунскій Совѣтъ“, къ которымъ можно прибавить архивы) избаловала москвичей, они отъ души любили „этотъ чудный городъ, ни на какой другой непохожій“, любили Москву, „какъ женщину старую, добрую, умную, веселую, хотя съ большими капризами“, и для многихъ, „спокойно кончить въ ней жизнь сдѣлалось постоянной мечтою“. [5]) Москва и жила своей обособленной жизнью, мало заботясь о томъ, что происходитъ въ Европѣ, не считаясь съ мнѣньемъ о себѣ Петербурга, сознавая свое нравствен-

---

[1]) Письмо Фабера у Щукина. (Бумаги, относ. до Отеч. войны 1812 г.).
[2]) Зап. г-жи де Сталь въ Рус. Арх. 1912.
[3]) Дневн. Жихарева.
[4]) Кн. Вяземскій, соч. т. VII.
[5]) Зап. Вигеля. Ср. „Горе отъ ума.

ное и культурное превосходство надъ нимъ [1]). Веселая и своеобразная дворянская республика и въ 1812 году ничѣмъ не нарушала своей обычной жизни, не подозрѣвая той судьбы, которая ей грозила.

Москвичи заканчивали обычный сезонъ баловъ, семейныхъ обѣдовъ и праздниковъ на дачѣ; этотъ сезонъ былъ особенно веселымъ, много танцовали. „Зиму 1812 года, — пишетъ одна современница [2]),— провели мы, какъ и всегда, на балахъ, концертахъ благородныхъ спектакляхъ. Весело промчалась зима, и помину тогда не было о политикѣ, развѣ, играя въ бостонъ, партнеры шепотомъ изъявляли негодованіе на Тильзитскій миръ да изумлялись исполинскимъ успѣхамъ Наполеона. Но никто не тревожился за сильную и непобѣдимую Россію, тѣмъ менѣе за ея столицы. Прошла весна такъ же весело въ пикникахъ и гуляньяхъ". Появленіе французскихъ войскъ на русской территоріи вызвало недоумѣніе: „да что же Наполеонъ съ ума что ли сошелъ. Покорить Россію что ли хочетъ" [3]). Но все это было такъ далеко. „Я еще разъ завидую московскимъ жителямъ,—писалъ Батюшковъ 1-го іюля,—которые такъ покойны въ наше печальное время, и я думаю, какъ басенная мышь, говоритъ сложивши лапки: чѣмъ грѣшная, могу помочь?" [4]) Словомъ „довѣренность безмятежная обладала умами" [5]).

Война представлялась отдаленной, ни чѣмъ не отличающейся отъ предыдущихъ войнъ съ Наполеономъ, о ней говорили, какъ о чемъ-то постороннемъ: „Мнѣніе большинства не было ни сильно потрясено, ни напугано этою войною. Мысль о сдачѣ Москвы не входила тогда никому въ голову, никому въ сердце", говоритъ кн. Вяземскій [6]).

Внезапный пріѣздъ Государя въ Москву 11 іюля, обставленный какою-то таинственностью, раскрылъ глаза Москвѣ; почувствовалось до извѣстной степени сознаніе важности момента. Государь пріѣхалъ озабоченный, печальный. Его пріѣздъ въ Москву имѣлъ громадное принципіальное значеніе; онъ означалъ поворотъ въ его политикѣ, отказъ отъ всѣхъ тѣхъ начинаній, которыми ознаменовалось начало его царствованія и которыми онъ оттолкнулъ отъ себя дворянство; незадолго передъ тѣмъ къ ликованію Москвы онъ пожертвовалъ мнѣнію избраннаго сословія Сперанскаго, этого типичнаго представителя александровскаго либерализма; теперь, сознавая всю трудность своего положенія, онъ ѣхалъ мириться съ дворянствомъ въ столицу этого дворянства—въ Москву, болѣе того, искалъ у него помощи для войны со страшнымъ врагомъ. Онъ рѣшился не безъ колебанья на шагъ, который по выраженію Растопчина, „не могъ не быть тяжелъ для каж-

---

1) См. Письма М. А. Волковой къ Ланской.

2) Кологривова (Рус. Арх., 1890).

3) Зап. Растопчина.

4) Собр. сочиненій.

5) Глинка.

6) Восп. о 12 годѣ.

даго государя“, не полновластнымъ владыкою являлся онъ въ Москву, а просителемъ, не съ приказаніемъ на устахъ, а „съ ласковымъ привѣтомъ, точно съ просьбою“, какъ говоритъ Хомутова, онъ искалъ поддержки и нравственной и матеріальной. Москва откликнулась съ небывалымъ энтузіазмомъ. При выходѣ Александра изъ дворца въ соборъ, Кремль былъ наполненъ народомъ, его обступили, на каждой ступени Краснаго Крыльца со всѣхъ сторонъ сотни торопливыхъ рукъ хватались за ноги Государя, за полы мундира, цѣловали ихъ со слезами, его затолкали; окружавшіе его генералъ-адъютанты съ трудомъ проталкивались въ толпѣ, чтобы дать ему дорогу.—„Не троньте ихъ, не троньте, я пройду“, говорилъ онъ, и медленно увлекаемый „быстрымъ приливомъ народа“ то въ одну, то въ другую сторону, по временамъ вынужденный останавливаться, пробирался онъ къ собору, кланяясь на обѣ стороны. На слѣдующій день при пріемѣ дворянства и купечества въ Слободскомъ дворцѣ—подъемъ былъ не меньше. Дикія выраженія патріотическихъ чувствъ купцами поразили даже Растопчина и растрогали Государя [1]).

Но за всеобщимъ энтузіазмомъ уже чувствовалось какое-то смутное ощущеніе чего-то страшнаго. Это чувство тревоги выразилось и въ паникѣ, охватившей толпу въ Кремлѣ, когда чернь при первомъ слухѣ о насильственномъ наборѣ ратниковъ, ринулась вонъ, и Кремль сразу опустѣлъ [2]), и въ рѣчи Глинки въ залѣ Дворянскаго Собранія на тему о скорой сдачѣ Москвы, и въ попыткахъ нѣкоторой части дворянъ использовать моментъ и предварительно поставить Государю нѣсколько вопросовъ о положеніи дѣлъ и, наконецъ, въ тѣхъ мѣрахъ предосторожности, которыя счелъ нужнымъ принять Растопчинъ, чтобъ положить предѣлъ этимъ толкамъ, въ тѣхъ кибиткахъ, которыя уже были готовы для высылки недовольныхъ [3]).

15 іюля Государь уѣхалъ успокоенный и радостный. Съ отъѣздомъ его жизнь въ Москвѣ опять вошла въ свою колею, настроеніе улеглось; „съ отбытіемъ Его Величества на брега Невы, — пишетъ Глинка,—полетъ душъ осѣкся; Москва смолкла въ Москвѣ... не было страха, не было трепета“, шла обычная „суетливость жизни и о жизни“ [4]). Слухи о войнѣ больше напугали „черный народъ“, и послѣ отъѣзда Государя началось бѣгство простонародья, бѣжали не отъ Наполеона, а отъ русскаго правительства, спасались не отъ французскаго нашествія, а отъ рекрутскаго набора [5]). Между тѣмъ, дворянская молодежь

---

[1]) Записки гр. Комаровскаго, Растопчина, Глинки и др. (См. также Рус. Стар. 1912 № 7).

[2]) Записки Маракуева (Сб. „Пожаръ Москвы I, 20).

[3]) Зап. Растопчина, зап. Глинки.

[4]) Зап. Глинки.

[5]) Зап. Маракуева (въ Сб. „Пожаръ Москвы“ I, 21): „13-е поутру мы выѣхали изъ Москвы и видѣли недалеко отъ Москвы толпы мужиковъ изъ нея ушедшихъ, Они спрашивали насъ, что дѣлается въ Москвѣ, и не берутъ-ли въ солдаты?“

записывалась въ добровольный полкъ Мамонова, рядилась въ военные мундиры; по понедѣльникамъ на гуляньѣ на бульварахъ молодые люди щеголяли передъ своими недавними дамами по танцамъ въ какихъ-то рыцарскихъ каскахъ и шляпахъ съ пѣтушьими перьями[1]).

Война все еще казалась очень далекой. Перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ успокоилъ Москву; она была спокойна, пока наши арміи, соединившись подъ Смоленскомъ, пребывали въ бездѣйствіи. Обыватели льстили себя надеждою, что кампанія окончена. Этой увѣренности способствовали преувеличенныя представленья о силахъ русской арміи; въ Москвѣ публика полагала, что ея на лицо до 400 тыс. [2]). Настроеніе Москвы отражалъ московскій генералъ-губернаторъ гр. Растопчинъ, еще въ началѣ августа искренно убѣжденный въ не возможности захвата столицы врагами [3]). Гораздо болѣе занятый партизанской войной съ общественнымъ мнѣніемъ строптивой Москвы, чѣмъ развязкой войны съ французами, онъ проводилъ вечера и ночи въ салонахъ кн. Хованскаго, погружаясь въ любезный ему омутъ мелкихъ сплетенъ и салонныхъ интересовъ, забывая среди нихъ свои непосредственныя обязанности [4]).

При такомъ настроеніи вѣсть о паденіи Смоленска „огромила Москву“. „Раздался по улицамъ и площадямъ гробовой голосъ жителей: открыты ворота къ Москвѣ“ [5]). Дѣйствительно, Смоленскъ, по выраженію Кутузова, былъ ключомъ къ Москвѣ.

Паника охватила столицу, сначала, впрочемъ, только высшее сословіе; изъ Москвы началось бѣгство. Никто не могъ отдать себѣ никакого отчета въ событіяхъ: „извѣстіе, поразило чрезвычайно“ [6]). Боялись не однихъ французовъ, ждали съ ужасомъ волненій среди черни и крѣпостныхъ, повторенія Пугачевщины, безпорядковъ, мятежа и рѣзни дворянъ: „возопили о небезопасности пребыванія въ Москвѣ. Упорно говорили, что ночные удальцы ждутъ только случая, чтобы поджечь нѣкоторые московскіе кварталы, ударить въ набатъ и „ухнуть на добычу и на грабежъ“. Распространенію такихъ слуховъ способствовалъ гр. Растопчинъ, который и самъ вѣрилъ въ возможность всякихъ ужасовъ, приказалъ перерѣзать веревки у колоколовъ и запереть колокольни во избѣжаніе набата [7]).

При такихъ обстоятельствахъ начался выѣздъ дворянъ и зажиточныхъ людей изъ Москвы.

---

[1]) Зап. Кологривовой.
[2]) Зап. Растопчина.
[3]) Письмо Растопчина Багратіону отъ 12 авг. 1812 г.
[4]) XIX вѣкъ Бартенева, II, 283.
[5]) Зап. Глинки.
[6]) Письмо Растопчина Багратіону отъ 12 авг. 1912 г.
[7]) Зап. Растопчина, Глинки.

„Съ минуты, какъ взятіе Смоленска сдѣлалось извѣстно въ Москвѣ, пишетъ Растопчинъ, многія лица рѣшили уѣхать оттуда, другія-же удовольствовались тѣмъ, что держали своихъ лошадей наготовѣ“.[1]

Рѣшительно выѣзды и отправки начались съ 15 августа. „Окрестности Москвы могли-бы послужить „живописцу, пишетъ М. А. Волкова: образцомъ для изображенія бѣгства Египетскаго. Ежедневно тысячи каретъ выѣзжаютъ во всѣ заставы и направляются однѣ въ Рязань, другія въ Нижній и въ Ярославль“. Не хватало лошадей и цѣны на нихъ достигли баснословныхъ размѣровъ[2]. „Въ самый день, когда было получено извѣстіе о паденіи Смоленска“, пишетъ Нелединской—цѣны на наемныхъ лошадей поднялись вчетверо“[3]. По мѣрѣ приближенія кризиса, эмиграція все усиливалась; число повозокъ, каретъ, бричекъ, калясокъ, выѣзжавшихъ въ заставы, доходило до 1.320 въ одинъ день, не считая кибитокъ[4]. Спѣшили выѣзжать, пока можно, уѣзжали почти тайкомъ, опасаясь заранѣе говорить о побѣгѣ, чтобы начальство не вздумало удержать. Всѣ окрестныя дороги заполнились обозами бѣглецовъ. Въ Ростовѣ проѣздъ продолжался 20 дней, улицы были затоплены проѣзжающими, ни въ самую полночь не было промежутка: одинъ конецъ обоза въ три или четыре ряда упирался у заставы, а другой, не пересѣкаясь, выходилъ за московскую[5]. Это было, по выраженію Батюшкова, „переселенье цѣлыхъ губерній“.

Ѣхали со страхомъ и печалью. „Горько оставлять Москву съ мыслью, что больше никогда не увидишь ея“, писала одна изъ отъѣзжающихъ[6]. Опасались мужиковъ, про которыхъ говорили, что они своихъ грабятъ; по тѣмъ-же основаньямъ боялись солдатъ. Въ пути была тѣснота и суматоха, на переправахъ черезъ рѣки давка и безпорядокъ отъ безчисленнаго скопленья экипажей, иногда дожидавшихся сутокъ двое и больше очереди. Начальство, безъ котораго и тогда не умѣли обходиться въ Россіи, отсутствовало. Своеобразную картину представляли по ночамъ освѣщенные кострами бивуаки переселенцевъ[7]. Въ этомъ повальномъ бѣгствѣ, „не зная куда и зачѣмъ“, было много безсознательнаго, бѣжали изъ страха передъ неизвѣстностью, изъ невозможности представить Москву, себя подъ властью Наполеона. Начали бѣгство дворяне; купцамъ было труднѣе подняться, труднѣе бросить свои дѣла и имущество, и они крѣпились до послѣдней крайности. Простонародье не отдавало себѣ отчета въ происшествіяхъ. Начиная съ 18 августа, когда врагъ былъ уже въ Вязьмѣ, т.-е. въ какихъ-

---

1) Зап. Растопчина.
2) Письма М. А. Волковой.
3) У Щукина. (Бумаги относ. до Отеч. войны 1812 г.).
4) Зап. Растопчина.
5) Зап. Маракуева.
6) Письма М. А. Волковой.
7) Зап. Маракуева, Глинки и др.

нибудь 220 верстахъ отъ Москвы, стали на скорую руку вывозить изъ Москвы казенное имущество: сокровища царскія изъ Оружейной палаты, соборную и патріаршью ризницы, сохранную казну Воспитательнаго дома; вывезли на-спѣхъ Екатерининскій институтъ, Благородный пансіонъ и другія учрежденія, и это бѣгство государственныхъ учрежденій еще болѣе пугало населеніе Москвы.

Въ это „смутное и суматошное время" многое зависѣло отъ личности Генералъ-губернатора. До тѣхъ поръ должность Московскаго главнокомандующаго была чисто почетнымъ постомъ для старика [1]); гланокомандующій здѣсь въ дворянской Москвѣ занималъ своеобразное положеніе „перваго среди равныхъ", держалъ открый дворъ и при извѣстномъ умѣньѣ легко поддерживалъ достоинство своего званья, т.-е., по выраженію Вигеля, заставлялъ себѣ повиноваться, окружалъ себя помпой и давалъ офиціальные обѣды и балы. Въ тотъ моментъ однако, когда выяснилось, что война неизбѣжно будетъ перенесена на русскую почву, приходилось позаботиться о выборѣ человѣка, на котораго можно было-бы возложить не одно только представительство. Александръ въ минуту опасности умѣлъ поступаться своими личными симпатіями и антипатіями и подчиняться голосу общественнаго мнѣнія. Подобно тому, какъ онъ призвалъ Кутузова, человѣка, котораго считалъ бездарностью, такъ и въ данномъ случаѣ онъ обратился къ бывшему любимцу Павла, гр. Ѳ. В. Растопчину, жившему до тѣхъ поръ вдали отъ дѣлъ, почти въ опалѣ, несмотря на непріязненныя чувства, которыя онъ питалъ къ нему не безъ основаній, болѣе того онъ вручилъ ему самыя широкія, хотя неопредѣленныя полномочія, въ пріѣздъ свой въ Москву демонстративно выказывалъ ему особенное свое довѣріе и расположенье и уѣхалъ, не давъ ему никакихъ руководящихъ указаній и распоряженій, предоставивъ ему самому распутываться какъ онъ знаетъ, почти въ виду Наполеоновой арміи. „Онъ уѣхалъ, оставивъ меня полновластнымъ и облеченнымъ довѣріемъ, пишетъ Растопчинъ, но въ самомъ критическомъ положеніи, какъ покинутаго на произволъ судьбы импровизатора, которому поставили темой: Наполеонъ и Москва" [2]). Гр. Ѳ. В. Растопчинъ, на долю котораго выпала тяжелая честь стоять во главѣ Москвы въ это трудное время, былъ своеобразнымъ человѣкомъ; администраторъ, воспитанный въ школѣ Павла, съ кипящей, хотя не всегда хорошо направленной энергіей, съ громадной самоувѣренностью, онъ самъ себя считалъ очень на мѣстѣ, и съ чувствомъ безпокойства у него смѣшивалось сознаніе своихъ администраторскихъ способностей. Новый хозяинъ Москвы былъ яркимъ представителемъ того переходнаго поколѣнія, которое перечувствовало и пережило глубокое разочарованіе въ принципахъ и въ міросозерцаніи своего вѣка, и это налагало на его характеръ какую-

[1]) Письма Растопчина къ Воронцову (Архивъ Воронц. VIII).

[2]) Записки.

то двойственность, создавало въ немъ внутреннее противорѣчье, которое красной линіей проходитъ черезъ всю его фигуру. Человѣкъ, и по воспитанію и по складу ума принадлежавшій къ XVIII в., онъ силой условій, впечатлѣній и интересовъ испыталъ на себѣ дѣйствіе рѣзкой реакціи, противъ раціоналистическихъ понятій, которыя нашли выраженье во Французской революціи, ушелъ въ сферу тѣхъ направленій, которыя были противоположны безсознательнымъ влеченьямъ его мысли. Отсюда то внутреннее противорѣчіе, которое мы отмѣтили въ его характерѣ. Галломанъ, весь проникнутый французской культурой, онъ презиралъ и ненавидѣлъ французскую національность, какъ скоро вспоминалъ принципы, провозглашенные Французской революціей. Эта ненависть зиждилась на чисто сословныхъ интересахъ, которые не мирились съ французскимъ якобинствомъ; онъ со страхомъ ожидалъ момента, когда „желаніе получить такъ называемую свободу возмутитъ народъ къ погибели дворянства, единственной цѣли, къ которой чернь стремилась при всякихъ случаяхъ и возстаніяхъ. Такого рода людямъ, пишетъ онъ, служитъ примѣромъ Франція“.

Поэтому въ общественномъ быту онъ былъ непримиримымъ врагомъ французской культуры, носительницы соціальной заразы, громилъ ее въ своихъ многочисленныхъ памфлетахъ, въ каждомъ французѣ видѣлъ врага и шпіона, не останавливался ни передъ какими мѣрами жестокости, чтобъ запугать тѣхъ изъ нихъ, которые жили въ Москвѣ, но это не мѣшало тому, что въ семьѣ онъ окружалъ себя французами: его дѣти воспитывались гувернерами французами; священникъ церкви св. Людовика былъ постояннымъ гостемъ въ его домѣ на Лубянкѣ, его жена была тайной католичкой; французская колонія видѣла въ немъ своего покровителя и привѣтствовала его назначеніе. Можно сказать, что онъ былъ галломаномъ, но ненавидѣлъ принципы революціи, и ненависть къ якобинцу переходила у него въ ненависть къ французу. Но, если какъ всѣ русскіе люди, видѣвшіе издали ужасы революціи, онъ боялся пагубнаго просвѣщенія („lumières funestes“) и ненавидѣлъ „мнимую“ философію XVIII в., то онъ не могъ избавиться отъ той дисциплины мысли, которая въ немъ была воспитана философскимъ міросозерцаніемъ предшествующаго столѣтія. Онъ былъ раціоналистъ чистѣйшей воды. Отсюда это пренебреженіе къ массамъ, къ этой „бѣдной толпѣ“, въ которой „дураковатые люди никогда не обрѣтаются въ меньшинствѣ“—отсюда твердая увѣренность, что „путемъ словъ и очень небольшой доли шарлатанства“, можно властвовать надъ массою, можно заставить себя любить и бояться больше, чѣмъ могъ того добиться Магометъ, этотъ прописной образецъ раціоналистической литературы XVIII ст.; отсюда сознательное стремленіе „прибѣгать къ разнымъ маленькимъ средствамъ для занятія и развлеченія умовъ въ народѣ“ [1]. „Тяжелая работа для ума“, восклицаетъ онъ,

[1]) Зап. Растопчина, его переписка съ Воронцовымъ (Архивъ Воронцова, VIII).

придумывать, чѣмъ бы можно было производить впечатлѣніе на массы". Это пренебреженіе къ массамъ онъ распространялъ не только на простонародье, но и на высшее сословіе, на „праздную дворянскую сволочь" („la canaille oisive noble") [1]) и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по своимъ соціальнымъ интересамъ никогда не отдѣлялъ себя отъ дворянства, прославлялъ его доблесть и вмѣстѣ со многими другими губилъ Сперанскаго, это олицетвореніе противодворянской политики начала царствованія Александра. Съ дворянствомъ его объединили слишкомъ тѣсныя узы; онъ ненавидѣлъ и презиралъ дворянскую Москву, эту несносную сплетницу, эту негодяйку (cette coquine de ville) [2]), но жилъ одними съ нею чувствами и интересами, опирался на ея мнѣніе, когда, напримѣръ, въ началѣ царствованія заговорили объ крестьянской свободѣ, „мысль о которой въ Москвѣ далеко не доставляла удовольствія". Это было понятно, дѣло шло о шкурномъ вопросѣ, который объединялъ Растопчина и ненавидѣвшую его и презираемую имъ московскую знать; „въ концѣ концовъ, — писалъ онъ, — всякому хочется жить" [3]).

Чувствуя себя постоянно на сценѣ, даровитымъ артистомъ, всегда гримирующимся, всегда готовящимъ слова роли (не даромъ онъ хвалился, что отлично владѣлъ пантомимой, такъ какъ въ молодости былъ хорошимъ актеромъ), онъ научился и въ другухъ видѣть лишь желаніе играть комедію и всюду искалъ и находилъ корыстные виды и притворство съ низкими цѣлями. Офиціально восхваляя преданность дворянства отчизнѣ, онъ въ глубинѣ души не вѣрилъ въ эту преданность, чувствовалъ фальшь „красивыхъ словъ и жестовъ", подозрѣвая за ними „игру самолюбія", желаніе выслужиться „изъ-за чести быть приглашеннымъ къ высочайшему столу" [4]). „Всякій малодушный дворянинъ, всякій бѣжавшій изъ столицы купецъ и бѣглый попъ считаетъ себя, не шутя Мининымъ и Пожарскимъ, потому, что одинъ изъ нихъ далъ нѣсколько крестьянъ, а другой нѣсколько грошей, чтобы спасти этимъ все свое имущество" [5]). Такъ доходилъ онъ до самаго глубокаго скептицизма въ отношеніи къ людямъ, къ полному презрѣнію къ русской націи, которую онъ при другихъ условіяхъ такъ ходульно возвеличивалъ. „Въ массѣ русскій народъ грозенъ и непобѣдимъ, — писалъ онъ Государю (пробуя примирить противорѣчивость въ своихъ взглядахъ),—но отдѣльныя личности весьма ничтожны" [6]). Приписывая громадное значеніе воздѣйствію на массы словомъ и уловками, онъ былъ склоненъ преувеличивать зна-

[1]) Письмо Растопчина къ Государю отъ 14 дек. 1812 г. (французскій текстъ письма у Щукина, ч. VII. 420).

[2]) XIX вѣкъ Бартенева, II, 278.

[3]) Архивъ Воронцова, VIII.

[4]) Письмо Растопчина Государю отъ 14 дек. 1812 г.; его Записки.

[5]) Письмо Растопчина Государю отъ 14 дек. 1812 г.

[6]) Письмо Растопчина Государю отъ 14 дек. 1812 г.

ченіе случайныхъ мелочей, всюду видѣлъ интригу, всюду видѣлъ козни; въ самыхъ невинныхъ словахъ онъ чуялъ опредѣленную цѣль, въ каждой пустой сплетнѣ искалъ автора и угадывалъ его намѣреніе. Всюду ему мерещился заговоръ: то ему представлялся почти наканунѣ вступленія Наполеона въ Москву „планъ столь же безумный, сколь ужасный, поднять революцію въ пользу великаго князя Константина Павловича“, то въ лицѣ растерявшихся московскихъ сенаторовъ онъ „отнималъ у Наполеона страшное орудіе, которое въ его рукахъ могло бы возбудить нерѣшительность и парализовать энергію во внутреннихъ областяхъ имперіи“ [1]). Во всемъ онъ склоненъ былъ видѣть руку тайныхъ агентовъ якобинства и мартинизма, подъ каковымъ общимъ названіемъ у него сливалось представленіе о политическомъ и религіозномъ вольнодумствѣ. Въ его отношеніи къ мартинизму отражалась особенно ярко раціоналистическая складка ума. Убѣжденный, „что каждый человѣкъ, воспитанный въ извѣстной религіи долженъ жить и умереть въ ней“ [2])—онъ, тѣмъ не менѣе, не могъ избавиться отъ слегка пренебрежительнаго отношенія ко всякой религіи, въ частности къ обрядности православія, а на мартинистскую секту смотрѣлъ не болѣе какъ „на оперную труппу и на толпу одураченныхъ людей“ [3]). Непріязнь его къ якобинству была глубже, основывалась на интересахъ соціальныхъ и уживалась съ консервативнымъ вольнодумствомъ, съ демагогическими пріемами, съ чисто московской рѣзкостью сужденій человѣка, для котораго не были святы самыя высшія божескія и человѣческія отношенія. Такъ переплетались въ немъ самыя противорѣчивыя свойства, націоналистическая и сословная страстность съ пріемами и привычками раціоналистическаго ума.

Таковъ былъ новый „московскій властитель“. Когда этотъ некрасивый мужчина „съ звѣрообразнымъ калмыковатымъ лицомъ“, съ ѣдкой насмѣшкой на устахъ, явился на горизонтѣ Москвы, ему обрадовались, „можетъ быть потому, что все новое нравится“, какъ писала Волкова, и стали къ нему приглядываться. Между тѣмъ, поддавшись своему воинственному темпераменту, онъ сразу сталъ въ заранѣе задуманную позу. Разыгрывая изъ себя новаго Магомета, онъ принялся за пантомиму, которой теперь придавалъ высокое государственное значеніе. Онъ хотѣлъ управлять не только Москвой, но и событіями; тутъ во весь ростъ проявилъ себя узкій и мелкій раціоналистъ; „онъ совершенно зналъ духъ непокорности дворянъ, зналъ также своеволіе, предразсудки простого народа“; чтобы, „сжать тѣхъ и другихъ въ мощной рукѣ своей“ онъ считалъ нужнымъ „овладѣть ихъ умами и привести къ себѣ“ [4]). „Я употребляю всѣ усилія къ тому, чтобы за-

---

1) Записки Растопчина.
2) Переписка Растопчина съ Циціановымъ въ XIX вѣкѣ Бартенева.
3) Зап. Растопчина.
4) Слова Вигеля.

служить всеобщее благоволеніе,—писалъ онъ Государю[1]),—съ цѣлью быть какъ можно болѣе полезнымъ на службѣ и готовить умы настолько, чтобы ими воспользоваться въ случаѣ надобности". Пріемы его дешеваго популярничанья были имъ заранѣе обдуманы: Москва была благочестива, и онъ сталъ служить молебны передъ чудотворными иконами и въ угоду старыхъ ханжей убралъ съ выставокъ въ гробовыхъ лавкахъ гробы. Москва не привыкла видѣть во главѣ себя человѣка энергичнаго, и два утра было, по его словамъ, для него достаточно, чтобы пустить пыль въ глаза и убѣдить москвичей въ томъ, что онъ неутомимъ и вездѣсущъ; онъ леталъ по Москвѣ, всюду вмѣшивался и оставлялъ слѣды своей справедливости или строгости. Двукратное посѣщеніе Иверской часовни, доступность для каждаго, произведенная провѣрка вѣсовъ, наконецъ 50 палокъ, данныхъ въ его присутствіи недобросовѣстному унтеръ-офицеру — этого было въ его глазахъ достаточно, чтобы заслужить довѣріе столицы [2]). Затѣмъ съ безпорядочной и безтолковой хлопотливостью, онъ принялся готовить Москву къ французскому нашествію. Всѣ силы своего изворотливаго и тонкаго, хотя неуравновѣшеннаго ума, онъ направилъ къ тому, чтобы найти въ Москвѣ крамолу и уничтожить ее. Онъ ее и нашелъ въ почтамтѣ, „началъ свое правленіе,—по язвительному выраженію Поздѣева —тѣмъ, что, пріѣхавъ къ почтмейстеру Ключареву и объявивъ императорскій гнѣвъ, не сказавъ причины, арестовалъ его и сослалъ въ Воронежъ" [3]), обрѣлъ измѣну и въ селѣ Авдотьинѣ, гдѣ жилъ масонъ Новиковъ, въ письмѣ его эконома и въ расчетахъ его съ извощикомъ [4]), и даже въ мирной кремлевской экспедиціи, въ лицѣ ея начальника старика С. П. Валуева, и, наконецъ, въ Московскомъ отдѣленіи Сената [5]). Жертвой этой стороны дѣятельности графа былъ Верещагинъ.

Въ отношеніи къ простонародію Растопчинъ велъ еще болѣе сложную и опасную игру. Здѣсь онъ прибѣгалъ къ тѣмъ своеобразнымъ пріемамъ воздѣйствія, которые такъ характерны для него, какъ раціоналиста. Удачный жестъ, будь то оплеуха, данная во время [6]), удачное слово—вотъ чѣмъ онъ думалъ властвовать надъ толпою. Типичнымъ для него средствомъ явились воззванія, знаменитыя его афишки, лубочныя картинки съ опредѣленной тенденціей, наконецъ, безграмотныя притчи, поддѣлки подъ церковную литературу. Онъ не гнушался обманомъ; онъ самъ разсказываетъ, какъ получивъ дурное извѣстіе, онъ сознательно искажалъ его, чтобы ободрить народъ; онъ шелъ даже на то, что сочинялъ и распространялъ извѣстія о религіозныхъ чуде-

---

[1]) Письмо отъ 11 іюля 1812 г.
[2]) Письмо Растопчина Государю отъ 11 іюля 1812 г.
[3]) Рус. Арх. 1872 г.
[4]) „Рус. Арх.". 1866 г.
[5]) Зап. Растопчина.
[6]) Зап. Растопчина.

сахъ[1]). Всѣ эти уловки преслѣдовали опредѣленную цѣль. Онъ боялся соціальныхъ волненій—этого боялась вся Москва, и хотѣлъ предотвратить ихъ обычнымъ своимъ „шарлатанствомъ". Поводовъ къ опасеніямъ было много. Наполеономъ было произнесено „очаровательное слово вольности", и Растопчинъ, который не менѣе самого Наполеона вѣрилъ въ дѣйствительность словъ на массу, вмѣстѣ со всѣмъ подчиненнымъ ему дворянствомъ былъ запуганъ этимъ словомъ. Всю силу народной шаткости онъ и хотѣлъ теперь направить противъ французовъ, и тѣмъ сразу достичь двухъ цѣлей — вооружить народъ для борьбы съ иноплеменниками и отвлечь его отъ „коварныхъ обольщеній". По тѣмъ же соображеніямъ онъ сознательно натравливалъ чернь на французовъ, жившихъ въ Москвѣ. „Живымъ Богомъ свидѣтельствуюсь,—писалъ Глинка, ссылаясь на постоянное общеніе съ народомъ,—что никакая неистовая ненависть не волновала сыновъ Россіи... никакое слово ненависти и негодованія не исторгалось изъ устъ" [2]), но проповѣдь Растопчина достигла своей цѣли, и онъ сумѣлъ разъярить чернь, потакая самымъ темнымъ ея страстямъ, дразня ее дикими сценами расправы съ иностранцами, возбуждая ее своими афишами. Эта демагогическая сторона дѣятельности Растопчина не ускользнула отъ наблюдательности современниковъ. Большинство находило слогъ его афишъ „пошлымъ и площаднымъ", и этотъ „площадной языкъ черни казался дворянамъ не вовсе приличнымъ въ обнародованіяхъ отъ имени главнокомандующаго, который долженъ говорить всѣмъ сословіямъ" [3]). Шаховской высказался опредѣленно: „не нахожу разъяренья черни средствомъ, свойственнымъ законному правительству". Самъ онъ, подводя итоги своей дѣятельности въ эти горячіе мѣсяцы, главную заслугу свою видѣлъ именно въ этой ловкой политикѣ въ отношеніи къ черни; онъ считалъ, что его не оцѣнили въ Москвѣ „гдѣ многіе (ему исключительно) обязаны жизнью. Самый малый бунтъ распространился бы вездѣ, и я не знаю, кто бы тогда выгналъ Наполеона и гдѣ бы каждый очутился" [4]). Въ первую минуту онъ сумѣлъ внушить такое убѣжденіе самимъ дворянамъ. Волкова видитъ Божіе милосердіе въ томъ, что во главѣ Москвы въ тяжелыя минуты находился Растопчинъ: „будь у насъ прежній начальникъ, Богъ знаетъ что бы съ нами было теперь". Въ болѣе спокойную минуту эту игру съ народомъ оцѣнивали иначе: „Надобно-ли было гр. Растопчину,— пишетъ Лубяновскій [5]),— опасаться въ общей тревогѣ возстанія черни и успѣлъ-ли бы онъ, какъ провозглашалъ, отвести ее отъ того прибаутками, онъ про то знаетъ, а повидимому ни у кого не было ничего похожаго на то и въ помышленіяхъ; скорѣе можно бы ожидать отъ черни своевольства отъ подстрекательства тѣми-же кол-

[1]) То же.
[2]) Записки Глинки.
[3]) Зап. Бестужева-Рюмина (Рус. А. 1866), Маракуева, Шаховского.
[4]) Рус. А. 1863.
[5]) Рус. А. 1872.

кими шутками“. Такъ проходило время у Растопчина въ выискиваніи воображаемыхъ измѣнниковъ и въ не лишенной необрѣтательности игрѣ въ демагоги, а въ промежутки, сидя въ Москвѣ, онъ страстно желалъ влiять на ходъ военныхъ дѣйствій, мирилъ Багратіона съ Барклаемъ де Толли [1]) и нетерпѣливо дожидался, когда, наконецъ, у него спросятъ совѣта о дальнѣйшемъ планѣ войны. Всѣмъ этимъ онъ былъ такъ занятъ, что проглядѣлъ моментъ сдачи Москвы. Еще 12 августа онъ писалъ: „я не могу себѣ представить, чтобы непріятель прійти могъ въ Москву“ [2]). Въ своихъ афишкахъ онъ ручался головою, что „врагъ въ Москвѣ не будетъ“. Все, что происходило кругомъ него—и въ этомъ злая насмѣшка надъ человѣкомъ, который вѣрилъ въ возможность руководить событіями по произволу разсудка—происходило помимо него. „Наперекоръ гр. Растопчину“ выступило со своими пожертвованіями московское дворянство [3]). Помимо него поднялись дворяне изъ своихъ особняковъ и, гонимые непреодолимымъ чувствомъ страха передъ неизвѣстностью, двинулись вонъ изъ Москвы. Онъ не мѣшалъ имъ выѣзжать, но относился несочувственно къ всеобщему бѣгству, а магистрату запретилъ даже выдавать купцамъ и мѣщанамъ паспорта, кромѣ женъ и дѣтей [4]). Въ афишахъ онъ высмѣивалъ трусость дворянъ, не сознавая какъ будто опасности подобныхъ шутокъ. „Если по ихъ есть опасность,—писалъ онъ объ уѣзжающихъ,—то непристойно, а если нѣтъ, то стыдно“. И въ частныхъ письмахъ онъ упрекалъ дворянъ въ трусости. „Кто, не вѣря словамъ его (о полной безопасности въ Москвѣ), которымъ менѣе всего вѣрилъ онъ самъ, выѣзжалъ изъ Москвы съ семьей и скарбомъ, онъ провожалъ, — пишетъ современникъ [5]),—забавными поговорками, ѣдкими насмѣшками, удачными до того, что вчастую по улицамъ горе ходило объ руку со смѣхомъ“.

Между тѣмъ, по мѣрѣ приближенья „кризиса“, т.-е. рѣшительнаго сраженья—смятенье усиливалось въ народѣ. Результаты Бородинскаго боя были скрыты отъ населенья столицы; въ высшей степени осторожному письму Кутузова придали въ генералъ-губернаторскомъ домѣ характеръ побѣдной реляціи, и, когда послѣ этого получены были извѣстія объ отступленіи русской арміи отъ Можайска, отсутствіе точныхъ свѣдѣній повергло еще болѣе населенье въ смутное чувство страха. „Мысли, души, весь бытъ Московскій былъ въ разбродѣ“ [6]). Во всемъ видѣли тайну. Запуганная фантазія искала повсюду таинственныхъ явленій, искала пищи для взбудораженныхъ чувствъ. Москва

---

1) Письмо Растопчина къ Багратіону отъ 6 августа 1812 г.

2) Письмо Растопчина къ Багратіону.

3) Поповъ, Французы въ Москвѣ въ 1812 г. (Рус. А. 1675—76 г.).

4) Бестужевъ-Рюминъ (Рус. А. 1896).

5) Лубяновскій (Рус. А. 1872).

6) Зап. Глинки.

наполнилась слухами о чудесныхъ явленьяхъ и о голосахъ, слышанныхъ на кладбищѣ, о пророчествахъ; искали утѣшенья въ цитатахъ Священнаго писанья, отыскивали въ Апокалипсисѣ пророчества о паденіи Наполеона. Всякому пустяку придавали таинственное значеніе и смыслъ. Чтобы объяснить событія искали измѣнниковъ и измѣну и нашли то, чего хотѣли, въ лицѣ бывшаго главнокомандующаго Барклая де Толли. Строились всякіе безумные планы и химеры, вродѣ проекта одной дамы объ организаціи отряда амазонокъ [1]). „Глупыя афишки Растопчина", по словамъ современника—совершенно убивали надежду публики" [2]). Перспектива боя на Трехъ горахъ или даже на улицахъ столицы усиливала панику.

29 августа Москва была поражена ужасомъ, когда ночью увидала отблескъ нашихъ бивачныхъ огней въ разстояніи 40 верстъ отъ города. Этотъ свѣтъ открылъ и остальнымъ жителямъ глаза на ту участь, которая ихъ ожидала. Народъ, „обманываемый весьма часто, на день раза по два двусмысленными обнадеживаньями, что никакой опасности нѣтъ, что наши все разбиваютъ французовъ", теперь обезумѣлъ отъ страха. Простонародье бросилось вразбродъ изъ „обреченнаго на всесожженіе города". Растерянность Растопчина, его нелѣпая и безтолковая распорядительность, его неосвѣдомленность способствовали всеобщей дезорганизаціи. Въ то время, какъ все, что могло, бѣжало изъ Москвы, внѣшній видъ жизни еще сохранялся какъ-то нелѣпо: 30 августа, въ день тезоименитства Государя, имѣлъ мѣсто традиціонный маскарадъ, пустыя залы Благороднаго Собранія ярко были освѣщены. Наканунѣ вступленія французовъ былъ спектакль въ Московскомъ театрѣ [3]).

Растопчинъ готовился къ оборонѣ: „вооружайся кто чѣмъ можетъ!" писалъ онъ въ своихъ афишкахъ: „и конные, и пѣшіе идите со крестомъ, возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменьемъ собирайтесь на Три горы", самъ хотѣлъ быть тамъ съ народомъ и вмѣстѣ истребить враговъ. 31-го, уѣзжая въ лагерь, онъ обѣщалъ вернуться къ обѣду и „приняться за дѣло, додѣлать и отдѣлать непріятеля". Эти воззванія нервировали чернь, производя „дѣйствіе самое убійственное". Въ наполовину покинутомъ городѣ начались грабежи; питейная контора на Покровкѣ была разбита, на улицахъ крикъ, драка; останавливали прохожихъ, спрашивали, гдѣ непріятель. На бѣглецовъ, выѣзжавшихъ изъ города, глядѣли враждебно, даже грозили имъ, въ нихъ видѣли измѣнниковъ. Многіе готовились къ смерти напутствованіемъ себя причастіемъ. Толпа, вооруженная пиками и топорами, обступала подворье преосв. Августина, требуя чтобъ онъ вышелъ съ ними на Три горы, крича одни, что непріятель вошелъ уже въ городъ,

---

1) Зап. Растопчина, Письма М. А. Волковой, Зап. Глинки и др.

2) Зап. Маракуева.

3) Зап. Растопчина, Глинки. Письма Поздѣева (Рус. А. 1872).

другіе, что англичане идутъ къ намъ на помощь. Такая-же толпа стояла на Лубянкѣ передъ домомъ главнокомандующаго [1]).

Среди общаго смятенья пробовалъ было вмѣшаться въ дѣла Сенатъ; въ немъ были лица, которыя хотѣли войти въ непосредственныя сношенія съ Кутузовымъ и организовать оборону столицы; возникала мысль не покидать Москвы „по примѣру римскихъ сенаторовъ во время вступленія галловъ въ Римъ". Московскихъ сенаторовъ вывелъ изъ затруднительнаго положенія Растопчинъ; онъ разрѣшилъ ихъ колебанье, распорядившись имъ выѣзжать немедленно изъ Москвы [2]).

Всеобщая растерянность усиливалась дѣйствіями Кутузова, который открыто пренебрегалъ московскими властями, давалъ помимо Растопчина непосредственныя распоряженія его подчиненнымъ, распорядился, между прочимъ, везти пожарный обозъ вонъ изъ Москвы по Владимиркѣ въ цѣляхъ обмануть непріятеля ложнымъ движеніемъ на Казань [3]).

1-го сентября, въ ночь на второе, началось безпорядочное отступленіе русской арміи черезъ Москву, сопровождаемое давкой на улицахъ и грабежемъ. Обозы армейскіе и всякіе снаряды съ великой поспѣшностью проѣзжали черезъ Москву и другъ друга стѣснили, и весь Кремль и улицы наполнены были артиллеріей и войскомъ. Одновременно быстро выступали, почти бѣжали гражданскія власти и полиція [4]). На скорую руку побросали въ Москву рѣку кое-что изъ имѣвшихся въ Москвѣ припасовъ; выпустили изъ Губернскаго замка и Временной Тюрьмы острожниковъ [5]). Ночью, тайно отъ народа вывезли Иверскую и другія иконы. Арсеналъ былъ отданъ на разграбленіе, брали кто что могъ, и, вооружившись чѣмъ попало, взрослые и подростки уже бѣжали изъ Кремля навстрѣчу врагу [6]). Все было пьяно [7]).

Обыватели, довѣрчиво дожидавшіеся того момента, когда ихъ позовутъ въ дружину на Три горы, застигнутые врасплохъ бѣгствомъ начальства [8]), торопились выбраться напослѣдки изъ Москвы, унося и увозя что успѣвали взять. Среди бѣглецовъ былъ самъ гр. Растопчинъ.

---

1) Наиболѣе яркую картину Москвы въ этотъ моментъ можно найти въ запискахъ Снегирева (Р. Арх. 1866 и 1912 гг.)

2) Этотъ эпизодъ описанъ Растопчинымъ въ его запискахъ.

3) Объ этомъ см. у Глинки, который утверждаетъ, что видѣлъ бумагу Кутузова на имя Ивашкина. Впрочемъ, документы, изданные Щукинымъ, не вполнѣ подтверждаютъ его извѣстіе.

4) Щукинъ, Бумаги, относящіяся до войны 1812 г., III, 261.

5) Этотъ вопросъ вполнѣ выясненъ въ настоящее время благодаря изданнымъ г. Щукинымъ документамъ (т. II, 212).

6) Записки Глинки.

7) См. у Попова, Французы въ Москвѣ въ 1812 г. (въ Рус Арх. 1875—1876 гг.).

8) Въ такое положеніе попалъ, между прочимъ, Глинка, и не онъ одинъ, какъ видно изъ цѣлаго ряда мемуаръ (напр. Мосолова въ Бумагахъ Щукина, Свербеева въ Вѣстн. Евр. 1872 г.)

Растерявшійся, обезумѣвшій отъ внезапности всего происшедшаго, неподготовленный къ тому обороту, какое приняло дѣло, онъ тутъ, по язвительному выраженію Поздѣева, можетъ быть дѣйствительно, былъ и самъ недоволенъ, „что выпросился въ командиры московскіе“ [1]), Раздосадованный на невниманіе къ нему въ лагерѣ Кутузова, самъ не зная, чего требовать и на что жаловаться, на то-ли, что покидаютъ Москву безъ боя, на то-ли что яко-бы хотѣли биться на Поклонной Горѣ, онъ то съ ужасомъ ждалъ разгрома Москвы солдатчиной — „ее разорятъ сами русскіе“, писалъ онъ съ горечью женѣ въ ночь на 2 сентября,—то въ порывѣ изступленія выражалъ пожеланіе, чтобы войска сожгли Москву, и враги нашли въ ней лишь пепелъ. [2]) Толпа осаждала его домъ на Лубянкѣ, требуя, чтобъ онъ велъ ее въ бой; на Тверской, на своемъ подворьѣ, сидѣлъ, запершись, испуганный Августинъ, которому вовсе не улыбалась роль руководителя военныхъ дѣйствій и о которомъ въ общей суматохѣ чуть было не забыли [3]).

Поспѣшно покончивъ свои дѣла, давъ послѣднія распоряженія, не успѣвъ даже уничтожить свои бумаги [4]), Растопчинъ покинулъ Москву; передъ отъѣздомъ онъ успѣлъ выбросить на растерзаніе черни арестованнаго по подозрѣнію въ измѣнѣ Верещагина, послѣдній актъ его администраторской мудрости.

Прибывъ къ заставѣ, ему съ трудомъ удалось пробиться черезъ нее, по причинѣ множества войскъ и повозокъ, толпившихся выходомъ изъ города [5]). Была страшная давка, шли полки, везли пушки, бѣжали жители, тащились раненые; дорога была заставлена въ нѣсколько рядовъ обозами; коляски, брички, телѣги ѣхали вмѣстѣ съ артиллеріей по обѣ стороны, одни другихъ перегоняли, гонимые страхомъ [6]). Кто ѣдетъ верхомъ, кто въ каретѣ, кто ребятишекъ въ телѣжкѣ съ собою тащитъ. Тутъ корову ведутъ, тутъ козелъ рвется изъ рукъ, клѣтки съ курами привязаны въ повозкахъ, нагруженныхъ сундуками и перинами; ребятишки ревутъ, крикъ, шумъ, перекличка [7]). Словомъ „безпорядокъ, въ которомъ остатокъ народонаселенія Москвы спѣшилъ изъ нея, являлъ картину ужасную“ [8]).

За шумомъ быстраго выхода арміи наступила тишина, соединенная съ ужасомъ. Москва, предоставленная самой себѣ, безъ полиціи и безъ всякой власти была какъ бы въ оцѣпенѣніи [9]).

---

1) Рус. Арх. 1872.

2) См. записки Растопчина и его Письмо къ женѣ (въ Рус. Арх. 1910).

3) Зап. Растопчина; восп. Снегирева въ Рус. Арх. 1912.

4) Онѣ были захвачены Наполеономъ и нѣкоторыя изъ нихъ были изданы въ Монитерѣ.

5) Зап. Растопчина.

6) Поповъ, op. cit Зап. Муравьева, Зап. артиллериста, Письма Волковой и др.

7) Разск. простой женщины (Рус. Арх. 1871).

8) Глинка.

9) Аб. Сюрюгъ (Рус. А. 1882).

Все произошошло баснословно быстро.

Непосредственно по пятамъ за русскими войсками вступали въ Москву передовыя колонны французскихъ войскъ при звукахъ музыки, гремѣвшей: „La victoire est à nous" [1]) и, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, незамѣтно завладѣли Москвой. Только при входѣ въ Кремль передовой отрядъ Мюрата настигъ полупьяную толпу, грабившую арсеналъ; произошло столкновеніе; тремя выстрѣлами изъ пушекъ Мюратъ разогналъ ее. Москва была въ рукахъ побѣдителей, которые спѣшили размѣститься въ покинутыхъ домахъ.

Въ ночь вспыхнулъ пожаръ; произошелъ взрывъ барки съ комиссаріатскими вещами подъ Симоновымъ, почти одновременно загорѣлось въ Городѣ [2]). „Я не могу сказать, было ли то въ центрѣ города, или на окраинахъ, такъ какъ ночью легко ошибиться, — разсказываетъ Роосъ [3]),—но мнѣ кажется, что именно въ центрѣ, внезапно произошелъ взрывъ такой силы и такой ужасный, что можно было подумать, что это взорвался пороховой погребъ. Сразу вырвалось пламя, изъ котораго вылетали, описывая широкіе полукруги, огненные шары вродѣ бомбъ и ядеръ, и со страшнымъ трескомъ раскидывали вдаль тысячи искръ. Взрывъ продолжался отъ 3 до 4 минутъ. Намъ показалось, что это былъ сигналъ къ пожару города. Огонь сначала появился только въ этомъ мѣстѣ, но черезъ нѣсколько минутъ мы увидали въ разныхъ мѣстахъ снопы пламени, подымавшіеся къ небу... Мы очень ясно видѣли эту сцену ужаса съ самаго начала, такъ какъ нашъ лагерь стоялъ выше города. Огонь поднялся всюду въ сосѣднихъ кварталахъ; онъ освѣщалъ насъ, озаряя всѣ окрестности, и это усиленіе свѣта и пламени роняло наше мужество, которое только что впервые радостно было приподнято; изъ этого освѣщеннаго пункта мы какъ бы кидали грустный взглядъ на будущность, которое казалось намъ тѣмъ темнѣе.

Была полночь. Пожаръ распространялся и огненное море разливалось по гигантскому городу. Шумъ усиливался, увеличивалось число бѣглецовъ, проходившихъ мимо нашего лагеря".

Въ теченіе слѣдующаго дня пожары вспыхивали то здѣсь, то тутъ.

Въ первую минуту французы были убѣждены, что пожары носятъ случайный характеръ, что они вызваны неосторожностью ихъ собственныхъ солдатъ. Впослѣдствіи всю вину пожара они возлагали на русскихъ, образовали спеціальную комиссію для разслѣдованія дѣла, опубликовали результаты этого разслѣдованія, согласно которому Растопчинъ былъ объявленъ поджигателемъ, и разстрѣливали безъ суда первыхъ попавшихся русскихъ по подозрѣнію въ поджигательствѣ. Но въ городѣ, гдѣ находилось нѣсколько десятковъ тысячъ французскихъ бандитовъ и русскихъ бродягъ, лишенномъ всякихъ

---

[1]) Bourgogne. (Записки).

[2]) Зап. Глинки и др. мемуары.

[3]) Записки.

средствъ къ тушенію огня, пожаръ былъ дѣйствительно неизбѣженъ, какъ писалъ Растопчинъ своей женѣ. Въ самый день бѣгства изъ Люберецъ онъ сообщалъ ей: „грабежъ начался, и, такъ какъ пожарныхъ трубъ нѣтъ, я убѣжденъ, что городъ будетъ сожженъ" [1]).

Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, причина бѣдствія была не единообразна — поджигали и русскіе бродяги въ цѣляхъ грабежа, и въ тѣхъ же цѣляхъ грабители изъ французской арміи; не поджигали только хозяева домовъ и жильцы, которые съ ужасомъ встрѣчали огонь, но не принимали мѣръ къ спасенію своихъ жилищъ, выносили по русскому обычаю иконы и не рѣшались тушить, опасаясь чего-то, не то мести французовъ, не то кары со стороны русскаго начальства [2]).

При узости улицъ, при отсутствіи воды, при преобладаніи деревянныхъ построекъ огонь такимъ образомъ почти не встрѣчалъ преграды [3]). Ужасенъ былъ вечеръ 3 сентября. Въ 9 ч. вечера подулъ юго-сточный вѣтеръ и достигъ силы урагана. Въ 10 часовъ весь городъ пылалъ. Въ нѣсколько часовъ этотъ огненный океанъ истребилъ прирѣчные кварталы, всю Самотеку, а съ другой стороны ту же картину представляли Моховая, Пречистенка, Арбатъ, Тверская. Благодаря сильному вѣтру въ слѣдующіе дни загорѣлись еще нетронутыя части города; огонь овладѣлъ Мясницкой, Красными Воротами, Срѣтенкой, Мѣщанской, Трубою, Басманными и всей Нѣмецкой слободой. „Необозримое пламя все пожирало, — пишетъ очевидецъ, — и все Зарѣчье безъ остатка занялось, Замоскворѣчье тожь безъ остатку все горѣло, ряды остальные занялися и пламя объяло всю Москву, слилось, клубилось и все пожирало безъ изъятія, воздухъ наполнился несноснымъ смрадомъ, и атмосфера, какъ мутная вода, летающею золою... ночь отъ пламени была свѣтла, какъ мрачный день" [4]).—„Потоки огня,—пишетъ другой, — несутся по всѣмъ кварталамъ, все слилось въ одинъ пожаръ. Волны пламени, колеблемые вѣтромъ, образуютъ какъ бы огненное море, взволнованное бурей. Днемъ облака дыма сливаются въ густую тучу, заслоняющую солнце; ночью пламя пробивается черезъ черные столбы, далеко освѣщая все зловѣщимъ свѣтомъ" [5]).

Накалившійся воздухъ, не прозрачный отъ дыма, становился невыносимымъ отъ жара. Было трудно двигаться въ этомъ огненномъ лабиринтѣ, гдѣ улицы прерывались развалинами или горящими зданіями. „Мы чувствуемъ, что задыхаемся,—пишетъ одинъ солдатъ великой арміи, — въ этомъ раскаленномъ и разрѣженномъ воздухѣ не видно даже мостовой: все исчезло въ дыму и развалинахъ". То и дѣло рушится то или другое зданіе, погребая улицы подъ своими облом-

1) Рус. А. 1910 г.

2) Зап. Шевалье д'Изарнъ въ Рус. А. 1869 г.

3) Зап. Брандта въ Сб. Пож. Москвы I, 128.

4) Донес. Баташеву его прикащика (Рус. А. 1871).

5) Bourgogne (Записки).

ками. „Ежеминутно приходится тушить руками искры и головешки, падающія на одежду. Земля горитъ, небо въ огнѣ, и мы окружены моремъ пламени“ [1]).

Начало пожара было сигналомъ для грабежа.

Чернь бросилась выламывать двери и входы въ подвалы, угрожаемые пламенемъ, чтобы таскать находившіеся тамъ товары и вещи. За нею и солдаты бросились, „какъ гладные львы“, на добычу, и грабежи достигли такихъ размѣровъ, что „ничему нѣтъ пощады“. „Итакъ, въ сей же день, 5-го сентября, начался всеобщій грабежъ, пишетъ дворецкій Баташева, въ покояхъ, что отъ пламени уцѣлѣло, грабили и били, кладовыя всѣ и сундуки разбили и все пограбили, что ни было, иные укладывали въ фуры и увозили“. За фурами шли мѣстные жители и „тащили вязанки“.—„Не было никакой возможности, пишетъ одинъ французъ, принять какія-либо мѣры для возстановленія порядка и дисциплины. Все отдано на волю солдатамъ. Тщетно часовые и патрули пробуютъ предотвратить эксцессы. Погреба, полные лучшихъ винъ, слишкомъ привлекательны для солдатъ, которые такъ долго терпѣли всякія лишенія и которые теперь плавали въ изобиліи“.

3-го и 4-го въ городѣ стояла только императорская гвардія, входъ былъ воспрещенъ другимъ частямъ арміи. Но 5-го ночью былъ данъ приказъ прислать въ Москву отряды отъ всѣхъ полковъ, чтобы воспользоваться припасами, преданными огню; грабежъ тогда принялъ характеръ всеобщаго. Громадные склады товаровъ всякаго рода, отданные въ жертву огню, подвергались разграбленью среди ссоръ, дракъ и кровопролитныхъ столкновеній. На улицахъ или въ рукахъ солдатъ можно было видѣть разломанными или растерзанными цѣнные предметы, „вещи, которыя самое утонченное искусство создавало для самой утонченной роскоши“ [2]).

Что въ этомъ грабежѣ было ужасно, такъ это систематическій его характеръ. Былъ установленъ очередной порядокъ мародерства, которое подобно другимъ служебнымъ обязанностямъ, было распредѣлено между различными корпусами. Первый день принадлежалъ старой императорской гвардіи, слѣдующій день молодой гвардіи и т. д. [3]). Войска, стоявшія лагеремъ около города, по очереди приходили искать, по выраженію Тутолмина, „пищи для злобныхъ и развращенныхъ сердецъ грабительствами и всякаго рода буйствами“. „Можете судить, пишетъ одинъ московскій житель, самъ французъ, какъ трудно было удовлетворить являвшихся послѣдними“. Офицеры грабили не хуже солдатъ, болѣе совѣстливые довольствовались грабежомъ занимаемыхъ ими домовъ [4]). Большое участіе въ грабежѣ при-

---

[1]) Зап. Цезаря Ложье, Бургоня и др.

[2]) Цез. Ложье, Bourgogne и др.

[3]) Зап. Шевалье д'Изарнъ въ Рус. Арх. 1869.

[4]) То же.

нимали нагрянувшіе изъ окрестностей крестьяне; дворовые и чернь не только грабили, но и указывали дорогу французамъ. Любопытнѣе всего, быть можетъ, участіе въ грабежѣ самого императора. Со свойственнымъ Наполеону педантизмомъ была организована особая Комиссія, „для разысканія цѣнныхъ предметовъ въ кремлевскихъ соборахъ", которая имѣла правильныя засѣданія. 22 сентября предсѣдатель этой своеобразной комиссіи Сентъ-Дидье освѣдомлялся о томъ, каковы намѣренія императора касательно главнаго собора въ Кремлѣ, который еще не тронутъ, и въ частности предлагалъ люстру пустить въ сплавъ. Въ Успенскомъ соборѣ были поставлены вѣсы и на нихъ взвѣшивалось золото и серебро, ободранное съ иконостасовъ, всего 325 п. серебра и 18 п. золота, какъ гласила сохранившаяся довольно долго потомъ надпись на одной изъ колоннъ [1]).

Наконецъ, небо покрылось облаками, а къ 3 часамъ утра, 7-го сентября, вѣтеръ утихъ и проливной дождь погасилъ остатки пожара.

„Москва дѣйствительно вся сожжена, писалъ 8 сентября Цезарь Ложье, девяти десятыхъ огромной столицы не существуетъ. Мы находимся среди дымящихъ развалинъ, грозящихъ паденіемъ стѣнъ, обгорѣлыхъ деревьевъ. Смрадъ подымается отъ этой груды пепла". На пепелищахъ сидѣли и плакали погорѣльцы, женщины и дѣти изъ богатыхъ купеческихъ семей.

Пожаръ прекратился, но не прекратился грабежъ.

На улицахъ слонялись по тротуарамъ военные, разбивая окна, двери, погреба и магазины; жители прятались и позволяли себя обирать первому попавшемуся. Среди обломковъ погорѣлыхъ домовъ часто съ опасностью жизни продолжали грабить люди изъ простонародья; русскіе мужики и бабы въ курящихся остаткахъ искали добычи и вмѣстѣ съ солдатами французской арміи разрывали въ подвалахъ вещи, которыя могли спастись отъ пожара [2]). На Никольской возникъ импровизированный рынокъ, гдѣ императорская гвардія бойко торговала мѣдной монетой; здѣсь копѣекъ за 10, потомъ за полтинникъ— рубль можно было получить сколько угодно мѣшковъ мѣди въ 25 руб. [3]).

Среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ, пожаровъ и грабежей—ужасно было положеніе тѣхъ мирныхъ жителей города Москвы, которые случайно остались въ Москвѣ, довѣрчиво отнесясь къ обманамъ начальства и застигнуты были врасплохъ нашествіемъ „всесвѣтныхъ злодѣевъ". Выгнанные изъ домовъ огнемъ, перегоняемые пожаромъ съ мѣста на мѣсто, они проводили дни и ночи „подъ пламеннымъ небомъ", скрываясь по кладбищамъ и по сараямъ, подвергаясь грабежу и нападеньямъ, рискуя ежеминутно, что ихъ заберутъ французы и заставятъ въ луч-

1) См. Lettres de 1812.
2) См. Bourgogne и др.
3) Записки Шевалье д'Изарнъ.

шемъ случаѣ возить и носить на себѣ награбленную поклажу, а въ худшемъ разстрѣляютъ, какъ воображаемыхъ поджигателей: „Не знали гдѣ мы можемъ не сгорѣть, рѣшились и пошли всѣ“, пишетъ одинъ изъ такихъ бѣдняковъ: „кто былъ обремененъ дѣтьми, кто хлѣбами и сухарями, кто лоскутьями и одеждою, ибо не могли знать, куда мы должны будемъ прибѣгать по разрушеніи дома“. Иные ютились въ подвалахъ и въ развалинахъ сгорѣвшихъ домовъ; иные набивались въ церкви, спасшіяся отъ огня, Полуголые, голодные, они питались чѣмъ попало: сухимъ горохомъ, рябиной, рѣпой, которую они съ опасностью для жизни, вступая въ драку съ солдатами, вырывали въ огородахъ; лазали въ Москву рѣку и доставали оттуда брошенную передъ вступленьемъ французовъ муку. Солдаты были безпощадны къ этимъ несчастнымъ: нападали на нихъ „какъ саранча“: „они были дерзки и жестокосердны, требовали съ ногъ сапогъ“, раздѣвали мужчинъ и женщинъ до самой рубашки. „Въ сей день 5-го сентября“, доносилъ Баташеву его дворецкій—безпрестанно насъ грабили и раздѣвали каждаго по десяти и болѣе разъ. Я и многіе въ ночи остались безъ рубашекъ и босые. 6 сентября день тоже начался грабежемъ одинакимъ, отнимали даже изъ рукъ куски хлѣба, ибо уже одежды ни на комъ кромѣ лохмотьевъ и рогожъ на насъ не было. Слѣдующіе дни поступали съ нами одинаково и раздѣвать лохмотья не переставали, и день и ночь отдыху не было, одни только уходятъ, другіе являются“. Не спасали аттестаты, выдаваемые французскими начальниками—солдаты грабить продолжали „съ одинаковымъ звѣрствомъ“. „Оставалась одна надежда на миръ, но о немъ и слуха нѣтъ. Хлѣба нигдѣ достать не можно, да и впредь надежды не видать“. Даже въ церкви нельзя было найти спасенья отъ грабежей. „Ночь сія, пишетъ одинъ москвичъ, скрывшійся въ церкви св. Власія, въ Сивцевомъ Вражкѣ, была самая жестокая; поминутно приходили, обирали и все разные непріятели... видя насъ собравшимися великое множество обирали все, и платки и шубы“... Сопротивляться никто не пробовалъ: „покорствуя власти непріятельской, яко плѣнный“, каждый спѣшилъ отдавать все, что у него требовали[1]). Впрочемъ, сопротивляться было небезопасно. Отставной генералъ-маіоръ Мосоловъ испыталъ это: „послѣдне тиранство со мною сдѣлали, изрубили мнѣ руку за то, что я сапоги не далъ снять“ [2]). Блуждая между развалинъ, въ лохмотьяхъ, изнуренные голодомъ и болѣзнями, они безпомощно метались, всюду подвергаясь грабежу, нигдѣ не находя себѣ защиты, „изнемогая отъ побой, отъ стужи, безъ всякой одежды и истаивая отъ глада“, какъ картинно писалъ отставной генералъ-маіоръ Нероновъ, который провелъ цѣлый мѣсяцъ, валяясь то

---

1) См. Письмо Сокова Баташеву (Р. А. 1871), разсказъ простой женщины (Рус. А. 1871), разсказъ неизвѣстнаго москвича (Рус. А.), и др.

2) Сборн. Щукина. VIII. 83.

въ полѣ, то на полу въ церкви Троицы, въ Вешнякахъ, едва прикрытый клочьями рубахи и ветхою женскою епанчею, замѣнившей его „воинственныя брони“ [1]).

Уже 7 и 8 сентября французскія власти пробовали сократить размѣры грабежа, но только 17-го онѣ приступили къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ. „Днѣвный приказъ, генералъ штатъ-маіора“ констатируя, что „не взирая на данныя повелѣнья, чтобы прекратить грабежъ, однакожъ оный въ нѣкоторыхъ частяхъ города продолжается“, грозилъ, что „грабители будутъ преданы, считая отъ завтрашняго дня, т.-е. отъ 18/30 сентября, воинскимъ комиссіямъ и будутъ суждены по строгости законовъ“ [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ приступили къ организаціи временнаго управленія города. Уже при вступленіи своемъ въ Москву Наполеонъ назначилъ Московскимъ Губернаторомъ Маршала Мортье, герцога Тревизскаго, а комендантомъ города генерала Дюронель. На скорую руку былъ организованъ Монетный дворъ, открыта Императорская типографія великой арміи; кажется, пробовали возстановить почтамтъ. Тотчасъ по вступленіи въ Москву улицамъ были даны новыя названья, напримѣръ, кварталъ такого-то батальона, улица такой-то роты, площадь Сбора, Смотра, Парада, Гвардіи и т. п. [3]). Сохранено было существовавшее дѣленье города на 20 частей, и этимъ дѣленьемъ воспользовались для организаціи полиціи „по прежнему положенью“. Во главѣ полицейской органиваціи были поставлены два генеральныхъ комиссара, московскіе французы Виллерсъ и Пюжо, должность которыхъ соотвѣтствовала должности двухъ полицеймейстеровъ; имъ были подчинены 20 комиссаровъ, или частныхъ приставовъ, къ которымъ были приставлены помощники. Набиралась эта полиція изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ: тутъ были и вольноотпущенный, и дворовый человѣкъ, и отставной ротмистръ, и даже квартальный поручикъ, но преимущественно это были мѣстные иностранцы. Въ знакъ своей должности комиссары носили бѣлую кокарду на рукѣ и бѣлую ленту черезъ плечо. Имъ было поручено вербовать полицейскихъ. Реальной пользы эта своеобразная „русская полиція“ не принесла.

Еще неудачнѣе была попытка организовать въ сожженной Москвѣ подобіе самоуправленья. Первый вопросъ Наполеона при въѣздѣ въ Москву былъ: „гдѣ городской магистратъ?“ Не найдя таковаго, онъ поручилъ главному интенданту арміи Лессепсу создать въ Москвѣ муниципалитетъ. Эта муниципальная организація отличалась, какъ все выходящее изъ подъ рукъ Наполеона, строгой систематичностью. Цѣль ея опредѣлялась такъ: Муниципальный совѣтъ будетъ „заниматься сред-

---

1) Ibid. II, 128.
2) Рус. А. 1864. (стр. 408).
3) Записки Цезаря Ложье.

ствами обезпечить продовольствіе жителей, облегчить ихъ страданія и дать онымъ помощь, заниматься также будетъ обо всемъ касательно администраціи безопасности общей и внутренней города". Фактически имѣлось въ виду посредствомъ этой организаціи обезпечить войско квартирами и продовольствіемъ, и въ этихъ цѣляхъ „укротить безпокойство обывателей, ободрить ихъ на предыдущее время и возвратить всеобщее довѣріе, которое есть единственное средство чтобъ усладить ихъ участь". Во главѣ муниципалитета стоялъ городской голова, нѣкто купецъ П. И. Находкинъ. Всѣ дѣла были разбиты на шесть бюро или отдѣловъ, во главѣ которыхъ стояли шесть товарищей городского головы; имъ въ помощь было назначено четырнадцать или болѣе членовъ, которые тоже распредѣлены были по этимъ отдѣламъ. На указанныя бюро возлагались слѣдующія обязанности: 1) попеченіе о бѣдныхъ, 2) собраніе мастеровыхъ, назначеніе имъ мѣста, гдѣ-бы имъ можно было вольно заниматься ихъ рукодѣльемъ, и плата за труды ихъ, 3) содержаніе дорогъ, улицъ и мостовыхъ, 4) общая безопасность и спокойствіе народное, наказательная полиція и мирное содѣйствіе и правосудіе, 5) снабженіе французскихъ войскъ квартирами, 6) снабженіе ихъ провіантомъ, и, вѣроятно, въ связи съ этимъ „ознаменованіе средствъ, какія еще городъ имѣть можетъ для своего содержанія". Кажется на бюро, завѣдующее попеченьемъ о бѣдныхъ, было также возложено продовольствіе жителей, смотрѣніе надъ госпиталями, къ чему въ частности былъ привлеченъ Московскій докторъ Кульманъ, и надзоръ забогослуженіемъ, „чтобы оное было уважаемо". Освѣщенье города и очищеніе улицъ отъ труповъ было возложено на отдѣльное лицо. Кромѣ того, имѣлись особыя должности казначея, секретаря и переводчиковъ онаго правленья, особыя должности смотрителей Екатерининскаго Института и Спасскихъ казармъ и нѣсколько чиновниковъ по особымъ порученьямъ. Совѣтъ долженъ былъ собираться разъ въ недѣлю. Члены его носили въ знакъ своего достоинства алую повязку. На воротахъ ихъ домовъ вывѣшивалось объявленіе о томъ, что это домъ такого-то, товарища городского головы и т. д. Что касается порядка избранія, то, хотя Лессепсъ и заявлялъ кандидату, что онъ выбранъ не имъ, „а вашими русскими и собственно для васъ русскихъ", но фактически мы имѣемъ дѣло съ назначеніемъ, иногда по указанію Виллерса или уже назначенныхъ членовъ муниципалитета; о какомъ-либо подобіи выборовъ не могло быть и рѣчи. Нѣмецъ Кульманъ такъ описываетъ свое назначеніе въ члены „мюнисипалитэ": „Когда все горѣло и ни откуда защиты не было, я сталъ искать какой бы то ни было службы во французской арміи... Не прошло двухъ дней какъ я былъ вызванъ къ начальнику города Москвы — онъ мнѣ повязалъ алую ленту на лѣвую руку, и сказалъ: господинъ Кульманъ назначенъ членомъ муниципальнаго совѣта городокой коммуны Москвы, слѣдовательно

совѣтникомъ“ [1]). Два другихъ муниципала, чиновникъ Бестужевъ-Рюминъ и купецъ Кольчугинъ, даютъ картину очень близкую къ этой, прибавляя, что при попыткѣ отказаться отъ должности Лессепсъ имъ грозилъ гнѣвомъ императора и разстрѣломъ. Дѣятельность муниципалитета или „управы“ не получила широкаго развитія. Будучи „мертвыми орудіями повелѣвающей власти“, чиновники муниципальные не пользовались авторитетомъ, и алая ленточка на рукѣ не спасала ихъ даже отъ обидъ и грабежа. Собиралось городское правленіе рѣдко, и большая часть членовъ уклонялась отъ засѣданій „подъ предлогомъ, что пошелъ въ такой-то приходъ или въ такую то часть въ богадѣльню“ и избѣгала подписывать журналы. Кольчугинъ оставилъ намъ описаніе перваго организаціоннаго засѣданія или „присутствія“ городской управы, въ которомъ имѣли сужденіе кому какую часть назначить и ею заниматься. Въ распоряженіе муниципальныхъ старшинъ было передано 50,000 руб. мѣдной монетой для раздачи пособій пострадавшимъ; для лишенныхъ крова были открыты помѣщенія въ Запасномъ Дворцѣ у Красныхъ Воротъ и въ домѣ Разумовскаго. Благодаря усиліямъ магистрата было возобновлено богослуженіе въ нѣсколькихъ церквахъ. Тѣмъ, кажется, и ограничилась дѣятельность московскаго „мюнисипалитэ“, а по мѣрѣ того, какъ все яснѣе выступала безвыходность положенія Наполеона въ Москвѣ и неизбѣжность скорой ея эвакуаціи, городское правленіе совершенно прекратило свою работу[2]).

Наряду съ организаціонной работой по устройству управленія, мы видимъ нѣкоторое стремленіе придать подобіе обычной жизни въ сожженномъ городѣ, придать ему нѣчто вродѣ внѣшняго вида временной столицы великаго императора. Отсюда попытки организовать театръ въ домѣ Познякова на Б. Никитской, гдѣ рядъ спектаклей открылся 25 сентября постановкой: „Игры Любви и Случая“ столь-же необычной при данныхъ обстоятельствахъ, какъ необычно было видѣть афиши, на подобіе парижскихъ, прибитыя къ стѣнамъ полусгорѣвшихъ зданій. Болѣе того, Наполеонъ пробовалъ создать нѣчто вродѣ двора въ Петровскомъ дворцѣ, устраивалъ концерты, на которыхъ въ его присутствіи, безъ особеннаго успѣха, выступала пѣвица Фюзиль [3]). При дворѣ Наполеона не хватало только русской знати. Наполеонъ хотѣлъ, но не умѣлъ войти въ сношенія съ русскими; поэтому онъ такъ охотно вызвалъ на аудіенцію Яковлева, котораго ему рекомендовали, какъ „дворянина, близкаго къ первымъ фамиліямъ Россіи, къ тому же отлично говорящаго по-французски и очень интереснаго человѣка“ [4]); отсюда его вниманіе къ Тутолмину, начальнику Воспита-

---

[1]) Отголоски 1812—1813 г.г. въ письмахъ къ М. А. Волковой (41).

[2]) О московскомъ муниципалитетѣ см. записки Кольчугина („Р. А.“ 1879), Бестужева-Рюмина („Р. А.“ 1896), письма Кульмана (въ письмахъ къ М. А. Волковой) и въ сборникахъ Щукина, а также статью Киселева, въ Рус. А. 1868 г.

[3]) Записки Фюзиль.

[4]) Lettres de 1812, § 19.

тельнаго Дома, отсюда, наконецъ, его доброжелательное отношеніе къ Загряжскому, котораго по слухамъ онъ пожаловалъ „дюкомъ" и кавалеромъ Почетнаго Легіона [1]).

Такъ шла жизнь въ теченіе мѣсяца въ „лишенной общественнаго бытія" Москвѣ, когда 7 октября, рано утромъ, Наполеонъ такъ же внезапно покинулъ Москву, какъ ее занялъ. Для обезпеченія тыла въ Кремлѣ были оставлены маршалъ Мортье и Лессепсъ съ приказаніемъ защищаться. Оставшійся въ Москвѣ гарнизонъ заперся въ Кремлѣ. Ночью 10 октября, предварительно подложивъ подкопы подъ стѣны Кремля, Мортье тоже покинулъ Москву. Оглушительный взрывъ разнесъ далеко по окрестностямъ, вѣсть о томъ, что Москва свободна. Кремль былъ взорванъ, зажженная взрывомъ Москва догорала, французы изъ нея вышли, и „Богъ знаетъ куда ушли", и Москва, покинутая ими, была отдана въ добычу черни. На смѣну французамъ тотчасъ появились новые искатели наживы, казаки и крестьяне, ловили и добивали отставшихъ солдатъ Наполеона и грабили что осталось; даже изъ дальнихъ деревень нахлынули шайки грабителей кто на возахъ, кто пѣшкомъ, чтобы захватить недограбленное. Чернь набросилась на все, что уцѣлѣло. Такъ Шереметевскій странопріимный домъ, охранявшійся французами, теперь подвергся полному разграбленію. Снова начались поджоги. Наконецъ, въ субботу, 11-го, вступилъ въ Москву полицеймейстеръ Гельманъ; всѣ вздохнули свободно, и порядокъ началъ водворяться. Впрочемъ, еще продолжались пожары зажженныхъ непріятелемъ зданій, горѣла Казенная Палата у Иверскихъ воротъ, жужжали шальныя пули, и въ русскіе разъѣзды направлялись выстрѣлы изъ-за развалинъ. Дворецъ догоралъ, и еще „ярко вспыхивалъ въ вечернемъ полумракѣ какъ потухающая свѣча, освѣщая мрачную окрестность". Казаки и гусары расположились бивуаками на Красной площади и на бульварахъ, и по ночамъ Москва, освѣщенная отблескомъ ихъ огней представляла „чудное, несообразное ни съ чѣмъ зрѣлище"; мертвую тишину ея прерывали только оклики часовыхъ, ржанье лошадей и топотъ разъѣздовъ [2]).

Вновь прибывшія власти быстро навели порядокъ, перехватали нѣсколько сотъ грабителей и поджигателей и самымъ энергичнымъ и оригинальнымъ способомъ прекратили дальнѣйшіе поджоги, пригрозя жителямъ домовъ отвѣтственностью въ случаѣ, если занимаемые ими дома подвергуться поджогу или разграбленію. Затѣмъ принялись арестовывать членовъ московскаго „мюнисипалитэ".

Въ концѣ октября вернулся Растопчинъ. Онъ въѣзжалъ тріумфаторомъ; жители подмосковныхъ деревень встрѣчали его съ хлѣбомъ-

---

1) Щукинъ, Бумаги, относ. до войны 1812 г. I, 56.

2) Состояніе Москвы послѣ выхода французовъ описано у Шаховского и у аб. Сюрюгъ.

солью; опьяненный впечатлѣніями момента, онъ, какъ всѣ раціоналисты, склоненъ былъ теперь приписать многое изъ того, что имѣло мѣсто, себѣ и, отвѣчая на намеки своихъ приближенныхъ, „съ самодовольствомъ говорилъ о томъ истинно славномъ дѣлѣ“, отъ котораго въ болѣе спокойныя минуты онъ и публично и частнымъ образомъ отрекался [1]). Вслѣдъ за Растопчинымъ потянулась и армія чиновниковъ и властей; на развалинахъ закипѣла будничная административная дѣятельность; кое-какъ размѣстившись въ уцѣлѣвшемъ запасномъ дворцѣ, принялись за обычныя дѣла; энергично повели обыски и аресты среди тѣхъ лицъ, которыхъ подозрѣвали въ самыхъ невинныхъ сношеніяхъ съ побѣдителями или въ присвоеніи чужого имущества среди всеобщаго грабежа. Растопчинъ былъ теперь въ своей сферѣ и „жестоко игралъ судьбою несчастныхъ“; всюду ему чудились якобинцы, въ вину ставилось самое пребываніе въ Москвѣ и медлительность при бѣгствѣ [2]).

Москва представляла изъ себя ужасную картину, „Москвы ужъ нѣтъ,—восклицаетъ аббатъ Сюрюгъ:—обширный очагъ пепла остался на мѣстѣ этого прекраснаго города“. Это „ничто, какъ обширная развалина“—вездѣ „все голо, все черно, только торчатъ трубы да и тѣ обгорѣлыя“; отдѣльныя случайно пощаженныя огнемъ зданія одиноко стояли среди общаго разрушенія. „Покрытая могильнымъ прахомъ“, Москва представляла изъ себя „разбросанный скелетъ“. Надъ этой черной грудой возвышались остатки кремлевскихъ стѣнъ, съ обрушившимися башнями и арсеналомъ, и Иванъ Великій безъ креста, „какъ бы съ разможженной головой“ стоялъ одиноко „не какъ храмъ, а какъ столбъ“, потому что вся его великолѣпная боковая пристройка, оторванная взрывомъ, обрушилась возлѣ него; соборы не пострадали, но, ограбленные, оскверненные, они представляли „мерзость запустѣнія“.

Результаты пожара были ужасны. Цѣлыя улицы были сметены огнемъ. Изъ 9275 домовъ уцѣлѣло во всей Москвѣ всего 2322 дома. Вмѣстѣ съ домами погибли громадной цѣнности произведенія искусствъ: бронза, картины, драгоцѣнная мебель, библіотеки вродѣ знаменитой библіотеки гр. Бутурлина, насчитывавшей до 30 тыс. томовъ, словомъ все великолѣпіе утонченной и роскошной дворянской культуры Москвы. Французскіе бюллетени исчисляли убытки Москвы въ нѣсколько милліардовъ рублей; они, можетъ быть, преувеличивали, но несомнѣнно, что и гр. Растопчинъ преуменьшалъ цифру, когда исчислялъ ее для

---

1) Ср. разсказъ Шаховскаго съ письмами Растопчина къ Воронцову (Архивъ Воронцова, VIII); изъ письма къ женѣ отъ 11 авг. видно, что Растопчинъ досадовалъ, что сожженіе Москвы принадлежитъ французамъ, а не русскимъ.

2) См. записки Кольчугина въ Рус. Арх., 1879, Бестужева-Рюмина (ib. 1896 г.) первыя распоряженія московской администраціи см. въ Бумагахъ, изданныхъ Щукинымъ.

всей Московской губерніи въ 321 мил. „Потеря, которую понесла Россія, благодаря пожару Москвы, неисчислима, пишетъ аббатъ Сюрюгъ. Сколько милліоновъ похоронено подъ развалинами, сколько всякихъ богатствъ превратилось въ пепелъ! Сколько художественныхъ произведеній навѣки потеряно для искусства! Не говоримъ о многочисленныхъ жертвахъ, погибшихъ въ пламени, ни о сокровищахъ, которыя заключали въ себѣ библіотеки и которыя уничтожены огнемъ“.

Состояніе Москвы было настолько плачевно, что невольно закрадывалось сомнѣніе въ томъ, насколько возможно надѣяться на ее возстановленіе. Въ первую минуту самъ Растопчинъ пришелъ въ отчаяніе: „хотя купцы,—писалъ онъ,—и надѣются, что Москва возстановится скоро, но я сему не вѣрю“ [1]). Подобныя мысли преслѣдовали не его одного. Московскія дамы скоро пришли къ заключенію, что „съ Москвой надо навсегда проститься“. „Мнѣ кажется, — писала Небольсина М. А. Волковой,—какія бы усилія не были возстановить, не намъ съ вами не видѣть Москвы въ томъ состояніи, какою она была“. Опасенія эти, конечно, лишены были основаній. Торговое значеніе Москвы не могло быть уничтожено пожаромъ. Уже 22 октября мы слышимъ, что „купцы, бѣжавшіе изъ Москвы, начинаютъ собираться вернуться туда по первому санному пути посмотрѣть, что съ нею сталось“. Едва вѣсть объ освобожденіи Москвы разнеслась по всей Россіи, какъ отовсюду стали появляться видоки, посланные изъ всѣхъ краевъ земли русской изгнанниками москвичами, взглянуть на Москву, узнать, что сталось съ ихъ домами и добромъ [2]).

Эти изгнанники все время владычества Наполеона влачили жалкое существованіе въ добровольной „емиграціи“ по различнымъ отдаленнымъ городамъ, которые сразу преобразовались благодаря наѣзду гостей и „при томъ все такихъ знатныхъ людей“. „Ахъ проклятый Бонапарте! какую онъ всюду перемѣну произвелъ въ Россіи!“ пишетъ одинъ изъ нихъ. Москва разбилась по губернскимъ городамъ. Большинство бѣжало въ Нижній, считая его безопаснымъ убѣжищемъ. „Чудный и прелестный по своему положенію, чудный по вмѣщенію Москвы“, Нижній былъ набитъ московцами; здѣсь Батюшковъ встрѣтилъ всѣхъ своихъ московскихъ знакомыхъ, начиная съ Карамзина и кончая Архаровыми, на обѣдахъ у которыхъ по прежнему собиралась „вся Москва“. Нижній „замѣнилъ мѣсто Москвы“, „превратился въ обломокъ Москвы“. Такимъ-же осколкомъ Москвы были другіе города, напримѣръ Тамбовъ; сюда точно также какъ въ Казань по преимуществу понаѣхали купцы, но были и дворяне: Разумовскіе, кн. Менщикова, Волковы, и „каждый день прибываютъ новыя лица“. Въ Пензѣ „Смоленскіе и Московскіе разоренные наполнили всѣ дома и

---

1) Рус. А., 1863.

2) Отзвуки 1812—13 г.г. въ письмахъ къ М. А. Волковой; письмо М. А. Волковой къ Ланской отъ 22 окт. 1812.

заняли даже кухни“. Въ Вологдѣ, въ Костромѣ, словомъ, куда ни посмотришь, „всюду сказываютъ тѣсно“. Цѣны на квартиры въ уѣздныхъ городахъ, на продукты сразу поднялись: „съ бѣдныхъ пріѣзжихъ дерутъ кожу, не помышляя, что завтра ихъ можетъ постигнетъ такая-же участь“. Наплывъ въ приволжскіе и сѣверные города усиливался благодаря бѣглецамъ изъ Смоленской губерніи, которые, не найдя безопасности въ Москвѣ, вмѣстѣ съ москвичами бѣжали дальше, на сѣверо-востокъ, а также бѣглецамъ изъ близъ лежащихъ къ Москвѣ городовъ, гдѣ жители, „получивъ поразительную вѣсть о занятіи Москвы“, тоже рѣшились на „разлуку съ милымъ отечествомъ“. Такъ изъ Ярославля бѣжала великая княгиня Екатерина Павловна, а за нею вслѣдъ поспѣшно выѣхали и многіе жители и пріѣзжіе. Паника достигла дальнихъ Курска и Воронежа, жители которыхъ хотѣли ихъ покинуть; даже въ самомъ Нижнемъ чувствовали себя непокойно[1]).

На новыхъ мѣстахъ изгнанники не сразу осваивались, попавъ въ бѣдную обстановку дальнихъ провинціальныхъ городовъ: принужденные жаться по десяти человѣкъ въ трехъ комнатахъ, страдать отъ холода въ „гадкихъ“ квартирахъ съ однимъ поломъ, смотрѣть на изодранныя драпировки, парусинную мебель, кривые стулья, въ тяжелыхъ сомнѣньяхъ на счетъ будущаго, подсчитывая свои убытки и свое разоренье, „не зная куда дѣваться“, они отравляли другъ другу существованіе своимъ тоскливымъ нытьемъ. „Вездѣ слышу вздохи, пишетъ Батюшковъ, вездѣ слезы и вездѣ стоны. Всѣ жалуются и бранятъ французовъ по французски, а патріотизмъ выражается въ словахъ: „point de paix!“ .

Скорбь о какихъ-нибудь утраченныхъ серебряныхъ „шенданахъ“, о томъ, что „извергъ рода человѣческаго разрушилъ ихъ мирную беседу“, сливалась, однако, съ чувствами болѣе глубокой скорби. Извѣстіе о взятіи и о пожарѣ Москвы ошеломило изгнанниковъ. Трудно было, по выраженію Тургенева „пріучить себя къ мысли, что Москвы у насъ почти нѣтъ, что святыня сія поругана“. „Умъ, понятье, все на свѣтѣ въ милой Москвѣ оставила“, пишетъ Волкова. Глубину бѣдствія „немногіе постигаютъ“, вторитъ ей Батюшковъ; „(оно) какъ солнце ослѣпляетъ, мы всѣ въ чаду“. „Все кажется сновидѣньемъ“, пишетъ Карамзинъ [2]).

Въ первую минуту были убѣждены, что Москву сожгли французы ради грабежа, и легенда о пожарѣ Москвы, какъ объ актѣ героическаго самопожертвованія еще не создалась. „Есть еще полоумные, которые стараются извинить французовъ, и даже оправдывать“, съ негодованіемъ пишетъ подъ впечатлѣніемъ событій современникъ: есть

---

[1]) Зап. Маракуева, письма Растопчина къ женѣ (въ Рус. Арх. 1910 г.).

[2]) Жизнь изгнанниковъ представлена, какъ въ цѣломъ рядѣ писемъ ихъ (Батюшкова, Карамзина, Мордвинова, М. А. Волковой къ Ланской, корреспондентовъ ея матери М. А. Волковой, корреспондентовъ кн. Вяземскаго и др.), такъ и въ запискахъ (напр., Вигеля).

люди, которые всѣ пожары приписываютъ русскимъ. О воспитаніе!“ [1]). „Не они-ли русскіе также взорвали Кремль и поставили въ церквахъ лошадей“, пишетъ по этому поводу Булгаковъ, правая рука Растопчина. Самъ Растопчинъ писалъ Воронцову, что Наполеонъ сжегъ Москву, чтобы имѣть предлогъ для грабежа. Словомъ и простонародье и дворянство приписывали пожары „варварству и безчеловѣчной жестокости Наполеона“, и въ казняхъ поджигателей видѣли лишь доказательства „хитрости оправдывающихся въ зажигательствѣ французовъ“ [2]). Первое чувство, которое должно было поэтому вспыхнуть, было чувство ненависти, „нѣчто странное, давно небывалое, въ нихъ загорѣлась, казалось, неугасимая жажда мщенья. Москва перестала для нихъ существовать; оплакавъ какъ слѣдуетъ родимую, они съ нѣкоторою радостью смотрѣли, какъ злодѣй терзаетъ трупъ ея, мысленно приготовляя ей кровавыя поминки и какъ будто предчувствуя, что не далекъ день мщенья. Всѣ опасались одного—мира съ Наполеономъ“ [3]). „Москва снова возникнетъ изъ пепла“, восклицаетъ Тургеневъ: „въ чувствѣ мщенья найдемъ мы источникъ славы и будущаго нашего величья. Никто не хочетъ мира. Всѣ желаютъ не мира, а истребленья врага“! [4]). „Мщенья! мщенья!“ горячится Батюшковъ. „Варвары! вандалы! и этотъ народъ извергов осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи, и мы были такъ ослѣплены, что подражали имъ, какъ обезьяны!“ [5]). Такъ чувство ненависти направлялось безсознательно отъ самихъ французовъ, виновниковъ московскихъ бѣдствій, на всю культуру, на все просвѣщенье, представителями котораго являлась эта нація, „считаемая за самую образованную въ Европѣ“, но проявившая себя въ Россіи „адскими неистовствами“. „Москвы нѣтъ“, пишетъ тотъ-же Батюшковъ: „святыня, мирное убѣжище наукъ, все осквернено шайкою варваровъ. Вотъ плоды просвѣщенья или лучше сказать разврата остроумнѣйшаго народа“. „Желалъ-бы я слышать“, пишетъ изъ Пензы Мордвиновъ: „что всѣ злые духи по всѣмъ дорогамъ бѣгутъ изъ городовъ нашихъ—исчадія адскія—французское ученіе, французскія прихоти, наряды, одежды, французскія книги, театры, газеты, французскій языкъ и порожденныя онымъ привычки и мысли“ [6]).

Это чувство ненависти, эта жажда мщенья, возвышала эмигрантовъ почти до героизма, отвлекая по временамъ отъ личныхъ потерь до сознанія необходимости жертвъ, хотя-бы и недобровольныхъ. „Какъ бы много всѣ ни пострадали, никто не подумаетъ сожалѣть о потерянномъ, лишь бы истребили мы злодѣя нашего и всего рода чело-

---

1) Р. А. 1865.
2) Архивъ Воронцова, VIII, Записки Маслова (Рус. А. 1908).
3) Зап. Вигеля.
4) Рус. Арх. 1866.
5) Письма Батюшкова въ Собр. Соч.
6) Рус. Арх. 1912 г. № 6.

вѣческаго", пишетъ одинъ изъ нихъ. Волкова радуется пожару: „лучше, чтобы все наше добро сгорѣло, нежели сдѣлалось бы добычею адскихъ чудовищъ"... „Мы лишились мебели, вещей, зато сохранили нѣкоторое внутреннее спокойствіе".

Извѣстіе объ освобожденіи Москвы въ значительной степени разсѣяло сгустившееся настроенье. Привычки брали свое. Установившійся годами житейскій бытъ былъ сильнѣе всѣхъ временныхъ невзгодъ и душевныхъ порывовъ, и въ своемъ добровольномъ изгнаньи москвичи воскрешали образъ жизни своей милой Москвы. Кто съ утра до вечера засѣлъ въ карты, кто переводитъ Федру и пишетъ стихи, кто принимается за Горація или за историческіе труды. Балы смѣняются концертами, прыгаютъ и веселятся. Словомъ „жить не скушно, будь бы обстоятельства наши не были разстроены" [1]). Батюшковъ впослѣдствіи вспоминалъ даже съ удовольствіемъ жизнь въ Нижнемъ, тамошнюю площадь, которая для московскихъ франтовъ и красавицъ замѣняла теперь московскій бульваръ, и обѣды у Архарова, гдѣ „отъ псовой травли до подвиговъ Кутузова, все дышало любовью къ отечеству, гдѣ Вас. Льв. Пушкинъ, забывъ всѣ свои утраты, забывъ о Наполеонѣ, гордящемся на стѣнахъ древняго Кремля, отпускалъ изысканные каламбуры и спорилъ до слезъ о преимуществахъ французской словесности", балы, гдѣ московскія красавицы, осыпавъ себя брильянтами и жемчугами, прыгали до перваго обморока, болтая по французски и проклиная враговъ [2]).

Но среди всего этого круговорота обычной свѣтской жизни—мысли и чувства обращались къ Москвѣ. „Москва, старая очаровательница, и въ пожарныхъ развалинахъ своихъ, по выраженію Глинки, отовсюду манила къ себѣ мысли" [3]). Уже въ концѣ октября всѣ стремятся хоть не на долго съѣздить „въ разоренную и опаленную столицу", взглянуть на дорогія мѣста, о которыхъ старались до тѣхъ поръ „не думать, полагая, что приходится навѣки отказаться отъ счастья вновь ихъ увидѣть". Уже 20 октября пишутъ, что въ Москву ѣдетъ множество людей; въ концѣ ноября Москва полна народа. Она оживаетъ точно муравейникъ, въ нее стекаются отовсюду. 20 декабря Шлецеръ писалъ Вяземскому: „число жителей здѣсь прибавляется съ каждымъ днемъ. Пріѣзжаютъ даже нѣкоторые изъ знатныхъ господъ, по улицамъ уже довольно экипажей. Но при всемъ томъ пребываніе здѣсь очень печально. Вы не можете себѣ представить, какое ужасное зрѣлище представляютъ обгорѣлые дома".

Въ Москву возвращались съ особеннымъ чувствомъ: „хотя я убѣждена, пишетъ Волкова, что остался лишь пепелъ отъ дорогого города, но я дышу свободнѣе при мысли, что французы не ходятъ по

---

1) Отзв. 1812 и 1813 гг. въ письмахъ къ М. А. Волковой.

2) Р. А. 1866 (714).

3) Записки.

милому праху и не оскверняютъ своимъ дыханьемъ воздуха, которымъ мы дышали“. Къ ея развалинамъ приближались „съ тѣмъ чувствомъ, какъ Неемія послѣ плѣна Вавилонскаго объѣзжалъ вокругъ стѣнъ Іерусалимскихъ“. Глядя на нихъ охватывало „новое неизъяснимое чувство“. „Всякій день сожалѣю о прелестной Москвѣ, да прильпнетъ языкъ мой къ гортани, и да отсохнетъ десная моя, если я тебя, о, Іерусалимъ, забуду“, писалъ Батюшковъ. Во время несчастія Москва, казалось, стала еще милѣе для всѣхъ, кто къ ней былъ привязанъ.

Первое время пріѣзжающимъ приходилось тяжко, мѣстожительства не было, „ибо по сію пору“, писали въ ноябрѣ, „двухъ добрыхъ комнатъ отыскать нельзя“ [1]), ютились по подваламъ, жили кое-какъ въ концахъ ограбленнаго дома [2]). Жизнь, однако, кипѣла въ этомъ разоренномъ муравейникѣ. На площадяхъ выростали деревянныя лавченки, столики и рогожи, замѣнившія Гостинный Дворъ. Охотный рядъ превратился въ цѣлый базаръ изъ возовъ, своеобразную ярмарку, куда окрестные крестьяне свозили деревенскіе припасы, калачи, сайки, самовары со сбитнемъ, обувь [3]). Рядомъ, въ дверяхъ Благороднаго Собранья появилась какая-то лавка, гдѣ продавали лапти, кульки, веревки и т. п. Такъ новая жизнь цѣплялась за развалины старой. Торгъ шелъ оживленно. Грабежъ выкинулъ на рынокъ за дешево массу дорогихъ товаровъ. Словомъ „опять очнулась Москва“ и изъ развалинъ опять „гордо и величаво подымала свою главу“. „Нѣтъ силы на землѣ, которая бы уничтожила Москву... весь адъ съ милліонами Наполеоновъ—не въ состояніи этого сдѣлать“, писалъ Мерзляковъ уже въ мартѣ 1813 г. [4]): „Москва разрушенная, опустошенная уже лучшій городъ въ Россіи. Уже все, что нужда, удобность, удовольствіе, самая роскошь можетъ требовать находится въ ней съ изобиліемъ. Топоръ стучитъ въ тысячахъ рукъ, кровли наводятся, цѣлые опустошенные переулки становятся по прежнему застроенными, улицы заставлены обозами съ лѣсомъ и матеріалами, народу тьма“. Правительство содѣйствовало возстановленію Москвы; заведены были казенные кирпичные заводы, съ цѣлью доставлять дешевле и удобнѣе матеріалъ строющимся; въ пользу обгорѣлыхъ открыты были казенные лѣса, какъ-то Лосиноостровская роща. Изъ спеціальныхъ суммъ, ассигнованныхъ Государемъ выдавались денежныя пособія, и постепенно „пустота незастроенныхъ мѣстъ“ [5]), напоминавшая „варваровъ“, стала исчезать, и Москва воскрешала въ новую „лѣпоту“.

Не приходится повторять, что „пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью“. Москву обстраивали по новому плану и, пользуясь

---

[1]) Рус. А. 1912, № 6.

[2]) Изъ письма Растопчина (Р. А. 1863 г.).

[3]) Записки Шаховского.

[4]) Р. А. 1865 г.

[5]) Изъ письма Растопчина импер. Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 5 янв. 1814 года. (Сб. Щукина, VIII).

случаемъ, сносили зданья и даже старыя церкви. Этотъ новый планъ долженъ былъ быть однимъ изъ „памятниковъ славы“ Императора Александра, но вызывалъ много нареканій и жалобъ. „Казалось-бы въ теперешнемъ положеньи“, писалъ одинъ москвичъ: какъ бы нибудь люди строились, дабы имѣть пристанище, но начальство, напротивъ, какъ-бы обрадовалось сему случаю, хочетъ изъ кривыхъ улицъ сдѣлать прямыя. Даже не позволяютъ на каменныхъ домахъ сдѣлать мезонинъ деревянныхъ и совсѣмъ уже сдѣланные сломали“ Работы по благоустройству города были, дѣйствительно, довольно значительны: „съ тѣхъ поръ дороги, тротуары, дома и все на новый ладъ“. Произведена была большая нивеллировка улицъ со склономъ къ Москвѣ рѣкѣ и Яузѣ; Неглинка была заключена въ подземную трубу; приведены были въ порядокъ стѣны Кремля и Китая Города. Красная площадь была очищена отъ лавокъ, ровъ возлѣ Василія Блаженнаго засыпанъ, и на мѣстѣ его появилась „обсадка деревьевъ“ или бульваръ; „топь“, существовавшая на мѣстѣ теперешней Театральной площади, была замощена и самая площадь расширена; уничтоженъ былъ валъ Земляного Города; набережныя Москвы рѣки, Яузы и канала были обдѣланы камнемъ и рѣшеткой; воздвигнуты были теперешніе Москворѣцкій и Чугунный мосты. Обстроились и частные дома. „Красивые новые фасады замѣнили собою старые“, писалъ Растопчинъ [1]).

А за новыми фасадами потекла старая, беззаботная, привольная дворянская жизнь. Черезъ какихъ-нибудь два—три года Москва уже напоминаетъ „прошлую старинную шумную веселость“ [2]). Реакція послѣ пережитыхъ ужасовъ вызывала потребность и жажду мирныхъ и „общежитейскихъ“ удовольствій: еще не кончилась война, какъ возобновились публичные балы и маскарады; въ Собраніи затанцовали, „плясали, какъ угорѣлые“ [3]). Въ январѣ 1814 г. театръ Позднякова, еще недавно видѣвшій въ своихъ стѣнахъ гвардейцевъ Наполеона, не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ. На Тверскомъ бульварѣ, среди обгорѣлыхъ деревьевъ, на фонѣ развалинъ сожженныхъ домовъ, возобновились обычныя гулянья, на которыхъ два раза въ недѣлю высшій свѣтъ собирался слушать музыку [4]).

Въ частныхъ домахъ, по прежнему, „балы нельзя богаче,
„Отъ Рождества и до Поста,
„А лѣтомъ праздники на дачѣ“.

Общество не измѣнилось; интересы, вкусы, привычки „хоть стары
„А продолжали вѣковать,
„Преодолѣвъ и моды и пожары“.

---

1) Свѣдѣніе о работахъ по благоустройству Москвы послѣ пожара см. въ Сб. Щукина, а также въ письмахъ Растопчина къ Государю.

2) Слова. Вигеля.

3) См. письма М. А. Волковой къ Ланской.

4) Зап. Вигеля.

Приглядываясь къ этому обществу, мы легко убѣждаемся, что въ немъ все по старому: „все тотъ-же толкъ, и тѣ-жъ стихи въ альбомахъ". Исчезло безслѣдно даже ожесточеніе противъ французовъ, къ негодованію Растопчина: „Манія къ французамъ", писалъ онъ въ январѣ 1814 г.: „не прошла въ Россіи; 1812 годъ не излѣчилъ глупцовъ изъ дворянъ отъ пристрастія къ этому проклятому отродью" [1]). Воспитанье, основы культуры брали верхъ надъ временными настроеньями, и „въ городѣ, который нашествіе французовъ недавно превратило въ пепелъ, всѣ говорили языкомъ ихъ" [2]).

Двѣнадцатый годъ промелькнулъ, какъ страшный кошмаръ, какъ неясный, но тягостный сонъ; подъемъ, вызванный несчастіемъ, смѣнился обыденщиною, и обиходъ московской жизни, нарушенный набѣгомъ Наполеона, вошелъ въ свою колею. Дворянская культура Москвы пустила слишкомъ глубокіе корни, чтобы такъ легко разрушиться отъ удара постороннихъ силъ. Эта культура питалась соками нетронутаго войною крѣпостного чернозема, и, какъ долго онъ былъ цѣлъ, она не теряла ничего въ своей силѣ и красотѣ: „Пала Москва!" писалъ Трощинскій Кутузову:... (но Россія) скоро подыметъ падшую столицу свою, покажетъ ее удивленному міру еще въ большемъ велелѣпіи и славѣ и удостовѣритъ его тѣмъ, что богатства и силы наши неистощимы; ибо они существенно отъ изобилія земли нашей происходятъ, а не заимствуются за мечтательно драгоцѣнный металлъ.. Москва есть Россіи загородный домъ, было-бы село цѣло и гумно, недолго пепелище покрывать будетъ господское подворье" [3]). Поэтому, если современникамъ и казалось, что нашествіе Наполеона нанесло непоправимый ударъ дворянской Москвѣ, то они обманывались, они дѣлали ошибку перспективы; иныя, болѣе сложныя причины привели къ разоренью дворянскаго землевладѣнья, а съ нимъ и къ упадку дворянской Москвы, и лишь по мѣрѣ того какъ закладывались родовыя вотчины, какъ падала производительность латифундій, и возрастающая потребность въ „мечтательно драгоцѣнномъ металлѣ" все менѣе удовлетворялась примитивными формами натуральнаго хозяйства, исчезала дворянская Москва съ ея своеобразными формами. Двѣнадцатый годъ тутъ не при чемъ, какъ не пресѣкъ онъ роста торговой Москвы и не отразился на развитіи ея купечества.

---

1) Письмо Растопчина къ Государю отъ 19 января 1814 г.

2) Зап. Вигеля.

3) У Щукина въ Бумагахъ, относящихся до войны 1812 года.

Московскій Университетъ въ 1812 году.

Рѣчь ректора М. К. Любавскаго.

Въ 1812 году Московскій университетъ постигло великое разореніе... Чтобы уяснить его размѣры и послѣдствія, надобно прежде всего установить, что такое представлялъ изъ себя Московскій университетъ къ 1812 году, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, какими онъ располагалъ научно-образовательными средствами и какъ вообще выполнялъ свое назначеніе.

Къ 1812 году Московскій университетъ уже сосредоточился въ той самой мѣстности, которая занята нынѣ такъ называемымъ „Старымъ университетомъ". Не сразу досталась университету эта мѣстность: онъ собиралъ ее по частямъ и даже по мелкимъ кусочкамъ около пятидесяти лѣтъ. Открытъ былъ Московскій университетъ первоначально въ старомъ казенномъ зданіи Главной Аптеки, раньше Аптекарскаго Приказа, находившемся на Красной площади направо отъ Воскресенскихъ, или Курятныхъ воротъ (нынѣ на его мѣстѣ сталъ Историческій Музей [1]). Указомъ Сената въ 1754 году предписано было

---

1) „Планъ Императорскаго столичнаго города Москвы, сочиненный подъ смотреніемъ архитектора Ивана Мичурина въ 1739 году" и описаніе къ нему въ первомъ томѣ изд. А. Мартынова „Москва. Подробное историческое, географическое и археологическое описаніе города". Москва, 1865, стр. 201. Въ „Описаніи моровой язвы, бывшей въ столичномъ городѣ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ изд. въ 1775 г., на стр. 252 читаемъ: „Китай градъ весь, а въ немъ улицы отъ Воскресенскихъ или Курятныхъ воротъ по лѣвую сторону, гдѣ Денежной дворъ, а по правую Университетская типографія и книжная лавка, что въ старину Аптекарскій приказъ или истерія была; между Кремлемъ, Соборною Казанскія Богородицы церквою, и между рядами купецкими, до Лобнаго мѣста, что противъ Спасскихъ воротъ, называется Красная площадь". Эти свѣдѣнія повторяются и въ „Описаніи Императорскаго Столичнаго города Москвы", составленномъ и изданномъ въ 1782 году Рубаномъ, стр. 56. Виды зданія у Воскресенскихъ воротъ, въ коемъ помѣщался первоначально Университетъ, см. на стр. 58-ой и фототипическія таблицы I и II. Объясненія къ рисункамъ см. въ концѣ рѣчи.

архитектору князю Ухтомскому привести это зданіе въ исправность и, разобравъ покой бывшей здѣсь „австеріи“, т.-е. попросту трактира, устроить на ихъ мѣсто съ приличнымъ украшеніемъ университетскую залу. Въ этой-то залѣ и состоялось торжественное открытіе Московскаго университета 26 апрѣля 1755 года, на другой день послѣ праздника коронаціи Елизаветы. Великолѣпная иллюминація, зажженная вечеромъ этого дня, украшала именно это зданіе до самаго верха съ его башнею[2]). Но это первоначальное помѣщеніе скоро оказалось тѣснымъ, и уже въ 1757 году университетъ перекинулся на Моховую. Здѣсь для него прежде всего купленъ былъ дворъ князя Петра Ивановича Рѣпнина на углу Моховой и Никитской съ каменнымъ домомъ

Видъ воскресенскихъ Тріумфальныхъ воротъ отъ Куретнопа мосту. | Vue de l'Arc Triomphal de Voskresenski du côte du pont de Kuretny.

и деревянными строеніями, занимавшій почти все пространство, находящееся теперь подъ главнымъ корпусомъ Стараго университета и его переднимъ дворомъ[3]). Это было старинное владѣніе Рѣпниныхъ, числившееся за ними и въ XVII вѣкѣ[4]). Дворъ находился въ приходѣ церкви св. Діонисія Ареопагита, которая стояла позади его, почти на углу Никитской и Леонтьевскаго переулка; этотъ переулокъ

[2]) Шевыревъ, Исторія Императорскаго Московскаго университета, стр. 17—19.

[3]) П. И. Страховъ, Краткая исторія академической гимназіи, бывшей при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, стр. 44, 45, Москва, 1854; Шевыревъ, Исторія Императорскаго Московскаго университета, стр. 27.

[4]) Древне-русская картографія, вып. 1, Планы г. Москвы XVII в., стр. 44, Москва, 1898.

Фот. П. П. Павлова.

Зданіе у Воскресенскихъ воротъ, въ коемъ помѣщался Университетъ въ первые годы.

(Видъ съ Красной площади. Рисунокъ 1781 г.).

Табл. 2.

Фот. П. П. Павлова.

Зданіе у Воскресенскихъ воротъ, въ коемъ помѣщался Университетъ въ первые годы.

(Видъ со стороны Воскресенской площади. Рисунокъ 1821 г.).

План Университетскаго владѣнія, составленный архитекторомъ Казаковымъ съ нанесенными (архитекторомъ А. А. Никифоровымъ) теперешними постройками.

пересѣкалъ тогда нынѣшній дворъ Стараго университета параллельно Долгоруковскому переулку и соединялъ нынѣшній Шереметевскій и Георгіевскій переулки. Два придѣла въ этой церкви принадлежали князю Петру Ивановичу Рѣпнину, который отказалъ ихъ университету со всею утварью. Церковь такимъ образомъ на половину стала университетскою [5]). Къ дому Рѣпнина въ 1773 году университетъ прикупилъ еще сосѣднее дворовое мѣсто, находившееся между Рѣпнинскимъ дворомъ и землею церкви св. Георгія и принадлежавшее коллежскому асессору Григорію Дороѳеевичу Ивашкину [6]). Въ 1782 году университетъ еще дальше расширилъ свои владѣнія—купилъ у княгини Анны Михайловны Волконской за 8000 рублей ассигнаціями дворъ съ каменными и деревянными постройками въ приходѣ церкви Діонисія Ареопагита на Никитской улицѣ между своимъ дворомъ и Леонтьевскимъ переулкомъ и въ сосѣдствѣ съ малыми дворами, стоявшими на церковной землѣ св. Леонтія Ростовскаго (церковь эта стояла дальше по Леонтьевскому переулку, въ глубинѣ нынѣшняго университетскаго двора [7]). Три года спустя университетъ получилъ въ даръ огромный дворъ генералъ-поручика кн. Александра Ивановича Барятинскаго съ каменными и деревянными постройками, съ оранжереями и садомъ, лежавшій позади церкви св. Георгія на Красной Горкѣ и доходившій до вышеупомянутаго Леонтьевскаго переулка [8]).

---

[5]) Розановъ Н. О Татьянинской церкви Императорскаго Московскаго университета, стр. 35 въ Чтеніяхъ Импер. Москов. Общ. Истор. и Древ. Росс. 1869, кн. I. Сообщеніе Шевырева, что домъ князя Рѣпнина присоединенъ былъ къ дому Главной Аптеки, находившемуся на Моховой и также будто бы пожалованному университету, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Домъ Главной Аптеки, бывшій Ѳеодора Матвѣевича Апраксина, позднѣе Пашковыхъ, находился на противоположномъ углу Моховой, на мѣстѣ нынѣшняго Новаго университета. См. Планъ Москвы Мичурина 1739 и описаніе къ нему у Мартынова, стр. 204. Въ „Описаніи моровой язвы 1770—1772 г.“ читаемъ: „Отъ Воскресенскихъ воротъ по Тверской на лѣво у бывшаго Моисеевскаго дѣвичья монастыря, гдѣ и Моисеевскіе богадѣльни, въ право мимо Университетъ и Главную Аптеку, а въ лѣво по рѣчку Неглинную до Знаменки улицы: улица и площадь Моховая; идучи отъ Тверской по Моховой первая на право улица между Главною Аптекою и Университетомъ до Никитскихъ воротъ мимо Никитскаго дѣвичьяго монастыря: Никитская (стр. 255). И. Тимковскій, Памятникъ Ивану Ивановичу Шувалову въ Москвитянинѣ 1851, № 9, 10, стр. 6. Планъ мѣстности, гдѣ возникъ Старый Университетъ, см. ниже на стр. 72—73.

[6]) Лѣтопись церкви св. Георгія, стр. 125, въ Чтеніяхъ Импер. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1897, кн. 4.

[7]) Купчая на этотъ домъ хранится въ дѣлахъ университета. Въ ней между прочимъ читаемъ: „А въ межахъ тотъ дворъ идучи въ него по правую сторону дворъ упоминаемаго Императорскаго Московскаго Университета, по левую сторону переулокъ проезжей, а позади малыя дворы, состоящія на церковной землѣ церкви св. Леонтія Ростовскаго“.

[8]) Шевыревъ (op. cit., 109 стр.) сооббщаетъ, что подарила дворъ Императрица Екатерина. Въ университетѣ же держалось преданіе, что дворъ князя Барятинскаго былъ подаренъ владѣльцемъ. См. дѣло университ. правленія

Съ присоединеніемъ всѣхъ этихъ дворовъ къ университету на пространствѣ между Моховой и Леонтьевскимъ переулкомъ среди университетскихъ владѣній оказались земли церквей Діонисія Ареопагита, Леонтія Ростовскаго и Георгія на Красной Горкѣ. Университетъ постарался присоединить и эти земли. Тогдашній директоръ П. И. Фонъ-Визинъ вошелъ въ переговоры съ духовнымъ вѣдомствомъ: указывая на обветшалость церкви Діонисія, на незначительность ея прихода, на нужду университета въ землѣ (тогда началъ уже строиться главный корпусъ), Фонъ-Визинъ просилъ отдать университету эту церковь, вмѣсто которой университетъ соорудитъ новую, великолѣпнѣе старой, „такъ что бы оная, яко первый предметъ, при огромномъ зданіи служила лучшимъ украшеніемъ“ (какъ увидимъ ниже, обѣщаніе это было выполнено). Переговоры увѣнчались успѣхомъ: духовное вѣдомство разрѣшило университету разобрать Діонисіевскую церковь, утварь и матеріалъ употребить на устроеніе новой церкви, а находящуюся подъ тою церковью, погостомъ и священно-церковно-служительскими домами землю отдать подъ строеніе университета. 1 февраля 1791 года церковь поступила въ распоряженіе университета. Въ слѣдующемъ 1792 году упразднена была за обветшалостью и ничтожностью прихода (1 дворъ) церковь св. Леонтія Ростовскаго. На землѣ ея находилось цѣлое гнѣздо маленькихъ дворишекъ церковниковъ, которые представляли опасность для университета въ пожарномъ отношеніи и сверхъ того „дѣлали ему безобразіе“. Поэтому директоръ университета ходатайствовалъ о разрѣшеніи сломать Леонтьевскую церковь, а мѣсто ея навсегда присоединить къ университетскому дому. Ходатайство это было уважено митрополитомъ Платономъ. Съ церковью св. Георгія университетъ въ 1794 году обмѣнялся владѣніями: церковную землю, вошедшую внутрь университетскаго двора, взялъ себѣ, предоставивъ дьячку и пономарю снести отсюда свои дома, а на жительство причту уступилъ каменную кухню изъ владѣній князя Барятинскаго, давъ еще въ придачу 500 рублей[9]).

Такъ занято было все пространство нынѣшняго университетскаго двора между Моховою и Леонтьевскимъ переулкомъ. Къ 1804 году относится пріобрѣтеніе той его части, которая лежала между Леонтьевскимъ и Долгоруковскимъ переулками. Второго ноября этого года былъ купленъ за 30 тысячъ рублей асс. у Натальи Абрамовны Пушкиной, урожденной княжны Волконской, каменный домъ съ мебелью и деревяннымъ строеніемъ, стоявшій въ Долгоруковскомъ переулкѣ между домами Марьи Алексѣевны Мосоловой и графа Му-

---

1817 года, № 13, л. 11. См. планъ университетскаго владѣнія, составленный архит. Казаковымъ на стр. 59, а объясненія къ нему въ концѣ рѣчи.

[9]) Н. Розановъ, О Татьянинской церкви Московскаго университета, стр. 39—40.

сина Пушкина [10]); пять дней спустя купленъ былъ за 70 тысячъ рублей и домъ Мосоловой съ мебелью, каменнымъ и деревяннымъ строеньемъ, стоявшій на Никитской улицѣ между Долгоруковскимъ и Леонтьевскимъ переулками [11]).—Университетъ продвинулъ и далѣе свои владѣнія по Долгоруковскому переулку. По крайней мѣрѣ, мы теперь знаемъ, что въ 1812 году онъ владѣлъ домами, купленными у Мясоѣдова [12]).

Итакъ, семь барскихъ усадебъ, два церковныхъ погоста съ дворами церковниковъ и одинъ переулокъ занялъ нашъ Старый университетъ подъ свой дворъ и свои зданія. Кромѣ того, за это же время онъ пріобрѣлъ еще нѣкоторыя владѣнія на сторонѣ. Въ 1788 году императрица Екатерина II подарила университету большой домъ съ садомъ, купленный было у князей Трубецкихъ въ 1770 году для Межевой канцеляріи [13]). Это владѣніе занимало по Тверской всю линію между Долгоруковскимъ и Вражскимъ (нынѣ Газетнымъ) переулками [14]). Въ 1801 году университетъ уже самъ прикупилъ къ этому дому сосѣдній дворъ купца Ивана Михайловича Сажина [15]). Въ 1805 году университету Высочайше было разрѣшено купить за 11 тысячъ

---

[10]) Въ сохранившейся купчей читаемъ: „А въ межахъ оный мой домъ состоитъ со входу въ него Долгоруковскій переулокъ, по правую сторону домъ госпожи Мосоловой, по левую сторону домъ графа Мусина-Пушкина, позади Леонтьевскій переулокъ".

[11]) Купчая на этотъ домъ гласитъ: „А въ межахъ тотъ мой дворъ состоитъ идучи въ него съ Никитской улицы по правую и левую сторонамъ проѣзжіе переулки, а позади домъ княженъ Катерины и Марьи Абрамовыхъ дочерей Волконскихъ, а нынѣ Натальи Абрамовны Пушкиной".

[12]) В. О. Эйнгорнъ. Московскій университетъ, губернская гимназія и другія учебныя заведенія Москвы въ 1812 году, вып. II, стр. 45. Москва 1912 г.

[13]) Въ дѣлахъ университета хранится записка съ собственноручною подписью Екатерины на имя военнаго губернатора Еропкина нижеслѣдующаго содержанія: „Петръ Дмитріевичь. Состоящій въ Москвѣ на Тверской улицѣ казенный домъ, въ коемъ прежде помѣщалась Межевая канцелярія, повелѣваемъ отдать Московскому университету для употребленія по его надобности. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонная. Екатерина".

[14]) Купчая князей Трубецкихъ гласитъ между прочимъ: „А въ межахъ тотъ нашъ домъ по обе стороны проезжихъ съ Тверской на Никитскую улицу переулковъ, а мерою подъ темъ домомъ и садомъ земли по болшой Тверъской улице сорокъ семь саженъ и две трети, по порядку съ правой стороны шестьдесятъ одна сажень съ половиною, з того переулка вправо подле саду брегадира Андрея Лукьянова сына Толмачева двадцать одна сажень две трети, да подле двора и саду Московскаго первой гильдіи купца Ивана Михайловича сына Сажина тридцать одна сажень; по левую сторону по переулку съ Тверской на Никитскую улицу сорокъ четыре сажени две трети".

[15]) Купчая на это владѣніе гласитъ: „А въ межахъ оный дворъ, идучи въ него по правую сторону домъ Императорскаго Московскаго университета, въ которомъ помещенъ Благородный его пансіонъ, по левую сторону дворъ князя Юрія Володимировича Долгорукова и секундъ-майора Ивана Васильева Хотяинцева, спереди и сзади проезжіе переулки". Планъ 1775 г. мѣстности, окружавшей университетъ, см. на стр. 72—73).

рублей у Медико-Хирургической академіи садъ въ восемь десятинъ на Большой Мѣщанской улицѣ за Сухаревою башней. Этотъ садъ, называвшійся Аптекарскимъ, и превращенъ былъ въ Ботаническій[16]). Въ 1811 году пріобрѣтена была у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергѣя Михайловича Власова за 40 тысячъ рублей ассигнаціями часть нынѣшняго владѣнія на углу Б. Дмитровки и Страстного бульвара съ каменнымъ двухъэтажнымъ домомъ и другими каменными и деревяннными строеніями[17]).

По мѣрѣ того, какъ расширялись университетскія владѣнія на Моховой, переливала туда изъ дома у Воскресенскихъ воротъ и вся жизнь университета. Первоначально въ домѣ у Воскресенскихъ воротъ помѣщались библіотека, минералогическій кабинетъ, химическая лабораторія, собраніе физическихъ инструментовъ, типографія, словолитня и книжная лавка, читались лекціи, происходили засѣданія университетской конференціи, Вольнаго Россійскаго собранія, жили гимназисты и часть студентовъ[18]). Но постепенно все это было выведено отсюда на Моховую и Тверскую. Въ 1775 году здѣсь жили еще казеннокоштные ученики, читались лекціи физики, находились типографія и книжная лавка[19]); въ 1782 году тутъ оставались только типографія и книжная лавка[20]); въ 1787 году здѣсь уже совсѣмъ не было университетскихъ учрежденій, и домъ назывался уже бывшимъ университетскимъ: въ немъ, какъ и въ его визави, размѣщены были разныя присутственныя мѣста, между прочимъ, магистратъ, градская дума и аукціонъ[21]).—На Моховой и Тверской университетъ сначала

---

[16]) Шевыревъ, op. cit., стр. 366. Еще въ 1780 году оберъ-шталмейстеръ генералъ-аншефъ и дѣйствительный камергеръ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ подарилъ университету свой домъ съ садомъ за Красными Воротами на Ольховцѣ для заведенія тамъ Ботаническаго сада. Но университетъ, вѣроятно, по причинѣ отдаленности владѣнія не воспользовался имъ для указанной цѣли и сдавалъ его въ аренду. Ботаническій же садъ помѣстился въ саду кн. Барятинскаго послѣ полученія его университетомъ.

[17]) Купчая на этотъ домъ гласитъ: „А въ межахъ оный домъ мой состоитъ: со входу въ него валъ Бѣлаго города, по правую сторону улица Большая Дмитровка, по лѣвую сторону домъ титулярнаго совѣтника Алексѣя Николаевича Мордвинова и садъ коммерціи совѣтника Михаила Павловича Зубина, сзади домъ ротмистрши Анны Яковлевны Талызиной“. Этотъ послѣдній домъ также пріобрѣтенъ былъ „въ казну типографіи Императорскаго Московскаго Университета“ въ 1818 году за 37 тысячъ рублей съ четырьмя строеніями: 1) на каменномъ фундаментѣ оштукатуреннымъ деревяннымъ корпусомъ длиною 30 саж., шириною 13½. съ двумя выступами на дворъ; 2) каменнымъ флигелемъ длиною 15 саж., шириною 11½ арш.; 3) каменными сараями длиною 11 саж., шириною 4 саж.; 4) деревянными погребами длиною 14½ арш., шириною 12 арш.

[18]) Шевыревъ, op. cit., стрр. 83, 91, 166, 190, 196, 201.

[19]) Тамъ же, стр. 190, 196, 214. Срав. „Описаніе моровой язвы, бывшей въ столичномъ городѣ Москвѣ въ 1770 по 1772 годъ“, стр. 252.

[20]) Описаніе столичнаго города Москвы Рубана, стр. 11.

[21]) Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губерніи съ ихъ уѣздами, стр. 23. Москва, 1787. Срав. Путеводитель къ древностямъ

располагался въ разбродъ, какъ было можно, по разнымъ зданіямъ, которыя доставались ему отъ прежнихъ владѣльцевъ, или которыя онъ самъ пристраивалъ. Между прочимъ построены были два флигеля, составившіе позже два крыла главнаго корпуса [22]). Но рано или поздно должна была почувствоваться нужда въ обширномъ зданіи, въ которомъ учебно-воспитательная жизнь университета могла бы до извѣстной степени объединиться и сосредоточиться. Директоръ Фонъ-Визинъ началъ хлопотать о возведеніи „главнаго корпуса" въ университетѣ. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, и въ 1786 году было отпущено 125 тысячъ рублей на построеніе главнаго корпуса, точнѣе —средней его части. 23 августа 1786 года этотъ корпусъ былъ заложенъ, а осенью 1793 года былъ оконченъ. Строилъ его архитекторъ надворный совѣтникъ Матвѣй Казаковъ [23]).

Ильѣ Ѳедоровичу Тимковскому, одному изъ питомцевъ университета девяностыхъ годовъ XVIII вѣка, мы обязаны описаніемъ внѣшняго вида и внутренняго распредѣленія помѣщеній главнаго корпуса немедленно послѣ его постройки.

Университетъ, согласно этому описанію, занималъ выстроенный для него домъ въ четыре этажа, съ переднимъ дворомъ и боковыми выступами на улицу Моховую, правымъ бокомъ на Никитскую. Передній дворъ содержался чистымъ и былъ съ карауломъ у воротъ. Нижній этажъ дома занимали службы, погреба, кладовыя, кухни, особенно кухня и запасы для казенныхъ учениковъ. Ходы въ прочіе три этажа были „съ лица", т.-е. главнаго фасада, средній, парадный съ колоннами, и два у воротъ въ боковыхъ выступахъ; съ задней стороны тотъ же средній промежный, и два малыхъ по угламъ у заломовъ, во второй этажъ, въ жилыя комнаты учениковъ и студентовъ. Средній входъ изъ большихъ сѣней велъ по заднимъ лѣстницамъ въ третій и четвертый этажи. Въ третьемъ этажѣ въ срединѣ надъ передними сѣнями находилась круглая зала торжественныхъ засѣданій, съ хорами на четвертомъ этажѣ (это, слѣдовательно, предшественница настоящаго актоваго зала). Изъ залы по лицевой сторонѣ направо, къ западу, находилась библіотека, налѣво кабинетъ естественной исторіи и за нимъ порожняя запасная зала. Въ параллель съ этими помѣщеніями съ задней стороны въ третьемъ этажѣ, окнами на задній дворъ, къ западу были три залы для математики и физики и физическаго кабинета, а къ востоку залы для искусствъ:

и достопамятностямъ Московскимъ 1792 г., ч. 11, стр. 159; Экспликація къ плану стольнаго города Москвы, составлен. Е. Челіевымъ, стр. 9. Москва, 1812.

22) Шевыревъ, op. cit., стр. 27, 109. Указатель Императорскаго Московскаго университета, стр. V, VI. Москва, 1826 г. Москвитятинъ, 1853, № 23. Замѣтки о старомъ Московскомъ университетѣ П. С. Полуденскаго; Дѣла правленія университета 1817 года, № 13.

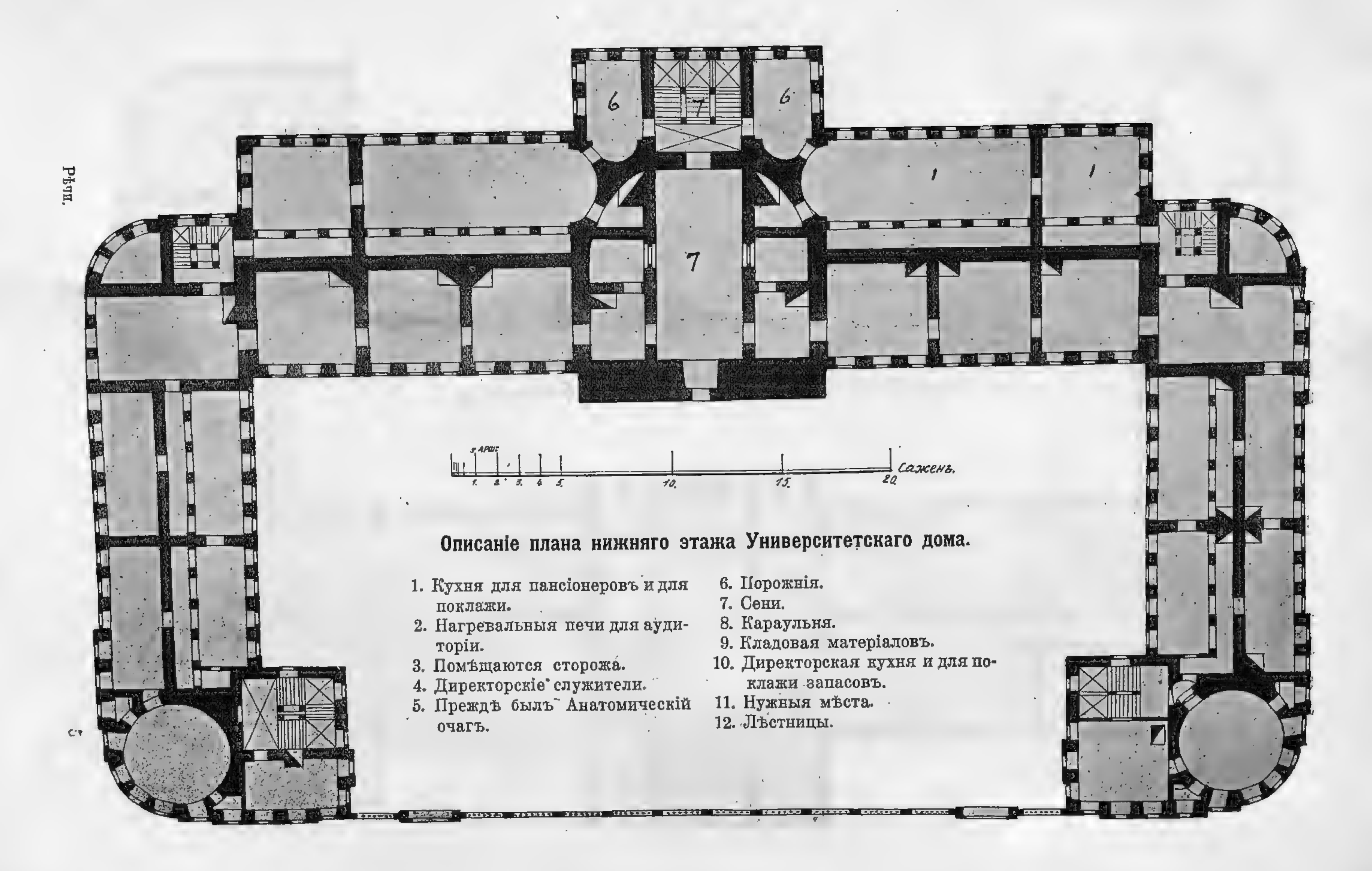
23) Шевыревъ, op. cit., стр. 109—112. Фасадъ зданія см. на фототипич. таблицѣ № III, а планы всѣхъ 4-хъ этажей съ „описаніями" къ нимъ на стр. 65—68.

Фасадъ главнаго корпуса Московскаго Университетскаго дома.

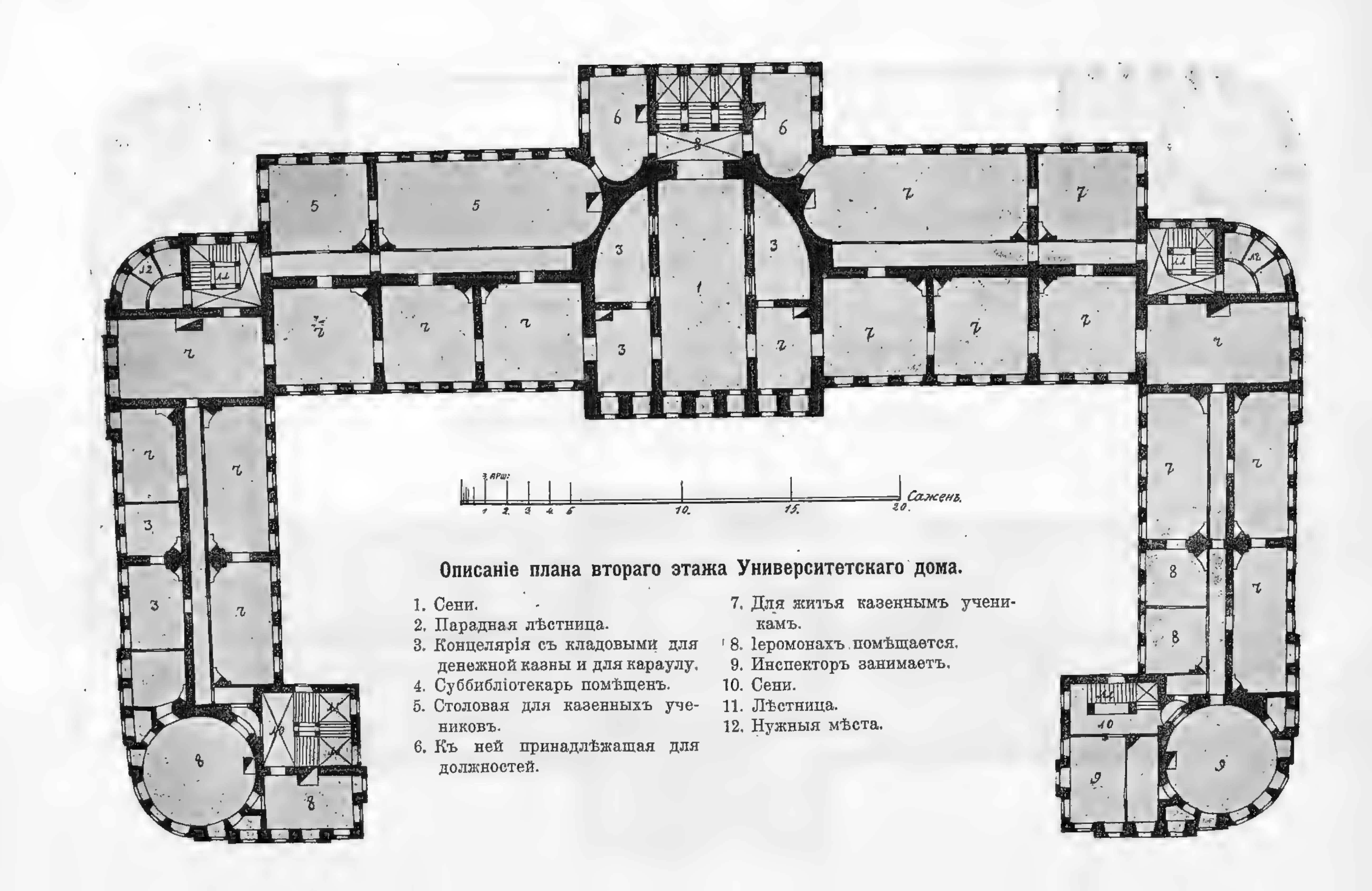
Фот. П. Павлова

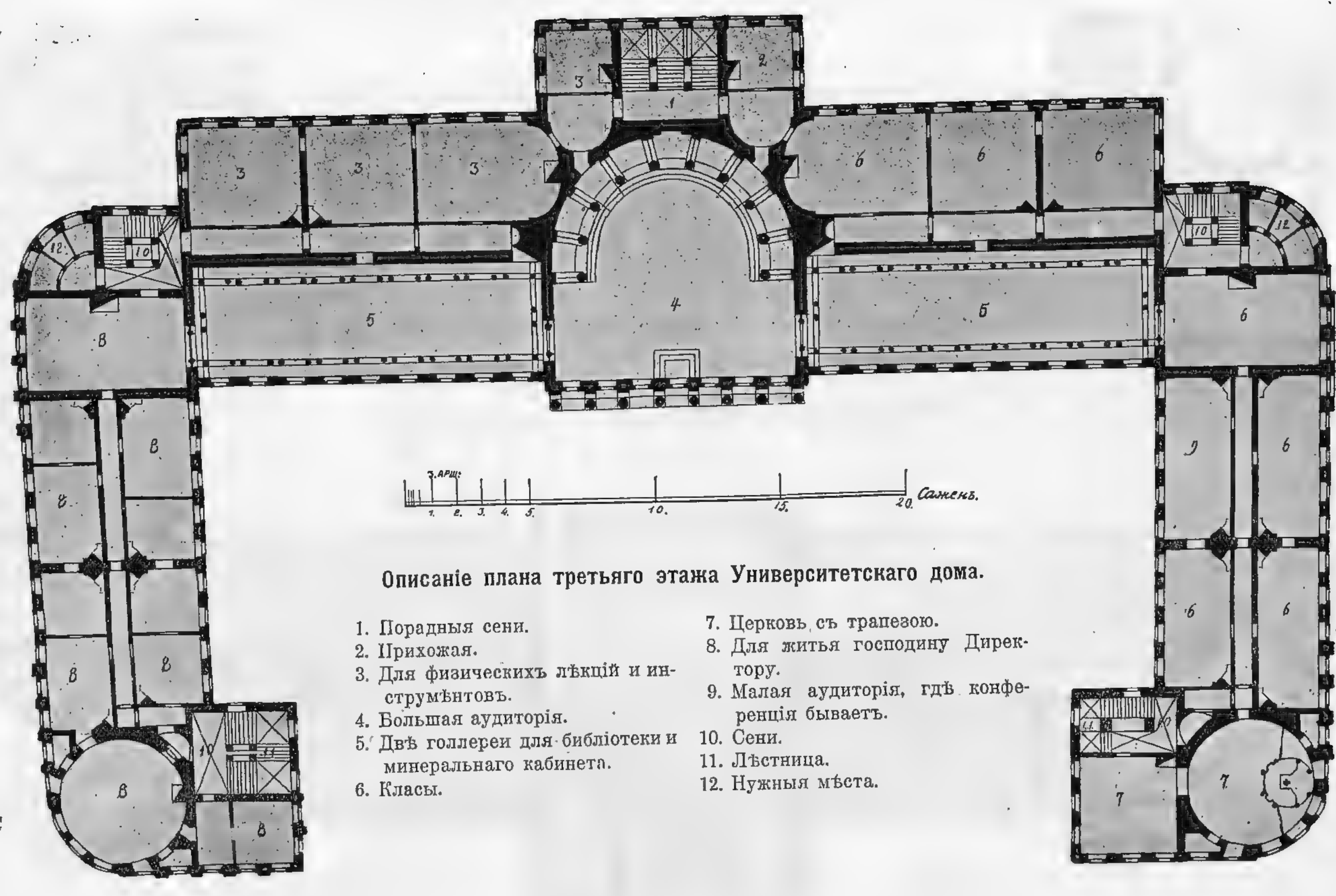
Зданіе Университета, построенное архитекторомъ М. Казаковымъ.

Описаніе плана нижняго этажа Университетскаго дома.

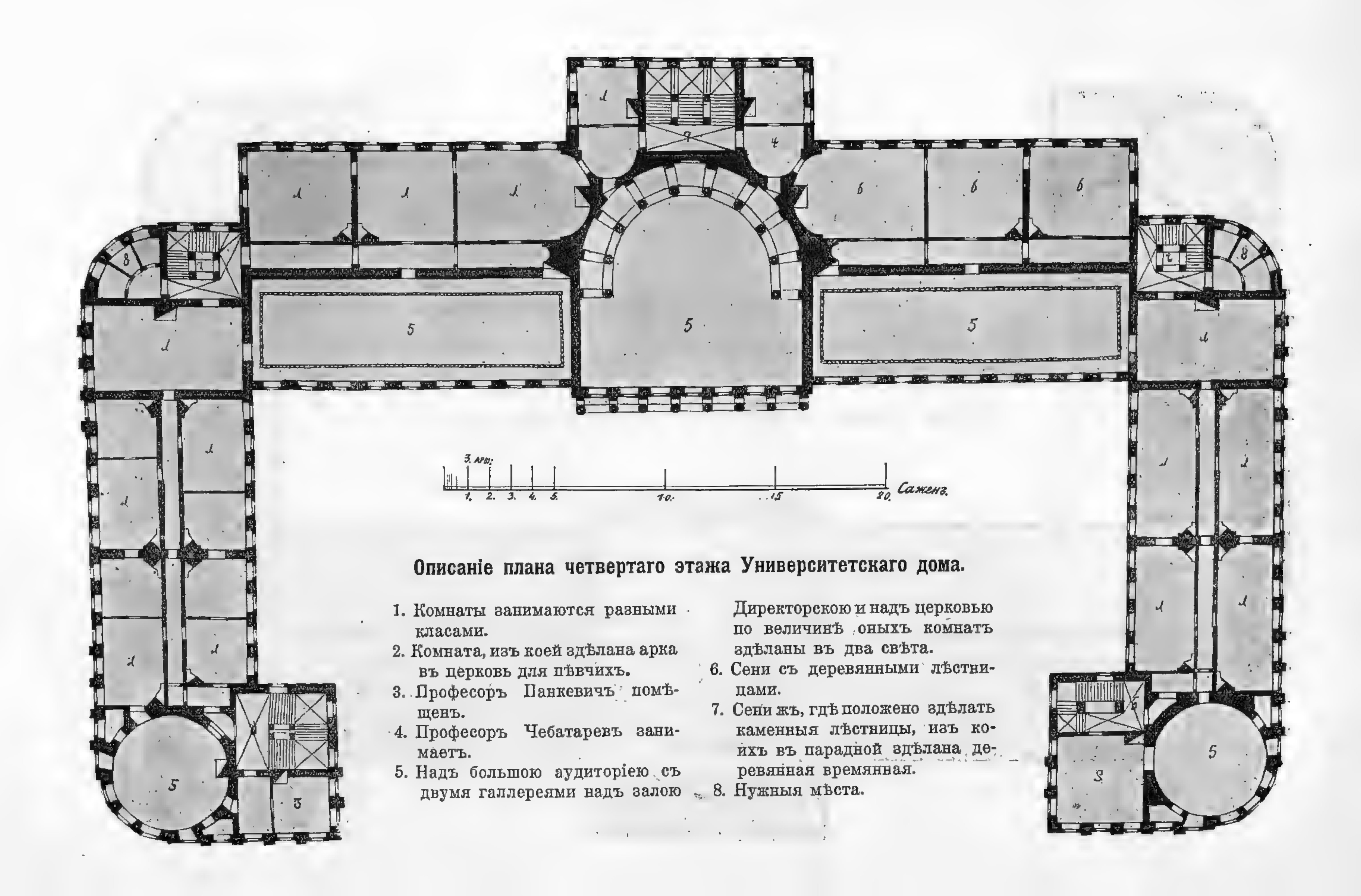
1. Кухня для пансіонеровъ и для поклажи.
2. Нагревальныя печи для аудиторіи.
3. Помѣщаются сторожа.
4. Директорскіе служители.
5. Прежде былъ Анатомическій очагъ.
6. Порожнія.
7. Сени.
8. Караульня.
9. Кладовая матеріаловъ.
10. Директорская кухня и для поклажи запасовъ.
11. Нужныя мѣста.
12. Лѣстницы.

Описаніе плана втораго этажа Университетскаго дома.
1. Сени.
2. Парадная лѣстница.
3. Концелярія съ кладовыми для денежной казны и для караулу.
4. Суббибліотекарь помѣщенъ.
5. Столовая для казенныхъ учениковъ.
6. Къ ней принадлѣжащая для должностей.
7. Для житья казеннымъ ученикамъ.
8. Іеромонахъ помѣщается.
9. Инспекторъ занимаетъ.
10. Сени.
11. Лѣстница.
12. Нужныя мѣста.
3 арш.
1 2 3 4 5 10 15 20
Саженъ.

Описаніе плана третьяго этажа Университетскаго дома.

1. Порадныя сени.
2. Прихожая.
3. Для физическихъ лѣкцій и инструмѣнтовъ.
4. Большая аудиторія.
5. Двѣ голлереи для библіотеки и минеральнаго кабинета.
6. Класы.
7. Церковь съ трапезою.
8. Для житья господину Директору.
9. Малая аудиторія, гдѣ конференція бываетъ.
10. Сени.
11. Лѣстница.
12. Нужныя мѣста.

Описаніе плана четвертаго этажа Университетскаго дома.

1. Комнаты занимаются разными класами.
2. Комната, изъ коей здѣлана арка въ церковь для пѣвчихъ.
3. Професоръ Панкевичъ помѣщенъ.
4. Професоръ Чебатаревъ занимаетъ.
5. Надъ большою аудиторіею съ двумя галлереями надъ залою Директорскою и надъ церковью по величинѣ оныхъ комнатъ здѣланы въ два свѣта.
6. Сени съ деревянными лѣстницами.
7. Сени жъ, гдѣ положено здѣлать каменныя лѣстницы, изъ коихъ въ парадной здѣлана деревянная времянная.
8. Нужныя мѣста.

рисованья, музыки, танцевъ и фехтованья. Подъ этими аудиторіями во второмъ этажѣ, входомъ изъ большихъ заднихъ сѣней, были столовыя и камеры для казенныхъ учениковъ; въ четвертомъ этажѣ надъ этими аудиторіями находились гимназическіе классы. Таково было распредѣленіе помѣщеній въ главной продольной части зданія.

Боковой входъ снизу праваго выступа, что на Никитской, велъ во второмъ этажѣ прежде всего въ комнаты начальника университета—директора. Комнаты эти были угловыя, выходившія окнами на Моховую, отъ нихъ направо по коридору находилась университетская канцелярія съ архивомъ. Весь третій этажъ праваго выступа занимала директорская квартира. Въ четвертомъ этажѣ три угловыя комнаты на Моховую и Никитскую занималъ одинъ изъ профессоровъ, а въ прочихъ помѣщались казеннокоштные ученики гимназіи изъ разночинцевъ, входившіе въ нихъ по задней угловой лѣстницѣ.

Боковой входъ снизу лѣваго крыла, что къ сторонѣ Тверской, велъ во второмъ этажѣ въ три угловыя комнаты, которыя занималъ инспекторъ гимназическихъ классовъ. Отъ нихъ налѣво по коридору двѣ большихъ комнаты съ разгородками, окнами на передній дворъ, занималъ іеромонахъ, настоятель университетской церкви, а визави, окнами на задній дворъ, находилось помѣщеніе іеродіакона университетской церкви. Въ третьемъ этажѣ двѣ угловыя комнаты, съ пробитою изъ одной въ другую аркою, занимала церковь св. великомученицы Татьяны, освященная 5 апрѣля 1791. Самая церковь занимала вверхъ и четвертый этажъ, была съ двойнымъ свѣтомъ; а надъ переднимъ ея притворомъ комната четвертаго этажа составляла церковные хоры. За церковью дальше по коридору находились аудиторіи: первая—философскаго факультета, вторая—юридическаго, окнами на передній дворъ; визави къ нимъ, окнами на задній дворъ, первая зала—для случайныхъ ожиданій, и она же въ видѣ притвора церковнаго, вторая—медицинскаго факультета съ его шкапами. Юридическая аудиторія, расписанная и съ царскимъ портретомъ, имѣла и другія назначенія: въ ней собиралась конференція университета, производились публичные диспуты на ученыя степени, для чего въ ней стояла тройная каѳедра, и происходили разныя другія собранія. За этими залами находились одна или двѣ запасныхъ, черезъ которыя можно было проникнуть въ кабинетъ естественной исторіи и въ большую залу. Четвертый этажъ выступа занятъ былъ классами и камерами дворянской гимназіи. Во всѣхъ лекціонныхъ и гимназическихъ залахъ стояли длинные столы съ подвижными скамьями по обѣ стороны, на которыхъ сидѣли студенты и гимназисты; впереди стола ставились кресла для профессоровъ и стулья для учителей. Исключеніе представляла физическая зала, которая устроена была тройнымъ амфитеатромъ съ пульпетами [24]). Описаніе Тимковскаго относится къ девяностымъ годамъ XVIII ст. Къ 1812 году въ распредѣленіи помѣщеній главнаго кор-

[24]) Москвитянинъ № 9—10, стр. 6—8, 33.

пуса должны были произойти кое-какія перемѣны въ связи съ сокращеніемъ числа гимназистовъ. Увеличились несомнѣнно помѣщенія музея натуральной исторіи, библіотеки и число профессорскихъ квартиръ.

Изъ вышеописанныхъ помѣщеній поражала своею красотою университетская церковь, построенная и расписанная художникомъ Антономъ Ивановичемъ Клауди. Университетъ свято выполнилъ обѣщаніе, данное митрополиту Платону, замѣнить ветхую церковь св. Діонисія новою и великолѣпнѣйшею. Алтарь ея имѣлъ видъ круглаго древняго храма, у котораго куполъ держался на восьми бороздчатыхъ колоннахъ коринѳскаго ордена, что придавало цѣлому сооруженію изящную тонкость и легкость; базы и капители колоннъ, а также легкія и тонкія украшенія карниза и купола были вызолочены. На вершинѣ купола лежалъ круглый, карнизчатый невысокій пьедесталъ, на которомъ стояло лѣпное алебастровое и вызолоченное изображеніе возставшаго изъ гроба Христа Спасителя съ поднятою вверхъ благословляющею десницею и съ хоругвью въ лѣвой рукѣ; Спаситель представленъ былъ почти нагъ и нѣсколько прикрывался плащаницею, перекинутою черезъ правое плечо и назадъ, какъ бы развѣвавшеюся по воздуху. Это изображеніе, бывшее соединеніемъ жизни и красоты, изваяно было художникомъ Иваномъ Ивановичемъ Герке по рисунку Клауди. Алтарь спереди заграждался простымъ и вмѣстѣ изящнымъ иконостасомъ, который весь былъ писанъ рукою самого Клауди: написаны были Тайная Вечеря на царскихъ вратахъ, икона Спасителя, икона Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, подлѣ иконы Спасителя икона св. Великомученицы Татіаны, у праваго клироса икона св. Праведныя Елизаветы; подлѣ иконы Богоматери икона св. равноапостольнаго князя Владиміра, у лѣваго клироса икона св. Іоанна Милостиваго, ангела Ивана Ивановича Шувалова; на сѣверной боковой двери образъ св. первомученика архидіакона Стефана, на южной—св. праведнаго пророка Моисея. Всѣ эти иконы, по словамъ проф. Петра Иларіоновича Страхова, написаны были на доскахъ, „хотя и въ итальянскомъ стилѣ,— но съ соблюденіемъ византійскаго благоприличія". „Но всѣхъ болѣе,— говоритъ тотъ же современникъ,—поражала зрѣніе посѣтителей большая икона, стоявшая на алтарѣ за престоломъ на горнемъ мѣстѣ: она писана была на полотнѣ, изображала моленіе Спасителя о чашѣ. Христосъ представленъ былъ здѣсь въ обыкновенную величину роста человѣческаго, стоящій на колѣнахъ съ крестообразно-сложенными руками на груди; ликъ его кроткій, преходящій отъ смущенія къ надеждѣ и спокойствію; предъ Спасителемъ у самой земли въ свѣтломъ облакѣ изображался ангелъ въ бѣлыхъ ризахъ съ распростертыми крылами и съ потиромъ или чашею въ рукахъ. Сей посланникъ Вседержителя съ кроткимъ утѣшающимъ взоромъ какъ будто бы вѣщаетъ Искупителю, ободряетъ и укрѣпляетъ надеждою на помощь Бога Отца: яркій лучъ свѣта небеснаго нисходитъ черезъ ликъ ангела на Христа и освѣщаетъ всѣ предметы, на иконѣ изображенные. Спаситель и

ангелъ казались совершенно живыми, особенно же когда зрители-богомольцы становились предъ растворенными царскими дверями храма". Въ сводѣ купола надъ крестомъ изображенъ былъ Духъ Святый въ видѣ голубя, парящаго въ небесной высотѣ. По правую сторону царскихъ вратъ у колонны на особомъ аналоѣ изъ краснаго дерева за стекломъ стоялъ образъ Спасителя кисти Тиціано, кѣмъ-то подаренный университету: ликъ Христа съ терновымъ вѣнцомъ на главѣ былъ изображенъ до полугруди въ обыкновенную величину человѣческаго роста. По другой сторонѣ царскихъ вратъ на такомъ же аналоѣ лежалъ въ золотой рамѣ образъ св. Благовѣрнаго Александра Невскаго. Иконостасъ, куполъ и колонны алтаря выкрашены были бѣлою краскою. Въ особомъ иконостасѣ по стѣнѣ церковной трапезы стояли иконы стараго письма, принесенныя изъ упраздненной церкви св. Діонисія Ареопагита. Церковь при своей простотѣ была такъ изящна и величественна, что посѣтившій ее 6 декабря 1809 года императоръ Александръ Павловичъ былъ отъ нея въ восхищеніи и, не слушая привѣтственной рѣчи настоятеля Малиновскаго, воскликнулъ, обращаясь къ сестрѣ Екатеринѣ Павловнѣ: „Ахъ, какъ хорошо"! [25]).

Въ главномъ корпусѣ не могли быть сосредоточены всѣ университетскія учрежденія и квартиры, и значительная часть ихъ продолжала занимать отдѣльные дома на университетскомъ дворѣ. Такъ, въ большомъ деревянномъ флигелѣ, стоявшемъ рядомъ съ лѣвымъ крыломъ главнаго корпуса бокомъ на Моховую, находился баккалаврскій, или педагогическій институтъ, и жили его директоръ и нѣкоторые изъ профессоровъ; позади его въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ находилась университетская больница и жили ея докторъ и прислуга и нѣкоторыя лица изъ университетской администраціи; еще дальше внутрь двора въ длинномъ каменномъ домѣ жили профессора и разныя должностныя лица; въ бывшемъ домѣ княгини Волконской помѣстился анатомическій театръ; неподалеку въ каменномъ домѣ жилъ прозекторъ анатоміи и другіе служащіе университета, въ двухъ деревянныхъ домахъ были прачешныя, въ третьемъ—квартира университетскаго пристава съ женою—кастеляншею; въ большомъ каменномъ флигелѣ, выстроенномъ по Никитской позади главнаго корпуса, помѣщался сначала пансіонъ, учрежденный послѣ вывода Вольнаго Благороднаго пансіона на Тверскую, а затѣмъ съ 1805 года клиническій институтъ съ глазною больницею; Вольный Благородный пансіонъ сначала помѣщался въ деревянномъ флигелѣ кн. Волконской, а затѣмъ въ 1890 году переведенъ былъ въ домъ Межевой канцеляріи на Тверскую, куда еще раньше переведены были университетская типографія и книжная лавка (въ этой лавкѣ продавались „Московскія Вѣдомости", отчего и Вражскій переулокъ получилъ прозваніе Газетнаго) [26]); но въ 1811 году

---

25) Пр. Страховъ, Краткая исторія академической гимназіи, стр. 48, 49.

26) Москвитянинъ 1851, № 9—10; стр. 9, 10; П. И. Страховъ, Краткая исторія. академической гимназіи, стр. 61, 62; Шевыревъ, op. cit., стр. 215—216, 263, 264.

Изъ „Плана Москвы“, Высочайше утвержденнаго 7 іюля 1775 года.

А—городъ Кремль.—Р—противъ Кремля и Китая подъ удобности мѣстъ прежектируются площади. — Q—кварталы и корпусы подъ строеніе публичныхъ и обывательскихъ домовъ по фасадамъ, какія по сочиненіи всевысочайшей конфирмаціи удостоятся. — S—кварталы и корпусы подъ строеніе харчевенъ, торговыхъ и харчевыхъ лавокъ и подъ другія публичныя строенія.

Въ Бѣломъ городѣ противъ рѣки Неглинной.

А, Б, В, Г — (владѣнія разныхъ лицъ). — Д — Питейной домъ.—Е—постоялой дворъ купца Аленева.—Ж—подпоручика Ив. Веттера. — З —точильныя лавки купца Батыгина. Дворъ г. Грекова, Московск. купца Ѳедора Иванова. — И—Московск. купца Силина —І—Мясной рядъ. — К— подворье Азовскаго Донецкаго монастыря. —Л— Питейной домъ.—М — лавки, гдѣ торгуютъ платьемъ и харчевни купца Матвѣя Евреинова. — Н —Такія жъ лавки купца Силина. — О — харчевыя лавки купца Второва.—П — дворъ умершаго дьякона Филипа Иванова, дьячка Козьмы Яковлева, купца Василья Бѣляева. — Р—дворовыя пустыя мѣста.—С—бывшей Моисеевской монастырь. —Т— Архангельскаго собора протодьякона Василья Гаврилова.— У—строеніе вѣдомства Монетной экспедиціи.— Ф—князей Василія и Александра Долгоруковыхъ.—Х—Охотной рядъ.

Реестръ состоящимъ нынѣ знатнымъ, на семъ планѣ показаннымъ, строеніямъ.

Въ Китаѣ:

5— Университетъ. — Ворота: 18—Никольскія.— 20—Троицкія.

Въ Бѣломъ и Земляномъ городѣ:

12—Георгіевской монастырь.—13—Университетъ.—14—Главная оптека.—15—Никитской монастырь.—16—Воздвиженской монастырь. — Улицы: 1—Дмитровка. — К — Тверская. — Л. — Никитская.—Н.—Воздвиженка.

типографія и книжная лавка были уже переведены на Дмитровку [27]). Таково было внѣшнее устроеніе нашего университета къ 1812 году. Къ этому же времени завершилась и внутренняя организація его, какъ высшей школы, и Московскій университетъ сталъ дѣйствительно тѣмъ, что разумѣется подъ именемъ университета.

Надо сказать, что до преобразованія своего въ 1804 году Московскій университетъ былъ больше среднею, чѣмъ высшею школою. Извѣстно, что по мысли Ломоносова при университетѣ учреждены были двѣ гимназіи, для дворянъ и разночинцевъ, которые и должны были готовиться здѣсь какъ для поступленія въ университетъ, такъ и на государственную службу. Эти-то гимназіи и стали преимущественно пополняться молодежью, а университетъ почти пустовалъ, ибо находилось мало охотниковъ доучиваться въ немъ. Въ 1787 году въ этихъ гимназіяхъ было 1010 человѣкъ: благородныхъ на своемъ содержаніи 487, на казенномъ 79,разночинцевъ на своемъ содержаніи 373, на казенномъ 71 [28]). Въ 1803 г. наканунѣ преобразованія университета, въ университетскихъ гимназіяхъ, не считая Вольнаго Благороднаго пансіона, состояло 958 человѣкъ: 130 на казенномъ содержаніи, 115 на стопятидесяти-рублевомъ пансіонѣ, 104 сверхъ-комплектныхъ и 563 приходящихъ [29]). Университетъ, какъ видите, тогда наполненъ былъ болѣе зеленою молодежью, чѣмъ теперь. Въ немъ нельзя насчитать даже десяти аудиторій, но за то было 22 ученическихъ класса; шестнадцать малыхъ камеръ и одна большая казарма въ главномъ корпусѣ заняты были казенно-коштными учениками; большой каменный флигель на Никитской занятъ съ 1791 года былъ стопятидесяти рублевыми учениками пансіонерами [30]). Среди всей этой школьной молодежи юноша-студентъ былъ почти не виденъ. Въ 1787 году на 1010 учениковъ приходилось всего 82 студента: 64 казеннокоштныхъ и 18 своекоштныхъ [31]), въ 1803 году студентовъ было не болѣе 100 человѣкъ, изъ коихъ 50 было казеннокоштныхъ [32]). Студенты при гимназистахъ играли роль надзирателей и воспитателей и даже учителей (въ низшихъ классахъ). — Съ теченіемъ времени университету стало уже не подъ силу справляться съ обученіемъ и воспитаніемъ огромной массы ребятъ, и онъ выдѣлилъ изъ себя Вольный Благородный пансіонъ (въ 1779 году). Сначала этотъ пансіонъ былъ только пансіономъ; учились же пансіонеры вмѣстѣ съ другими учениками университетскихъ гимназій. Но затѣмъ, съ переводомъ его на Тверскую въ домъ Межевой канцеляріи, устроены были

---

[27]) Шевыревъ, op. cit., стр. 409.

[28]) Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губерніи съ ихъ уѣздами, стр. 31. Москва 1787 г.

[29]) Шевыревъ, op. cit. стр. 373

[30]) П. И. Страховъ, op. cit., стр. 3, 60; Москвитянинъ 1851, № 9—10, стр. 33.

[31]) Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губерніи съ ихъ уѣздами, стр. 31.

[32]) Дѣло попечит. канц. 1813 г., № 65.

для него тамъ же и отдѣльные классы. Вольный Благородный пансіонъ превратился, такимъ образомъ, въ особую гимназію при университетѣ, третью по счету, имѣвшую своего особаго инспектора или смотрителя изъ профессоровъ университета, своихъ особыхъ учителей и состоявшую только въ общемъ вѣдѣніи университета [33]).

За все это время центръ тяжести всей учебно-воспитательной жизни университета сосредоточивался именно въ его гимназіяхъ. Большинство преподавательскаго персонала университета составляли учителя [34]). Въ 1787 году въ университетѣ было всего 16 профессоровъ (11 ординарныхъ и 5 экстраординарныхъ), а учителей было 49 [35]). Впрочемъ и большинство профессоровъ и адъюнктовъ состояли преподавателями въ гимназіяхъ. Надо сказать, что и въ самой постановкѣ преподаванія не было проведено строгой границы между среднею и высшею школою, и въ гимназіяхъ преподавалось много такого, чему мѣсто по настоящему въ высшей школѣ, напр. миѳологія, римскія древности, языки еврейскій, халдейскій и татарскій, военная и гражданская теоретическая архитектура, геодезія, основаніе политическихъ наукъ, статистика, геральдика, нумизматика, древняя географія, естественная исторія, умственная и нравственная философія, энциклопедическое обозрѣніе всѣхъ наукъ и проч. и проч. [36]). Такая многопредметность университетской гимназіи происходила именно отъ того, что она готовила все-таки не столько къ университету, сколько къ службѣ. Энциклопедизмъ преподаванія не обременялъ учащихся: университетъ предоставлялъ ученикамъ учиться тому, что имъ нравилось, или что они признавали для себя необходимымъ, у тѣхъ учителей, у кого они желали, такъ какъ одинъ и тотъ же предметъ обычно преподавался параллельно нѣсколькими учителями. Классовъ въ нашемъ смыслѣ, съ опредѣленнымъ составомъ предметовъ, не было; наоборотъ—каждый предметъ въ программѣ преподаванія дѣлился на классы, и ученики переходили изъ класса въ классъ по каждому предмету особо, сообразно своимъ успѣхамъ, подвигаясь впередъ по одному предмету, отставая въ другомъ. Большинство ограничивалось одною гимназіею и выходило, не достигая степени студента, при чемъ получало отъ университета удостовѣреніе объ успѣхахъ, прилежаніи и поведеніи, не дававшее никакихъ правъ и служившее только рекомендаціею при поступленіи на службу. Готовя молодыхъ людей такъ или иначе къ предстоящей службѣ, университетъ обучалъ ихъ даже военнымъ экзерциціямъ. Съ Ѳомина понедѣльника желающіе ученики записывались рядовыми къ ротнымъ

---

[33]) П. И. Страховъ, op. cit., стр. 59. Шевыревъ op. cit., стр. 43.

[34]) Въ 1755—1760 г. профессоровъ и преподавателей въ университетѣ числилось не болѣе 12 человѣкъ, тогда какъ учителей въ гимназіи насчитывалось уже 36.

[35]) Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губерніи, стр. 31.

[36]) П. И. Страховъ, op. cit, стр. 4, 5; Шевыревъ, op. cit., стр. 42, 43.

командирамъ—студентамъ, которые въ вечерніе свободные часы обучали ихъ сначала выправкѣ и маршировкѣ, а потомъ ружейнымъ пріемамъ, для чего выдавались казенныя ружья. Тѣ ученики, которые оставались въ университетѣ и на лѣтнее время, продолжали военныя экзерциціи. Въ сентябрѣ въ праздничный день производился университетскому потѣшному батальону смотръ, на который приглашался кто-либо изъ генераловъ, напр. московскій комендантъ, либо шефъ полковъ, стоявшихъ въ столицѣ. Военное обученіе носило серьезный характеръ, съ примѣненіемъ всѣхъ правилъ военной дисциплины [37]).

Итакъ, до 1804 года преподавательскія силы университета расходовались преимущественно и главнымъ образомъ на элементарное преподаваніе. Что касается преподаванія высшаго, научнаго, то оно, можно сказать, прозябало въ Московскомъ университетѣ. При учрежденіи университета во всѣхъ факультетахъ положено было имѣть десять профессоровъ: трехъ для юридическаго факультета (юриспруденціи всеобщей, юриспруденціи русской и политики), трехъ для медицинскаго факультета (химіи съ примѣненіемъ къ химіи аптекарской, натуральной исторіи, анатоміи въ связи съ медицинской практикой), четырехъ для философскаго (философіи съ включеніемъ логики, метафизики и нравоученія, физики, экспериментальной и теоретической, краснорѣчія со стихотворствомъ, исторіи всеобщей и русской съ древностями и геральдикою [38]). Прошло почти пятьдесятъ лѣтъ со времени открытія университета, а высшее преподаваніе въ немъ мало развернулось по сравненію съ этимъ первоначальнымъ наброскомъ. Въ 1802—3 академическомъ году на юридическомъ факультетѣ преподавали четыре профессора: медикъ Скіаданъ—право естественное и народное по Пуффендорфу, Баузе—римское право по Гейнекцію, Горюшкинъ—русское практическое судопроизводство, Шлецеръ—политику по книгѣ своего отца; на медицинскомъ факультетѣ преподавало пять профессоровъ: Политковскій—химію и практическую медицину, Керестури—анатомію (въ другіе годы и хирургію) и судебную медицину; Андреевскій при немъ былъ прозекторомъ и кромѣ того читалъ остеологію по Земмерлингу; Рихтеръ читалъ хирургію и повивальное искусство, Барсукъ-Моисеевъ—физіологію по Блуменбаху, патологію и терапію по Лудвигу; на философскомъ факультетѣ преподавали девять профессоровъ: профессоръ юридическаго факультета Баузе—общую энциклопедію наукъ съ библіографіею по всѣмъ отраслямъ знанія; Брянцевъ — логику и метафизику (въ другіе годы и психологію) по Федеру, Страховъ — физику по Бриссону, Аршеневскій—геометрію по Вейдлеру (въ другіе годы онъ преподавалъ еще изъясненіе математическаго способа ученія и гражданскую ариѳметику, плоскую тригонометрію и алгебру), Панкевичъ—оптику, перспективу, катоптрику и діоптрику (въ другіе

---

[37]) П. И. Страховъ, стр. 8—12, 52—54.

[38]) Шевыревъ op. cit. стр. 13.

годы кромѣ того: механику, гидравлику и аэрометрію съ устройствомъ машинъ, сферическую тригонометрію, сферическую и теоретическую астрономію, математическую географію и навигацію), Чеботаревъ—латинскую и россійскую словесность, Черепановъ—всеобщую исторію по Шрекку, Геймъ—нѣмецкую словесность (въ другіе годы, кромѣ того, хронологію, геральдику и нумизматику), Ватэ — французскую словесность [39]). Кромѣ того профессоромъ натуральной исторіи состоялъ Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ- Антонскій [40]); двое лицъ, Сохацкій и Снегиревъ, хотя и носили званіе профессоровъ, но преподавали только въ гимназіяхъ [41]).

Скудно обставленное преподавательскими силами, высшее преподаваніе въ Московскомъ университетѣ долгое время не могло процвѣтать и по недостатку матеріальныхъ средствъ, которыя уходили преимущественно на гимназіи. Изъ отчета попечителя М. Н. Муравьева за 1803 годъ видно, что университетская библіотека съ давняго времени оставалась въ скудномъ состояніи, и „университетъ лишенъ былъ единственнаго способа соразмѣрять постепенные успѣхи свои съ распространеніемъ наукъ въ Европѣ“ [42]). При основаніи университета была открыта библіотека, „состоящая изъ знатнаго числа книгъ на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ“ [43]). Впослѣдствіи библіотека получила кое какія пожертвованія, напр., отъ вдовы и сыновей Прокопія Акинѳіевича Демидова въ 1789 году, отъ Алексѣя Александровича Засѣцкаго древними книгами и рукописями [44]), пополнялась тѣми книгами, которыя печатались въ университетской типографіи, но по всѣмъ даннымъ не пополнялась или пополнялась слабо систематическою выпискою новыхъ книгъ по разнымъ отраслямъ знанія изъ-за границы. Университетъ совсѣмъ не имѣлъ астрономической обсерваторіи съ надлежащими инструментами. Физическій кабинетъ, по словамъ Муравьева, хотя и былъ обиленъ машинами и снарядами, но уже значительно устарѣлъ и отсталъ отъ науки. Необходимыя для медицинскаго факультета клиники отсутствовали; факультетъ доносилъ попечителю „о совершенномъ почти недостаткѣ или обветшалости хирургическихъ и анатомическихъ орудій“, которыя выписаны были еще въ 1766 году и съ тѣхъ поръ сдѣлались вовсе неупотребительными“ [45]). Болѣе посчастливилось натуральной исторіи, для преподаванія которой благодаря пожертвованіямъ создался значительный кабинетъ. Еще въ 1759 году наслѣдники Акинѳія Демидова подарили университету

---

[39]) Шевыревъ, op. cit. стр. 322, 323.

[40]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, ч. 1, стр. 14.

[41]) Шевыревъ, op. cit., стр. 323.

[42]) Тамъ же, стр. 328.

[43]) Тамъ же, стр. 25.

[44]) Тамъ же, стр. 114, 118.

[45]) Тамъ же стр. 327—329.

его богатый минералогическій кабинетъ (всего до 6000 экспонатовъ); въ 1786 году вдова и сыновья Прокофія Акинѳіевича пожертвовали университету его знаменитый гербарій; Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, двоюродный братъ Прокофія, въ 1778 году преподнесъ университету превосходное собраніе моделей, относящихся до горнаго и плавильнаго искусствъ и представляющихъ различныя штольни, шахты, печи, машины, инструменты, сверхъ того прислалъ 28 банокъ съ рѣдкими экземплярами изъ царства животныхъ, сохранявшимися въ спиртѣ; академикъ Лаксманъ въ 1783 году подарилъ университету сибирскіе камни разнаго рода съ описаніемъ; титулярный совѣтникъ Петръ Стариковъ въ 1784 году подарилъ университету порядочное количество золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ штуфовъ и различныхъ сибирскихъ камней; графъ Алексѣй Сергѣевичъ Строгановъ въ 1797 году прислалъ въ университетъ значительное собраніе вещей для анатомическаго и зоологическаго кабинетовъ; въ слѣдующемъ году главный директоръ горныхъ и мѣстныхъ дѣлъ Соймоновъ прислалъ для минералогическаго кабинета новую большую партію штуфовъ. Но самое крупное пожертвованіе сдѣлано было въ 1802 году императоромъ Александромъ I. Государь пожаловалъ университету натуральный кабинетъ, купленный у вдовы воеводы Брацлавскаго кн. Яблоновскаго за 50 т. голландскихъ червонцевъ [46]). При такихъ коллекціяхъ и преподаваніе натуральной исторіи могло вестись болѣе удовлетворительно, чѣмъ преподаваніе другихъ предметовъ философскаго, и въ особенности медицинскаго факультетовъ.

Но печальному состоянію высшаго преподаванія въ Московскомъ университетѣ положенъ былъ въ началѣ XIX вѣка конецъ. Реформаторскій порывъ, охватившій русское правительство и общество въ началѣ царствованія Александра I, коснулся и постановки народнаго образованія. Въ 1802 году воспитаніе юношества и распространеніе наукъ ввѣрены были особому министру народнаго просвѣщенія, коему подчинено было и Главное училищъ правленіе. Въ слѣдующемъ 1803 году изданы были предварительныя правила народнаго просвѣщенія. Въ нихъ начертаны были основанія новаго устройства и управленія школъ, при чемъ университетамъ отведено было высокое положеніе и руководящая роль. Вся Россія раздѣлялась на учебные округа, во главѣ которыхъ стояли университеты: Московскій, Виленскій, Дерптскій и предположены къ открытію С.-Петербургскій, Казанскій и Харьковскій. Каждый университетъ получалъ свое правленіе, во главѣ котораго стоялъ ректоръ, избранный общимъ собраніемъ университета и представляемый черезъ министра главнымъ правленіемъ училищъ на Высочайшее утвержденіе. Избраніе профессоровъ возлагалось также на общее собраніе университета, при чемъ попечитель представлялъ ихъ на утвержденіе министра. Профессоры по роду наукъ составляли

[46]) Тамъ же. стр. 50, 51, 114, 118, 119, 294, 315.

отдѣленія, изъ которыхъ каждое избираетъ большинствомъ голосовъ своего старѣйшину (декана) на опредѣленное время. Эти старѣйшины вмѣстѣ съ ректоромъ и составляютъ правленіе университета, профессора же всѣхъ отдѣленій—общее собраніе университета. Предварительныя правила предусматривали для университетовъ библіотеки, открытыя въ опредѣленное время для посѣтителей, также собраніе естественныхъ и искусственныхъ произведеній, типографіи и т. под. Руководящая роль университета въ учебной жизни округа должна была проявляться прежде всего въ томъ, что университетъ долженъ былъ готовить для округа учителей. Для этого при каждомъ университетѣ учреждался педагогическій институтъ. Студенты, принятые въ него, получали званіе кандидатовъ и состояли большею частью на казенномъ содержаніи, за что обязывались прослужить потомъ шесть лѣтъ въ учительской должности. Члены университета ежегодно должны были обозрѣвать училища округа и доносить обо всемъ замѣченномъ общему собранію, которое въ свою очередь доносило попечителю. Гимназіи округа обо всѣхъ распоряженіяхъ по учебной и хозяйственной жизни обязывались доносить ректору, а послѣдній попечителю. Попечитель округа, поставленный въ посредники между своимъ округомъ, университетомъ и министромъ и состоявшій членомъ главнаго училищъ Управленія, обязанъ былъ всемѣрно заботиться о преуспѣяніи учебныхъ заведеній, о распространеніи и успѣхахъ народнаго просвѣщенія въ его округѣ. Цѣнность университетскаго образованія подчеркивалась служебными правами, которыя правила предоставляли учившимся въ университетѣ: студенты при поступленіи на службу должны были получать чинъ 14 класса, кандидаты 12, магистры 9 и доктора 8.

Университетъ, которому отводилось столь почетное мѣсто въ системѣ школъ и даже руководительство ими, конечно, прежде всего самъ долженъ былъ получить надлежащее устроеніе. Для выработки новыхъ уставовъ академіи наукъ, академіи Россійской и Московскаго университета образованъ былъ особый комитетъ изъ сенаторовъ М. Н. Муравьева, графа Потоцкаго и академика Фуса, коимъ въ отношеніи названныхъ учрежденій повелѣно было „сообразивъ ихъ съ намѣреніемъ сихъ учрежденій и съ истиннымъ средствомъ расширенія пользы ихъ и дѣйствія на народное просвѣщеніе, сравнить съ лучшими въ семъ родѣ иностранными заведеніями, и по сему сравненію сдѣлать надлежащія перемѣны или дополненія, какія къ лучшему ихъ устройству могутъ быть нужными“ [48]). Плодомъ работъ этой комиссіи и былъ уставъ Московскаго университета, дарованный ему вмѣстѣ съ утвержденною грамотою на права и преимущества 5 ноября 1804 года. Этотъ уставъ въ корнѣ измѣнилъ всю постановку обученія въ Московскомъ университетѣ.

---

[48]) Шевыревъ, op. cit., стр. 316.

По новому уставу образовались уже не три, а четыре факультета съ 29 спеціальностями или каѳедрами вмѣсто прежнихъ 10, а именно: на отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ: 1) богословіе догматическое и нравоучительное, 2) толкованіе св. писанія и церковной исторіи, 3) умозрительная и практическая философія, 4) право естественное, политическое и исторія, 5) право гражданское и уголовное судопроизводство въ Россійской имперіи, 6) право знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, 7) дипломатика и политическая экономія; на отдѣленіи физическихъ и математическихъ наукъ: 1) теоретическая и опытная физика, 2) чистая математика, 3) прикладная математика, 4) астрономія, 5) химія, 6) ботаника, 7) минералогія и сельское домоводство, 8) технологія и науки, относящіяся къ торговлѣ и фабрикамъ, 9) натуральная исторія; на отдѣленіи врачебныхъ или медицинскихъ наукъ: 1) анатомія, физіологія и судебная врачебная наука, 2) патологія, терапія и клиника, 3) врачебное веществословіе, фармація и врачебная словесность, 4) хирургія, 5) повивальное искусство, 6) скотолѣченіе, въ отдѣленіи словесныхъ наукъ: 1) краснорѣчіе, стихотворство и языкъ россійскій, 2) греческій языкъ и греческая словесность, 3) древности и языкъ латинскій, 4) всемірная исторія, 5) исторія, статистика и географія Россійскаго государства, 6) восточные языки, 7) теорія изящныхъ искусствъ и археологія (§ 24 и 25). Преподаваніе по этимъ каѳедрамъ должны были вести ординарные профессоры и адъюнкты, производившіеся за заслуги въ экстраординарные профессоры (§ 34—39); преподаваніе иностранныхъ языковъ возлагалось на лекторовъ. „Для распространенія наукъ и просвѣщенія“ уставъ узаконялъ существованіе библіотеки, имѣющей свою штатную сумму и регулярно пополняемой выпискою книгъ черезъ факультетъ и совѣтъ, и существованіе разныхъ институтовъ, содержимыхъ также на штатныя суммы: физическаго кабинета, астрономической обсерваторіи, химической лабораторіи и минеральнаго кабинета, кабинета естественной исторіи, ботаническаго сада, анатомическаго театра, клиническаго, хирургическаго и повивальнаго институтовъ (§ 76—95). Кромѣ того, узаконялось существованіе при университетѣ особаго педагогическаго института для подготовленія учителей гимназіи подъ начальствомъ выбраннаго совѣтомъ директора изъ ординарныхъ профессоровъ (§ 125—133). Въ отношеніи управленія уставъ развивалъ подробно начала, уже утвержденныя въ предварительныхъ правилахъ, между прочимъ учреждалъ особый училищный комитетъ изъ шести профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора для управленія подвѣдомственными университету училищами (§ 163—177). Поставивъ университетъ во главѣ управленія всѣми училищами округа, новый уставъ уже освободилъ его отъ обязанности непосредственно содержать при себѣ и вести среднюю школу. Университету только не воспрещалось содержать изъ хозяйственной суммы академическую гимназію, „въ первомъ основаніи къ нему присоединен-

ную“, равно какъ и благородный пансіонъ (§ 9). Очевидно, это дозволеніе было извѣстнымъ компромиссомъ съ прошлымъ, отъ котораго нельзя было сразу и круто отдѣлаться. Но высшее преподаваніе поставлено въ новомъ уставѣ, какъ прямое и главное назначеніе университета.

М. Н. Муравьевъ.

Начертанная уставомъ 1804 года организація Московскаго университета не осталась на бумагѣ, а воплотилась въ жизнь. Еще до опубликованія новаго устава назначенный попечителемъ Московскаго учебнаго округа творецъ этого устава Михаилъ Никитичъ Муравьевъ озаботился увеличеніемъ состава профессоровъ и преподавателей университета. Имъ приглашены были въ Москву нѣкоторые иностранные ученые: изъ Геттингена проф. Гофманъ на каѳедру ботаники, Рейсъ—

на каѳедру химіи, Буле—на каѳедру философіи изящныхъ искусствъ; изъ Кельна Иде — на каѳедру чистой математики, Рейнгардтъ — на каѳедру философіи; изъ Майнца Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ—на каѳедру натуральной исторіи; изъ Лейпцига Гольдбахъ на каѳедру философіи, Маттеи—для преподаванія греческой словесности; изъ Галле Штельцеръ—на каѳедру юриспруденціи [49]). Муравьевъ шелъ дальше—хотѣлъ подготовить своихъ русскихъ профессоровъ, которые могли бы читать лекціи на русскомъ языкѣ. Онъ вошелъ въ близкія и живыя сношенія съ молодыми русскими учеными, оказывалъ имъ всякое покровительство, отправлялъ на казенный счетъ за границу для изученія наукъ и постановки университетскаго преподаванія. Усилія эти увѣнчались успѣхомъ, и со времени введенія новаго устава до 1812 года включительно поступило въ составъ преподавателей Московскаго университета до 25 русскихъ ученыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ стяжали себѣ потомъ большую извѣстность, какъ напр. профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ, профессоръ технологіи Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій, профессоръ патологіи и директоръ терапевтической клиники Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ и др. Благодаря этимъ мѣрамъ Московскій университетъ наполнился преподавательскими силами. Къ моменту вторженія Наполеона въ немъ насчитывалось уже 37 преподавателей профессоровъ и адъюнктовъ [50]).

Организовались и предусмотрѣнныя въ уставѣ учебно-вспомогательныя учрежденія. Увидавъ скудость библіотеки, Муравьевъ поспѣшилъ пополнить ее новѣйшими сочиненіями по химіи, высшей геометріи и политической экономіи (Лавуазье, Фуркруа, Лаланда, Монжа Прони, Смита, Стюарта, Бентама и др.); кромѣ того, онъ купилъ для него библіотеку покойнаго профессора Шадена. Имѣя въ виду основать обсерваторію, Муравьевъ пріобрѣлъ грегоріанскій телескопъ Керіевой работы, выписалъ изъ Лондона Арнольдовъ хронометръ и заказалъ за границею большой регуляторъ и полный кругъ величиною три фута въ діаметрѣ. Для химической лабораторіи онъ соорудилъ по рисунку Ловица химическій каминъ и пріобрѣлъ необходимые сосуды. Физическій кабинетъ Муравьевъ пополнилъ новыми приборами, между прочимъ препроводилъ въ него гальваническій аппаратъ и Атвудовъ снарядъ для демонстраціи ускорительнаго паденія тѣлъ. Изъ Лондона Муравьевъ выписалъ полный наборъ хирургическихъ и анатомическихъ инструментовъ [51]). Но особенно богатые вклады по части ученыхъ пособій сдѣлали нѣкоторыя частныя лица.

---

[49]) Шевыревъ. op., cit. стр. 329, 337; Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета.

[50]) Н. А. Поповъ, Московскій университетъ послѣ 1812 года. Русскій Архивъ 1881, кн. I стр. 386.

[51]) Шевыревъ op. cit., стр. 329, 368.

Издавая въ 1803 г. предварительныя правила министерства народнаго просвѣщенія, правительство обратилось къ патріотамъ съ при-

глашеніемъ содѣйствовать своими пожертвованіями благу отечествен наго просвѣщенія. На это приглашеніе прежде другихъ отозвался Па-

велъ Григорьевичъ Демидовъ, пожертвовавъ 100 т. рублей и 3578 душъ крестьянъ на заведеніе въ Ярославлѣ училища, соотвѣтствующаго значеніемъ своимъ университету, для неимущихъ дворянъ Ярославской губерніи, 100 т. рублей для будущихъ университетовъ кіевскаго и тобольскаго, 100 рублей Московскому университету на содержаніе студентовъ и каѳедры натуральной исторіи. Кромѣ денегъ, Демидовъ подарилъ университету свою библіотеку, собранную имъ въ теченіе всей жизни, кабинетъ натуральной исторіи, минцъ-кабинетъ съ медалями и монетами почти всѣхъ европейскихъ государствъ и собраніе художественныхъ рѣдкостей, что все оцѣнивалось тогда на сумму до 250 тысячъ рублей [52]). У Демидова нашлись скоро подражатели: кн. А. А. Урусовъ преподнесъ университету свою коллекцію минераловъ, рѣдкихъ энкаустическихъ и мозаическихъ картинъ, монетъ и драгоцѣнныхъ камней, оцѣненную въ 150 тысячъ рублей; княгиня Екатерина Романовна Дашкова въ 1807 году принесла въ даръ университету кабинетъ натуральной исторіи и другихъ рѣдкостей, который былъ собранъ въ теченіе 30 лѣтъ, и который состоялъ изъ 15½ тысячъ предметовъ (цѣнился въ 50 т. рублей), и значительную библіотеку. Кромѣ этихъ главныхъ жертвователей участвовали въ приношеніяхъ Германъ, Раздеришинъ, Стариковъ и профессоръ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, подарившій университету свое собраніе натуральныхъ произведеній, рѣдкихъ скелетовъ и ископаемыхъ. Благодаря всѣмъ этимъ приношеніямъ въ Московскомъ университетѣ составился огромный музей натуральной исторіи, занявшій семь залъ [53]).

Въ томъ же самомъ 1805 году, когда открытъ былъ новый музей натуральной исторіи, открытъ былъ въ каменномъ флигелѣ на Никитской клиническій институтъ съ глазною лѣчебницею, а въ слѣдующемъ году и повивальный институтъ съ родильнымъ госпиталемъ пока только на три кровати. Ботаническій садъ, существовавшій доселѣ на землѣ, пріобрѣтенной отъ князя Барятинскаго (очевидно, подъ Ботаническій садъ былъ приспособленъ прежній барскій садъ), устроенъ былъ въ бывшемъ аптекарскомъ саду медико-хирургической академіи на Мѣщанской [54]). Устроено было въ концѣ концовъ и нѣкоторое подобіе обсерваторіи въ видѣ деревянной башни на крышѣ главнаго корпуса. Для обсерваторіи П. Г. Демидовъ подарилъ между прочимъ прекрасный экваторіалъ работы англійскаго мастера Шорта [55]).

Въ общемъ можно съ полнымъ правомъ сказать, что Московскій университетъ приспособился болѣе, чѣмъ прежде къ высшему научному преподаванію, сдѣлалъ рѣшительные шаги къ превращенію въ

---

52) Шевыревъ, op. cit., стр. 320, 321.

53) Шевыревъ, op. cit., стр. 369, 370, 372.

54) Шевыревъ, op. cit., стр. 366, 367.

55) Тамъ же, стр. 372; А. А. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ т. II, стр. 445.

настоящее высшее учебное заведеніе. Правда, при немъ остались и гимназія, получившая названіе академической, и Вольный Благородный пансіонъ. Но Вольный Благородный пансіонъ представлялъ уже обособившееся, содержавшее само себя, учебное заведеніе, которое, получая отъ университета инспектора и его помощника, находилось только подъ общимъ надзоромъ и руководствомъ университета подобно всѣмъ другимъ гимназіямъ округа [56]). Что касается академической гимназіи, то она получила спеціальное назначеніе. Въ нее должны были поступать наилучшіе ученики губернскихъ гимназій, лишенные средства къ полученію высшаго образованія, но желающіе посвятить себя ученому званію. По окончаніи четырехгодичнаго курса въ этой гимназіи эти ученики имѣли поступать въ университетъ, а оттуда въ педагогическій институтъ для подготовленія къ учительству или же къ профессурѣ. Статья 3 постановленія академической гимназіи предусматривала, что „ежели сверхъ чаянія найдется какой-либо воспитанникъ изъ новопринятыхъ несоотвѣтствующимъ намѣренію гимназіи, то въ теченіе перваго года, по совершенномъ удостовѣреніи въ его неспособности, возвращается къ родителямъ на счетъ университетскаго хозяйства, или отпускается начальствомъ университета въ гражданскую службу, естьли онъ самъ или его родственники того пожелаютъ". При такихъ условіяхъ число учениковъ не могло быть велико въ академической гимназіи, и преподаваніе въ ней не могло поглощать много силъ у университетскаго персонала (въ академической гимназіи преподавали адъюнкты, лекторы, магистры и учители „пріятныхъ искусствъ" [57]). Въ 1812 году въ академичекой гимназіи было казенныхъ учениковъ около 50 человѣкъ [58]).

Чтобы составить представленіе объ установившейся къ 1812 году жизни и дѣятельности Московскаго университета, необходимо ознакомиться также съ тогдашними профессорами.

Въ составѣ преподавателей Московскаго университета и послѣ введенія устава 1804 года, какъ и раньше, преобладали нѣмцы и семинаристы-поповичи. Но нѣмцы подобрались уже гораздо удачнѣе чѣмъ раньше, и представляли изъ себя въ общемъ довольно крупныя научныя силы. Конечно всѣ эти люди прибыли въ Россію не по какимъ-либо идеальнымъ культуръ-трегерскимъ мотивамъ, а просто въ чаяніи внѣшнихъ благъ отъ щедраго русскаго правительства и общества. Но при всемъ томъ это не были ученые ремесленники, промышлявшіе своею ученостью, въ родѣ, напр., пресловутаго Дильтея, который мыкался постоянно по частнымъ урокамъ, забрасывая университетскія лекціи, и будучи крайне сомнительной учености, препода-

---

[56]) См. „Постановленіе Благороднаго пансіона при Императорскомъ Московскомъ университетѣ учрежденнаго".

[57]) Постановленіе академической гимназіи 1806 г.

[58]) Дѣло правленія 1813 г. № 137; дѣло попечит. канцеляріи 1813 г. № 65.

валъ что угодно и какъ угодно, лишь бы ему хорошо платили; или въ родѣ профессора прикладной математики Роста, который не только преподавалъ эту науку, но и скупалъ хлѣбъ для голландской компаніи, наживаясь страшно на этихъ операціяхъ (у него было болѣе 1000 душъ крестьянъ и нѣсколько сотъ тысячъ капитала). Большинство нѣмцевъ, преподававшихъ въ нашемъ университетѣ передъ 1812 годомъ, были дѣйствительно люди науки, занимавшіеся своимъ дѣломъ по внутреннему своему призванію, по пріѣздѣ въ Россію не утратившіе того научного одушевленія, тѣхъ чувствъ, понятій, вкусовъ и привычекъ, которыми они успѣли проникнуться у себя на родинѣ, въ своихъ университетскихъ городахъ и городкахъ. Вотъ, напр., передъ нами старѣйшій изъ этихъ нѣмцевъ — ректоръ 1812 года Иванъ Андреевичъ Геймъ. Онъ былъ сначала лекторомъ нѣмецкаго языка и классическихъ древностей и одновременно помощникомъ библіотекаря, а потомъ инспекторомъ Благороднаго пансіона; затѣмъ сталъ читать нѣмецкую словесность, хронологію, геральдику и нумизматику, потомъ исторію и статистику европейскихъ государствъ и науку торговли въ связи съ нумизматикой. Это былъ университетскій человѣкъ въ настоящемъ смыслѣ слова, пользовавшійся глубокимъ уваженіемъ какъ со стороны товарищей, такъ и со стороны начальства. Его выбирали одинъ разъ въ деканы словеснаго отдѣленія, четыре раза въ ректоры (онъ носилъ это званіе 12 лѣтъ); одновременно съ тѣмъ онъ былъ членомъ испытательнаго комитета для чиновниковъ, которымъ онъ читалъ и лекціи, визитаторомъ училищъ Московскаго учебнаго округа и библіотекаремъ университета. Онъ вполнѣ сроднился съ университетомъ и новою родиною, сдѣлался своимъ человѣкомъ въ русской университетской средѣ. Среди разнообразныхъ занятій онъ находилъ время и для научно-литературныхъ трудовъ, которые, впрочемъ, стояли въ тѣсной связи съ его преподавательскою дѣятельностью. Освоившись хорошо съ русскимъ языкомъ, онъ составилъ и издалъ цѣлый рядъ учебниковъ по русскому языку для нѣмцевъ, словарь русско-французскій и русско-французско-нѣмецкій. Кромѣ того имъ были составлены и изданы подробное топографическое и статистическое описаніе Россійскаго государства, всеобщая географія въ нѣсколькихъ изданіяхъ, статистика европейскихъ государствъ и т. д. и т. д. [59]). Въ научномъ отношеніи, впрочемъ, болѣе крупныя фигуры представляли профессора, приглашенные Муравьевымъ Вотъ, напр., передъ нами профессоръ ботаники Георгъ Францъ Гофманъ. Онъ явился въ Россію уже извѣстнымъ ученымъ, спеціалистомъ по тайнобрачнымъ растеніямъ, авторомъ изящной книги „Германская флора“, и съ профессорскимъ титуломъ (22 лѣтъ отъ роду онъ сдѣ-

---

[59]) Библіографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, ч. I, стр. 188—191; К. Военскій, Московскій Университетъ и С.-Петербургскій учебный округъ въ 1812 году стр. 16. Спб. 1812 г.

Иванъ Андреевичъ
ГЕЙМЪ

лался экстраординарнымъ профессоромъ ботаники въ Эрлангенѣ). Въ Москвѣ онъ неутомимо продолжалъ свои ученые труды и скоро сталъ европейскою знаменитостью, членомъ многихъ ученыхъ обществъ Германіи, Франціи, Англіи, Италіи, Голландіи и Россіи. Въ Москвѣ онъ развелъ къ 1812 году ботаническій садъ и составилъ его описаніе [60]). Въ такомъ же родѣ былъ и профессоръ химіи, докторъ медицины и хирургіи Фердинандъ Фридрихъ Рейссъ, превосходный знатокъ древнихъ языковъ, первый секретарь, впослѣдствіи президентъ физико-медицинскаго общества [61]). Но самую крупную фигуру изъ тогдашнихъ профессоровъ-нѣмцевъ представляетъ несомнѣнно профессоръ натуральной исторіи, директоръ музея натуральной исторіи и общества испытателей природы Григорій Ивановичъ Фишеръ-фонъ Вальдгеймъ. Фишеръ фонъ Вальдгеймъ учился чуть не во всѣхъ университетахъ Германіи и въ Парижѣ, слушая тогдашнихъ знаменитостей Вернера, Фрейеслебена, Кювье въ сообществѣ съ знаменитымъ А. Гумбольдтомъ. На 27 году отъ роду онъ достигъ званія экстраординарнаго профессора естественной исторіи въ Майнцѣ, откуда и перешелъ въ Москву. Здѣсь онъ съ жаромъ принялся за описаніе ископаемыхъ животныхъ, насѣкомыхъ и минераловъ Россіи и скоро издалъ два крупныхъ труда, доставившихъ ему европейскую славу: „Энтомографія Россіи“ и „Ориктографія Московской губерніи“. Въ то же время онъ описалъ кабинетъ естественной исторіи и библіотеку П. Г. Демидова, составленные Демидовымъ во время путешествія по Европѣ. Описаніе это появилось въ печати въ 4 томахъ in 4° съ рисунками. Наиболѣе цѣнные предметы этого собранія, по ходатайству Фишера, пожертвованы были Демидовымъ для кабинета натуральной исторіи, составившагося въ университетѣ. Фишеру фонъ Вальдгеймъ принадлежала и инціатива основанія въ Москвѣ общества испытателей природы, ближайшею цѣлью котораго было описаніе Московской губерніи и Россіи въ естественно-историческомъ отношеніи [62])—.Почтенными учеными были и Филиппъ Христіанъ Рейнгардтъ, профессоръ практической философіи, исторіи философіи и правъ естественнаго и народнаго, до приглашенія въ Москву состоявшій профессоромъ полититической экономіи въ Кельнѣ, и Христіанъ Августовичъ Шлецеръ, преподававшій политическую экономію, напечатавшій „первое въ Россіи сочиненіе, дающее понятіе о государственномъ хозяйствѣ“, и рядъ трудовъ по государственному, международному и уголовному праву и исторіи, и профессоръ ветеринарной медицины Теобальдъ Реннеръ и др. [63]). Всѣхъ нѣмцевъ-профессоровъ къ 1812 году было 10 на 25 русскихъ.

Изъ этихъ 25 русскихъ 15 происходили изъ духовнаго званія. Но

---

[60]) Тамъ же, стр. 254–262.
[61]) Тамъ же, ч. II, стр. 329—340.
[62]) Біографическій словарь, ч. II, стр. 520—524.
[63]) Біографическій словарь, стр. 328—329, 348, 319, 627—630.

Г. И. Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ.

попали они, за рѣдкими исключеніями, уже не прямо изъ схоластической бурсы, а пройдя университетскую гимназію и университетъ, овладѣвъ не только древними, но и новыми языками, усвоивъ научный методъ, а нѣкоторые и достаточно отполировавшись въ свѣтскомъ обществѣ. Большинство побывало даже за границею для усовершенствованія въ наукахъ и преподаваніи. Уступая въ познаніяхъ нѣмцамъ, они являлись при всемъ томъ ревностными и добросовѣстными работниками въ университетѣ, сообща и дружно съ ними дѣлали общее академическое дѣло. Наиболѣе видными изъ этихъ профессоровъ были Петръ Ивановичъ Страховъ, Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, изъ болѣе молодыхъ—Иванъ Алексѣеевичъ Двигубскій, Левъ Александровичъ Цвѣтаевъ, Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій и Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ.

Петръ Ивановичъ Страховъ былъ сыномъ пономаря отъ церкви Іоанна Предтечи въ Кречетникахъ, происходившаго, впрочемъ, изъ дворянъ и ходившаго по сему случаю не въ подрясникѣ, а въ нѣмецкомъ платьѣ. Страховъ учился сначала въ разночинской гимназіи, а потомъ на философскомъ факультетѣ. Состоя домашнимъ учителемъ у проф. Роста, онъ выучился довольно свободно говорить и писать на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и поэтому по выходѣ изъ университета попалъ въ секретари къ куратору Хераскову, а черезъ него и пошелъ въ гору. Херасковъ ввелъ его въ аристократическій домъ князей Трубецкихъ, гдѣ собиралась вся знать Москвы, а также и интеллигенція—профессора, литераторы, художники и т. под. Въ этомъ кругу особенно уважались театральныя представленія. Молодой Страховъ, бывшій однимъ изъ лучшихъ актеровъ университетскаго театра, сдѣлался душою этихъ увеселеній и сталъ своимъ человѣкомъ въ домѣ Трубецкихъ. Херасковъ продвинулъ его далѣе, — отправилъ въ 1785 году со своимъ племянникомъ за границу, давъ вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціальную командировку — осмотрѣть университеты и другія училища и выяснить, что полезнаго можно было бы позаимствовать для Россіи. Въ самый день отъѣзда молодыхъ людей за границу Херасковъ поздравилъ Страхова экстраординарнымъ профессоромъ. За границею Страховъ знакомился преимущественно съ лучшими знатоками древнихъ языковъ, обозрѣвалъ подробно предметы изящныхъ искусствъ и художествъ, изучалъ ихъ достоинства и красоты и вообще старался вполнѣ и достойно приготовиться къ предназначенію своему, къ профессорству краснорѣчія. Для этой спеціальности Страховъ имѣлъ всѣ внѣшнія и внутреннія данныя—статную фигуру, красивое лицо, пріятный голосъ, даръ слова и умѣнье владѣть рѣчью. Но неожиданно взамѣнъ краснорѣчія онъ попалъ на каѳедру опытной физики. Въ 1789 году умеръ профессоръ прикладной математики Ростъ. Каѳедру его раздѣлили: всѣ части прикладной математики отдали проф. Панкевичу, а опытную физику, какъ предметъ маловажный, поручили профессору краснорѣчія Страхову! Страховъ проявилъ на этой ка-

ѳедрѣ присущія ему дарованія: онъ увлекалъ своихъ слушателей простотой рѣчи, точностью и изяществомъ своего изложенія и ловкостью и чистотою демонстрацій. Онъ сталъ популярнѣйшимъ лекторомъ въ Москвѣ, котораго съѣзжалась слушать вся московская знать обоего пола. Надо сказать при этомъ, что, попавъ неожиданно на каѳедру физики, Страховъ добросовѣстно и неутомимо готовился по этому пред-

А. Антонскій

мету, слѣдилъ за литературою, переводилъ лучшіе иностранные труды на русскій языкъ. Университету онъ отдавалъ всѣ свои силы. Назначенный инспекторомъ университетской гимназіи, онъ проявилъ себя прекраснымъ педагогомъ, лично зналъ каждаго ученика, и отъ его зоркаго и наблюдательнаго глаза не могла укрыться ни одна шалость, ни одинъ проступокъ. Избранный въ 1805 году ректоромъ, Страховъ проявилъ огромныя хозяйственно-административныя способности. Онъ

настоялъ на томъ, что бы не отдавали въ аренду университетскую типографію, и благодаря его заботливости и неусыпному надзору типографія въ первый же годъ дала 100 тысячъ рублей чистой прибыли университету. На эти деньги Страховъ поддержалъ академическую гимназію, которую его предшественникъ хотѣлъ было прикрыть по неимѣнію средствъ; для этой гимназіи Страховымъ выработано было и особое положеніе. Какъ человѣкъ умный и дѣловой, Страховъ пользовался большимъ авторитетомъ у своихъ коллегъ. Большинство не подписывало журнала совѣта прежде, чѣмъ подписывалъ ихъ Страховъ; дѣла, требовавшія обсужденія, откладывались до его прибытія [64]).

Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій былъ сынъ дворянина-священника Черниговской губерніи и учился сначала въ Кіевской духовной академіи, а затѣмъ, на иждивеніи Дружескаго ученаго Общества на философскомъ и медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета. Уже на студенческой скамьѣ онъ началъ заниматься литературною дѣятельностью и участвовалъ въ изданіи „Покоющагося Трудолюбца“. По окончаніи курса Антонскій произведенъ былъ въ баккалавры учительскаго института и сдѣланъ былъ репетиторомъ университетскихъ гимназистовъ, а затѣмъ преподавателемъ Благороднаго пансіона. Назначенный въ 1788 году адъюнктомъ по каѳедрѣ натуральной исторіи, онъ сейчасъ же привелъ въ порядокъ тогдашній музей натуральной исторіи и началъ издавать „Магазинъ Натуральной Исторіи, Физики и Химіи“; въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ успѣлъ издать 10 томовъ. Но больше всего силъ, вниманія и заботъ Антонскій сталъ удѣлять Благородному пансіону, инспекторомъ котораго онъ былъ назначенъ въ 1791 году. Благородный пансіонъ, въ которомъ получили свое образованіе и воспитаніе многія крупныя въ исторіи русской культуры и общественности имена, былъ всецѣло дѣтищемъ Антонскаго. Онъ написалъ для этого пансіона „Постановленіе“, или уставъ, издалъ хорошія учебныя пособія, создалъ весь его учебно - воспитательный строй, подобралъ для него лучшія преподавательскія силы. Вся будничная жизнь этого учебнаго заведенія протекала подъ его бдительнымъ надзоромъ и постояннымъ руководствомъ. Онъ же былъ обычно и организаторомъ школьныхъ развлеченій и торжествъ, т.-е. спектаклей, литературныхъ вечеровъ, актовъ и т. под. Антонскій сумѣлъ сдѣлать изъ Благороднаго пансіона такой нравственно уютный, теплый и свѣтлый школьный уголокъ, что всѣ учившіеся въ немъ всегда поминали добрымъ словомъ и пансіонъ, и его инспектора [65]). Антонскій отличался удивительнымъ умѣньемъ соединять и объединять людей, устраивать разныя общества, руководить ими. Сойдя со студенческой скамьи, онъ уже сдѣлался предсѣдателемъ собранія университет-

---

[64]) Біографическій словарь, ч. II, стр. 442—466.

[65]) См. Н. В. Сушковъ, Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ. Москва 1868.

скихъ питомцевъ. По примѣру этого собранія онъ учредилъ и при своемъ пансіонѣ собраніе питомцевъ, устраивавшее литературныя засѣданія и издававшее сборники: „Дѣтское Чтеніе для сердца и ума“, „Утренняя заря“, „Каллiопа“. Наконецъ, въ 1811 году при его иниціативѣ и хлопотахъ открылось при Московскомъ университетѣ Общество любителей россійской словесности, избравшее его своимъ предсѣдателемъ. Антонскій нарочно сталъ устраивать засѣданія этого общества у себя въ Благородномъ пансіонѣ, чтобы дать возможность воспитанникамъ послушать литературныя новинки и бесѣды, лучшихъ чтецовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться съ лучшимъ Московскимъ обществомъ. На засѣданія съѣзжалась избранная публика, которую старшіе воспитаники, какъ хозяева должны были принимать, разсаживать и занимать разговорами. Организаціею этого общества, равно какъ и всѣми педагогическими трудами, Антонскій,— при всей скромности личныхъ научныхъ заслугъ,—несомнѣнно стяжалъ себѣ почетное имя въ исторіи Московскаго университета и русскаго просвѣщенія [66]).

Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій обучался въ Харьковскомъ коллегіумѣ, въ которомъ устроился было въ качествѣ преподавателя реторики. Но въ 1793 г. онъ поступилъ на медицинскій факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ съ золотою медалью. Университеская служба его началась съ должности смотрителя музея натуральной исторіи; затѣмъ онъ былъ назначенъ адъюнктомъ естественной исторіи. Получивъ въ 1802 году степень доктора медицины, Двигубскій былъ отправленъ за границу для усовершенствованія познаній въ естественной исторіи, химіи и врачебномъ веществословіи и слушалъ лекціи въ Парижѣ, Геттингенѣ и Вѣнѣ. По возвращеніи онъ занялъ каѳедру технологіи Двигубскій былъ чрезвычайно плодовитымъ писателемъ и выпускалъ быстро одну книгу за другой, преимущественно разныя учебныя пособія и руководства [67]).

Левъ Александровичъ Цвѣтаевъ, окончивъ курсъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи, поступилъ въ университетъ и слушалъ лекціи по нравственно-политическому и словесному отдѣленіямъ. Удостоенный степени баккалавра, онъ въ 1801 году отправленъ былъ за границу и три года слушалъ лекціи въ разныхъ университетахъ Германіи и Франціи. Въ Геттингенѣ онъ получилъ степень доктора философіи, а въ Парижѣ—званіе члена Парижской академіи законодательства. Вернувшись въ Москву, онъ былъ назначенъ профессоромъ теоріи законовъ, а въ 1811 году—профессоромъ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ. Главнымъ и любимымъ его предметомъ было римское право [68]).

Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій изъ Кіевской академіи, гдѣ онъ

---

66) Біографическій словарь, ч. I, стр. 12—36.
67) Біографическій словарь, ч. I, стр. 290—294.
68) Біографическій словарь, ч. II, стр. 537—540.

учился сначала, перешелъ въ университеткую гимназію, а оттуда въ университетъ. Въ университетѣ онъ посвятилъ себя преимущественно изученію греческой и римской словесности подъ руководствомъ профессоровъ Маттеи, Мелльмана и Сохацкаго. Въ 1804 году онъ произведенъ былъ въ кандидаты, въ 1805 году въ магистры, а въ 1806 году въ доктора философіи и тогда же отправленъ былъ за границу вмѣстѣ съ Болдыревымъ, изучавшимъ восточные языки. Онъ пробылъ за границею три года, слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ и Геттингенѣ, а по возвращеніи сталъ профессоромъ древней словесности. Съ Тимковскаго у насъ началось настоящее научное преподаваніе греческихъ и римскихъ классиковъ. Методы экзегезы и критики текста, пріобрѣтенные на изученіи классиковъ, Тимковскій примѣнилъ къ русской лѣтописи. Ему принадлежитъ честь перваго научнаго изданія такъ называемой Несторовой лѣтописи, сдѣланнаго имъ по порученію Общества исторіи и древностей россійскихъ.

Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ былъ сынъ бѣднаго Вологодскаго священника и учился сначала въ мѣстной семинаріи. Въ 1794 году онъ отправился въ университетъ и благодаря рекомендательному письму къ проф. Керестури нѣкоего Кирдана, у котораго онъ училъ дѣтей, принятъ былъ въ гимназію на казенное содержаніе, а оттуда перешелъ на медицинскій факультетъ. По окончаніи курса, состоя практикантомъ военнаго госпиталя, Мудровъ сблизился съ семьями директора университета Ивана Петровича Тургенева и профессора Харитона Андреевича Чеботарева. Мудровъ отмѣнно хорошо читалъ въ университетской церкви шестопсалміе, часы и апостолъ, чрезвычайно понравился этимъ Тургеневу и его супругѣ, которые и пригласили молодого врача къ себѣ въ домъ. У Чеботарева Мудровъ вылѣчилъ отъ оспы его единственную дочь и сталъ своимъ человѣкомъ въ семьѣ профессора (позже онъ женился на своей паціенткѣ). Тургеневъ и Чеботаревъ перезнакомили его со многими видными лицами—съ Н. И. Новиковымъ, сенаторомъ Лопухинымъ, почтъ-директоромъ Ключаревымъ и др., и Вологодскій поповичъ скоро сталъ свѣтскимъ человѣкомъ. Въ 1802 году Мудровъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми былъ отправленъ за границу и слушалъ лекціи медицинскихъ знаменитостей въ Берлинѣ, Геттингенѣ, Вѣнѣ, Парижѣ. Еще до возвращенія въ Москву онъ былъ удостоенъ степени доктора медины за присланную на латинскомъ языкѣ диссертацію и званія экстраординарнаго профессора. На возвратномъ пути онъ имѣлъ случай показать на практикѣ свои познанія. Въ военномъ госпиталѣ въ Вѣнѣ лежало 1200 больныхъ кровавымъ поносомъ солдатъ. Прикомандированный по Высочайшему повелѣнію къ этому госпиталю, Мудровъ произвелъ патолого-анатомическое изслѣдованіе кишекъ умершихъ больныхъ и примѣнилъ новые способы лѣченія, давшіе поразительные результаты. Съ 1808 года началась его преподавательская дѣятельность въ университетѣ въ качествѣ профессора гигіены, а затѣмъ профессора патологіи

и терапіи и директора клиническаго института. Здѣсь онъ ввелъ новый порядокъ составленія и веденія скорбныхъ листовъ, или исторіи болѣзней, для образца написалъ исторіи двухъ больныхъ и собственною рукою вписалъ въ красную, съ золотымъ обрѣзомъ и украшеніями, сафьянную книгу, назначенную имъ для исторіи болѣе замѣчательныхъ болѣзней. Къ 1812 году Мудровъ былъ уже первымъ медицинскимъ свѣтиломъ въ Москвѣ, пользовался огромною популярностью.

Итакъ къ 1812 году Московскій университетъ уже располагалъ значительными научными силами. Наличностью этихъ силъ объясняется тотъ фактъ, что скоро упрочились и начали плодотворно работать учрежденныя при университетѣ въ силу устава 1804 года ученыя общества. Успѣшнѣе другихъ дебютировало учрежденное 26 сентября 1804 года Общество испытателей природы, поставленное въ самую тѣсную связь съ каѳедрою и музеемъ натуральной исторіи при Московскомъ университетѣ. Уже въ 1807 году оно издало первый томъ своихъ трудовъ и въ воздаяніе своей полезной дѣятельности получило право именоваться Императорскимъ. Тогда же выдано было ему 5000 рублей изъ училищнаго капитала на издержки по описанію Московской губерніи въ топографическомъ, статистическомъ и естественно-научномъ отношеніяхъ. Наладилась и дѣятельность старѣйшаго ученаго общества — исторіи и древностей россійскихъ, открывшагося еще въ маѣ 1804 года. Въ 1811 году 21 января Общество получило новый уставъ и начало устраивать засѣданія, въ которыхъ читались разныя научныя сообщенія. Общество кромѣ того приступило къ изданію Лаврентьевской лѣтописи и другихъ древнѣйшихъ русскихъ „достопамятностей". Дѣятельность его привлекла сочувствіе просвѣщенныхъ людей, и оно въ теченіе семнадцати мѣсяцевъ по открытіи своихъ засѣданій получило 19226 рублей пожертвованій, собрало библіотеку изъ 2736 книгъ и 96 рукописей, обладало собраніемъ медалей и монетъ въ 458 экземплярахъ и имѣло нѣсколько старинныхъ и рѣдкихъ вещей[69]). По желанію неизвѣстнаго благотворителя, давшаго средства, оно имѣло великолѣпно убранную залу для засѣданій. Потолокъ и стѣны были расписаны картинами, простѣнки украшены зеркалами, полъ устланъ ковромъ, столъ покрытъ малиновымъ бархатомъ и снабженъ бронзовою съ позолотою чернильницею съ приборомъ; залу украшали бюсты Ломоносова и Хераскова[70]). — Съ 1805 года начало свою дѣятельность существующее по нынѣ физико-Медицинское общество, называвшееся тогда обществомъ соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ, подъ предсѣдательствомъ заслуженнаго профессора анатоміи и хирургіи Франца Францовича Ке-

---

[69]) Н. А. Поповъ, Исторія Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. 1, стр. 170, въ Чтеніяхъ, 1884 г., кн. 3.

[70]) Тамъ же, стр. 156—160.

рестури, а съ 1811 года — профессора повивальнаго искусства Михаила Вильгельмовича Рихтера. Въ 1811 году, какъ уже было сказано, открыло свои засѣданія Общество любителей россійской словесности [71]).

Воспоминанія лицъ, знавшихъ тогдашнихъ профессоровъ Московскаго университета, рисуютъ ихъ людьми, преданными своему дѣлу и не особенно гонявшимися за благами сего міра. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно изъ нѣмцевъ и поповичей, вели крайне скромный образъ жизни, сохраняя вкусы и привычки среды, изъ которой вышли. Таковъ былъ, напр., профессоръ ботаники Георгъ Францъ Гофманъ. Поселившись въ идиллической обстановкѣ въ ботаническомъ саду, Гофманъ зажилъ тамъ жизнью того городка на Майнѣ—Маркбрейта, откуда онъ происходилъ. „Что касается до характера и частной жизни Гофмана,—говоритъ его біографъ,—то онъ слишкомъ мало заботился о благахъ фортуны; кругъ желаній его былъ ограниченъ и потому выполненъ: пользуясь славою ученаго, уважаемый друзьями и знакомыми, посреди милаго семейства онъ находилъ все свое счастье. Музыка, навсегда оставшаяся его любимымъ занятіемъ въ свободные часы, положила на его характеръ съ самаго младенчества какой-то піитическій оттѣнокъ: тихая веселость, безпечность, радушіе къ другимъ и самодовольствіе — поруки душевнаго покоя — были неизмѣнными спутниками его жизни, которая принесла много пользы наукѣ, а ему была наслажденіемъ и въ лѣтахъ преклонныхъ“ [72]).—Въ этомъ же родѣ, только съ русскими особенностями, былъ профессоръ прикладной механики Михаилъ Ивановичъ Панкевичъ. Онъ какъ былъ, такъ и остался нѣжинскимъ поповичемъ. „Вѣчный холостякъ, онъ жилъ скромно и уединенно въ своей тѣсной квартирѣ у ограды церкви св. Георгія на Красной Горкѣ, въ деревянномъ домикѣ о трехъ окнахъ на улицу. Ему прислуживалъ старый солдатъ, который когда запьетъ, профессоръ самъ чистилъ себѣ платье и сапоги, готовилъ всегдашнее умѣренное кушанье—щи и кашу. Единственная роскошь, которую онъ дозволялъ себѣ, это былъ зеленый чай высшаго сорта, который онъ пилъ по многу и которымъ подчивалъ тѣхъ, кто былъ ему по нраву и по сердцу. Пристрастившись во дни студенчества къ выпивкѣ и табаку, Панкевичъ взялъ себя въ руки и пересталъ пить и курить; всѣмъ, оправдывавшимъ себя дурною привычкою, говорилъ: „есть привычка, есть и отвычка“. Свѣтская гостиная его не привлекала, и онъ почти никогда не показывался въ ней. Но за то его манила улица, площадь и рѣка. Въ часы прогулки онъ любилъ потолкаться на народныхъ гуляніяхъ, зрѣлищахъ и даже мѣстахъ казни,

---

[71]) Шевыревъ, Исторія Императорскаго Московскаго университета, стр. 349—353, 387, 388, 401—404.

[72]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, ч. 1, стр. 262.

посмотрѣть на разгрузку барокъ, при чемъ въ качествѣ спеціалиста давалъ мужикамъ полезные совѣты. Онъ никогда почти не ѣздилъ, а ходилъ пѣшкомъ во всякое время года. Только къ другу своему архимандриту Донского монастыря Виктору Антонскому ѣздилъ на извощикѣ, да и то, когда тотъ задорожится, покупалъ фунтъ каленыхъ орѣховъ и для сокращенія пути грызъ ихъ дорогою: это называлось у него ѣхать на орѣхахъ. Не имѣя ни съ кѣмъ переписки, онъ ни съ кѣмъ не кланялся, никому не дѣлалъ визитовъ" [73]).—Таковъ же былъ профессоръ философіи и деканъ этико-политическаго отдѣленія Андрей Михайловичъ Брянцевъ. „Маленькій ростомъ и неуклюжій старый холостякъ, носилъ длинную косу и старомодный кафтанъ съ большими пуговицами; онъ ни съ кѣмъ не переписывался, не дѣлалъ форменныхъ визитовъ. Послѣ ученыхъ трудовъ проходилъ ежедневно извѣстное пространство отъ университетской квартиры до города, а по праздникамъ его всегда можно было видѣть съ его другомъ Страховымъ у лѣваго клироса въ Успенскомъ соборѣ. Всю жизнь онъ не переставалъ учиться и штудировать произведенія философовъ Англіи, Франціи и Германіи [74]).—Въ другомъ нѣсколько родѣ, но также весьма характерною личностью. былъ деканъ медицинскаго факультета, профессоръ патологіи и терапіи Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ. Его отецъ, священникъ Вологодскаго дѣвичьяго монастыря, былъ безсребренникомъ, который нерѣдко раздавалъ всѣ свои деньги прохожимъ богомольцамъ, а самъ съ семьею терпѣлъ большую нужду. Провожая своего сына въ университетъ, онъ подарилъ ему на дорогу чайную чашку съ отбитою ручкою на тотъ случай. если на дорогѣ захочется ему напиться изъ ручья, 25 коп. мѣдныхъ денегъ и далъ такое наставленіе: „Ступай, учись, служи, сохраняй во всемъ порядокъ, quoniam ordo est cardo omnium rerum (священникъ былъ большой знатокъ греческаго, латинскаго и еврейскаго языковъ); помни бѣдность и бѣдныхъ, такъ и не позабудешь насъ, отца съ матерью, и утѣшишь какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни". Мудровъ принялъ къ сердцу это отцовское наставленіе. Ставъ первымъ врачомъ въ Москвѣ, пріобрѣтя огромную практику, Мудровъ не сдѣлался стяжателемъ. Къ нему имѣли свободный доступъ всѣ,—и богатые и бѣдные; и посѣщалъ онъ одинаково и богатыхъ, и бѣдныхъ. Съ бѣдныхъ онъ не только не бралъ гонорара. но даже ссужалъ ихъ нерѣдко деньгами на чай, вино и лѣкарства. Помогалъ онъ и студентамъ медикамъ, которые обращались къ нему за помощью. Домъ его былъ полонъ разными воспитанниками, родственниками и старыми друзьями, жившими на его иждивеніи. Случайно онъ встрѣтилъ на улицѣ женщину, продававшую толстую книгу въ кожаномъ переплетѣ. Книга оказалась латинскимъ ле-

---

[73]) Москвитянинъ 1851, № 9—10, стр. 18—20 (воспоминанія И. Ѳ. Тимковскаго); Русскій Архивъ 1866, стр. 747—748 (воспоминанія И. М. Снегирева).
[74]) Русскій Архивъ 1866, стр. 745.

ксикономъ Калепина, переведеннымъ на славяно-русскій языкъ и начисто переписаннымъ трудами недостойнаго во іереяхъ Іакова Іоаннова Мудрова, т. е. его отца, а женщина золовкою сестры Мудрова. Мудровъ не только купилъ книгу, но и взялъ женщину къ себѣ въ домъ, обучилъ ее повивальному искусству, и она прожила у него до смерти". Позже, въ Нижнемъ, онъ взялъ къ себѣ въ домъ двухъ сиротъ, дочерей своего покойнаго учителя, профессора Ѳомы Ивановича Барсукъ-Моисеева, и озаботился о пристойномъ ихъ воспитаніи; также принялъ къ себѣ и воспиталъ сиротъ, сына и дочь своего товарища по студенчеству профессора Ивана Ѳедоровича Венсовича и т. д. Мудровъ и внѣшнимъ образомъ чтилъ память своихъ родителей. Старую чайную чашку своего отца, которую онъ нечаянно разбилъ на дорогѣ, онъ отдалъ въ Парижѣ одному мастеру, который ее склеилъ, поддѣлалъ подъ нее красивый бронзовый четыреножникъ и покрылъ бронзовою крышкою. Каждое утро и вечеръ, помолясь Богу, Мудровъ цѣловалъ ее вмѣсто руки родительской. Отцовскій лексиконъ онъ держалъ въ шелковой оберткѣ, въ дни горести и кручины вынималъ его, раскрывалъ, цѣловалъ, разсматривалъ, дивился учености и трудолюбію отца. Такимъ путемъ прогонялъ свою скорбь. Получая много денегъ, несмотря на отсутствіе таксы, Мудровъ не устроилъ для себя палаццо, не завелъ никакой роскоши. „Былъ онъ, — говоритъ его біографъ,—во всемъ умѣренъ, не прихотливъ, могъ довольствоваться малымъ, даже любилъ простое кушанье, и вообще во всемъ простоту; въ его домѣ пріемныя комнаты были обиты простыми липовыми досками; въ его кабинетѣ, въ которомъ онъ трудился и отдыхалъ, деревянныя съ конопаткою стѣны были ничѣмъ не закрыты, ни обоями ни штукатуркою; вмѣсто фортки было особое волоковое окошко: все это ему было по сердцу, потому что, хотя нѣсколько, напоминало прежній бытъ его дѣтства и молодость, простую избушку родительскую. Его завтракъ былъ чашка чаю, либо какой-нибудь душистой травки, чаще же листу черной смородины, и пятаковая просвира, которымъ у него не было переводу: бѣдные больные ими отплачивали за его пособія и посѣщенія. Затѣмъ другой завтракъ гдѣ-нибудь у знакомыхъ, или дома обѣдъ не нарядный, но пристойный, потому лишь, что самъ онъ былъ хозяинъ—хлѣбосолъ, любилъ, когда у него обѣдывали посторонніе люди, и скучалъ, когда видѣлъ за столомъ одно лишь свое семейство" [75]).

Конечно, тогдашніе профессоры и преподаватели Московскаго университета не были какими либо идеальными людьми. И у нихъ были свои недостатки, свои слабости, между прочимъ, слабость до чиновъ, орденовъ и внѣшнихъ отличій. Но въ общемъ несомнѣнно, это были люди повышеннаго житейскаго настроенія, съ развитымъ

---

[75]) Біографическій словарь, ч. II, стр. 114—139.

чувствомъ служебнаго и нравственнаго долга, съ идеалистическимъ складомъ чувствъ и понятій, которыя ставили ихъ выше мелочей и условностей жизни. Воспоминанія тогдашнихъ студентовъ согласно устанавливаютъ, что профессоры и преподаватели университета пользовались большимъ авторитетомъ и уваженіемъ у учащейся молодежи.

Вотъ, напр., что говоритъ Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, гимназистъ 1803—1807 г. и студентъ 1807—1810 года, впослѣдствіи извѣстный археологъ Москвы, о Харитонѣ Андреевичѣ Чеботаревѣ, „почтенномъ и сановномъ старцѣ, другѣ Новикова, товарищѣ Потемкина", ученомъ, котораго самъ Шлецеръ назвалъ своимъ руководителемъ въ русской исторіи. „Каково же было мое удивленіе, когда я встрѣтилъ его въ классахъ: въ одномъ нижнемъ платьѣ и въ короткомъ плащѣ безъ воротника, съ Аннинскимъ орденомъ на шеѣ, съ плюмажною шляпою на головѣ и съ тростью въ рукѣ. Онъ не носилъ ни пуклей, ни косы, не пудрился, голова у него была гладко острижена; въ поставѣ и походкѣ его выражалась самоувѣренность. Обхожденіе его могло показаться грубымъ, если бы оно не было выраженіемъ добродушія; почти всѣхъ онъ называлъ по имени, а не по отечеству, говорилъ отрывисто; но когда былъ въ ударѣ, рѣчь лилась рѣкой. Новое поколѣніе едва ли повѣритъ, что никто, при видѣ Харитона Андреевича, не смѣлъ улыбаться, а тѣмъ паче засмѣяться и зашикать" [76]). Большимъ уваженіемъ пользовались за свои познанія, простоту и честность Панкевичъ и Брянцевъ. Но въ особенности импонировалъ Петръ Ивановичъ Страховъ. „Признаюсь,—пишетъ про него И. М. Снегиревъ,—я рѣдко видалъ такого статнаго безъ принужденія, величаваго безъ напыщенности, красиваго безъ притязанія и вѣжливаго безъ манерности, какъ этотъ истинно почтенный и благородный мужъ. Самый видъ его внушалъ невольно къ нему уваженіе. Скажу безъ преувеличенія, въ управленіи своемъ не нужно было прибѣгать ему къ наказанію, угрозамъ и брани; все дѣлалось по его распоряженію и въ точности, не изъ страха, а изъ опасенія огорчить его. Изъ этого можно заключить, какъ его уважали и любили... Послѣ лекцій изъ аудиторіи до квартиры провожали его толпы слушателей, которые и дорогой получали его объясненія на свои вопросы и недоумѣнія. Такіе переходы представляли нѣчто торжественное. Какъ просвѣщенный любитель изящныхъ искусствъ, Страховъ завелъ въ университетѣ превосходный хоръ пѣвчихъ изъ его питомцевъ. Въ воскресные дни дворъ его былъ полонъ каретъ и колясокъ, а церковь тѣсна для многочисленныхъ посѣтителей. Стройное, изящное и одушевленное пѣніе приводило въ благоговѣйный восторгъ. Современники не могутъ забыть Корецкаго, Кошанскаго, Редласа. Въ вакаціонное время, въ классахъ

---

[76]) Русскій Архивъ 1866, стр. 1.

устроенъ былъ, при содѣйствіи Страхова, театръ, на коемъ играны были питомцами комедіи и оперы. Здѣсь проявились блистательные таланты, которыми любовались спеціалисты въ этомъ, — братья Сандуновы. Восхищалась своя и посторонняя публика, такъ что не доставало мѣста для желающихъ" [77]). Такою же теплотою наполнены отзывы Снегирева и о другихъ профессорахъ — Сохацкомъ, Маттеи, Михаилѣ Трофимовичѣ Каченовскомъ, Ѳедорѣ Григорьевичѣ Баузе. Послѣдній замѣчателенъ былъ, между прочимъ, какъ собиратель и знатокъ русскихъ древностей, рукописей, старопечатныхъ книгъ, монетъ. „Мнѣ случалось,—пишетъ Снегиревъ,—видѣть почтеннаго профессора съ своимъ Анненскимъ орденомъ на шеѣ на толкучкѣ между букинистами, покупающимъ и торгующимъ старыя книги и вещи. Съ какою дѣтскою радостью и восторгомъ показывалъ онъ мнѣ, предъ нимъ мальчику, купленную имъ рѣдкость!“ Послѣ тридцатилѣтнихъ стараній онъ успѣлъ составить единственное въ своемъ родѣ собраніе русскихъ древностей. По смерти его (25 мая 1812 года) Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ хотѣло купить коллекцію Баузе, но покупка почему-то не состоялась, и коллекція частью погибла при нашествіи французовъ, частью разошлась по рукамъ [78]).

Такіе люди, какъ вышеописанные, въ концѣ концовъ такъ или иначе справлялись съ труднымъ дѣломъ воспитанія и обученія тогдашней молодежи. Тогдашняя молодежь не отличалась претенціозностью, но за то склонна была къ озорству и шалостямъ. Иванъ Михайловичъ Снегиревъ нарисовалъ намъ яркія картинки изъ быта университетской гимназіи, дающія ясное представленіе, съ какими юнцами приходилось тогда имѣть дѣло. „Въ гимназіи первымъ моимъ учителемъ, — пишетъ онъ, — былъ старикъ французъ Лере, который... заставлялъ насъ твердить наизусть вокабулы и разговоры, коверкая русскія слова. Кто не твердо выучивалъ урокъ, или шалилъ въ классѣ, тому давалась въ лобъ кокура; чтобы избавиться отъ наказанія, оставлявшаго шишки на лбу, ученики выдумывали разныя извѣстія, напр. „Слышали ль вы, г. Лере, что французы русскихъ побили? — А гдѣ вы это читали? — Кто скажетъ въ Рязанскихъ, кто въ Тульскихъ газетахъ!—А для чего нѣтъ этого въ Московскихъ?—Нарочно, мусье, скрываютъ, стыдно вѣдь нашимъ“. И простосердечный французъ былъ очень доволенъ этимъ и не спрашивалъ урока у нувеллистовъ. Зимой онъ сиживалъ на стулѣ въ шубѣ, спустя ея рукава, да и жилъ онъ, и училъ, какъ говорится, „спустя рукава“. Ученики, стоя позади него, ножичкомъ распарывали ему по швамъ шубу. Лере вскакивалъ со стула, бѣсился, кидался на учениковъ съ кокурами; но мальчики разбѣгались“.—„Первый классъ русской грамматики и ариѳметики зани-

[77]) Русскій Архивъ 1866, стр. 745, 746.

[78]) Тамъ же, стр. 755, 756; Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета ч. 1, стр. 81.

малъ Сивковъ, сухопарый суровый старикъ, высокаго роста, съ длинною косою и въ черномъ фракѣ; онъ безпрестанно моргалъ глазами. Хотя боялись его палей и розогъ, на которые онъ не скупится, но изъ коридора въ двери то и дѣло ему кричали чужаки (такъ назывались тогда приходившіе изъ другихъ классовъ): сивка бурка, вѣщая каурка. Этихъ шалуновъ запыхаясь онъ ловилъ: кого поймаетъ, тому жутко доставалось; велитъ сторожамъ растянуть виноватаго на скамейкѣ и такъ отпоретъ, что небу жарко, или вздуетъ палями ладони, или поставитъ на колѣни на горохъ". Но все это не унимало шалуновъ, которые и на провожаньѣ его по лѣстницѣ, кричали ненавистный для бѣднаго Сивкова возгласъ: сивка бурка, и умолкали только при появленіи дежурнаго офицера или инспектора". — Страдалъ отъ шалуновъ и Иванъ Ивановичъ Дмитревскій, знатокъ греческаго языка, богословъ и археологъ, но человѣкъ слабый и странный. „Онъ сохранилъ типъ семинариста; средняго роста съ старомодною прическою и длинною косою, носилъ тафтяный кафтанъ, весь масляный отъ блиновъ, которые любилъ поѣсть, штаны съ мѣдными шлифными пряжками, неуклюжіе башмаки съ заплатами. Случалось, что, снявъ со столовъ доски и на обратной ихъ сторонѣ намалевавъ чернилами и мѣломъ чертей, которыхъ Иванъ Ивановичъ очень боялся, разставляли ихъ по стѣнкамъ, и сдѣлавъ изъ бумаги рядъ свѣчей, къ нимъ прилѣпливали. Такое позорище пугало его и онъ приказывалъ нести на показъ инспектору Страхову. Весь классъ несъ чрезъ дворъ изъ одного флигеля въ другой такія доски съ пѣніемъ, въ предшествіи учителя, котораго шляпу несли на подушкѣ. Благоразумный и благородный Петръ Ивановичъ, сдѣлавъ скромное замѣчаніе учителю, а ученикамъ выговоръ, отсылалъ всю процессію назадъ; потому что въ этомъ находилъ ни бунтъ и мятежъ, но ребяческую шалость и учительскую слабость".—У учителя исторіи и географіи Михаила Григорьевича Падерина въ классѣ нерѣдко производилась экзекуція, а въ коридорахъ атака на него: стучали въ двери, подкидывали полѣнья и т. п. Толстенькій и низенькій старичокъ съ палкою въ рукахъ гонялся за дерзкими шалунами по коридору: когда кого поймаетъ, то жутко доставалось ушамъ и ладонямъ". „Лѣтнею порою, когда открывались окна въ классахъ и ученическихъ комнатахъ, часто и по долгу слышались стоны и болѣзненные крики: по субботамъ была расправа съ лѣнивцами, шалунами и нарушителями порядка, которые не скоро забывали это отеческое исправленіе. Въ духѣ того времени такія мѣры употреблялъ эфоръ казенныхъ учениковъ Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ, человѣкъ впрочемъ по своимъ познаніямъ и трудамъ почтенный" [79]).

Само собою разумѣется, что такіе шалуны, надѣвъ студенческій мундиръ, треуголку и шпагу, не могли сразу превратиться въ воспитанныхъ юношей. Университетскій уставъ 1804 года считался съ

---

79) Русскій Архивъ 1866, стр. 737—742.

этимъ обстоятельствомъ, и потому въ него внесенъ былъ рядъ статей, касающихся поведенія студентовъ и надзора за ними. Общее собраніе университета избираетъ инспектора казенныхъ студентовъ изъ ординарныхъ профессоровъ. Этотъ инспекторъ есть блюститель порядка и благочинія сего общества, т. е. казенныхъ студентовъ. Онъ посѣщаетъ ихъ покои, нерадивыхъ увѣщаніями привлекаетъ къ должности и старается возбудить прилежаніе къ ученію. Изъ числа кандидатовъ или магистровъ совѣтъ избираетъ инспектору двухъ помощниковъ, которые должны жить вмѣстѣ со студентами и имѣть съ ними общій столъ. Они имѣютъ смотрѣніе за поведеніемъ студентовъ, за употребленіемъ времени внѣ классовъ и за всѣмъ, что относится къ порядку и устройству въ комнатахъ, подаютъ инспектору ежемѣсячно вѣдомость о поведеніи ввѣренныхъ каждому воспитанниковъ; о дерзостяхъ же и соблазнительныхъ поступкахъ доносятъ немедленно инспектору, который либо самъ принимаетъ надлежащія мѣры, либо относится къ директору, а самое дѣяніе или поступокъ вноситъ въ особую книгу, представляя ее совѣту при годовомъ испытаніи студента (статьи 115, 116, 121). Но само собою разумѣется, что не столько эти внѣшнія мѣры, сколько нравственное воздѣйствіе профессоровъ превращало прежнихъ озорниковъ въ серьезныхъ студентовъ. Надо сказать, что даже тѣ самые гимназисты, которые проявляли такую разнузданность на урокахъ Лере, Сивкова, Падерина, сидѣли тише воды, ниже травы на урокахъ учителя русской грамматики Кичеева, несмотря на то, что онъ не прибѣгалъ ни къ палямъ, ни къ розгамъ. Романъ Өедоровичъ Тимковскій, молодой человѣкъ, но большой знатокъ греческаго и латинскаго языка, строгій исполнитель своей обязанности, искусный преподаватель, умѣлъ внушать ученикамъ такое уваженіе и привязанность къ себѣ, что его слушали съ какимъ-то подобострастіемъ, ловили всякое его слово [80]). Въ университетскихъ аудиторіяхъ такихъ людей, какъ Тимковскій, было уже довольное число. Помимо авторитета учености, увлекательности преподаванія они вносили въ свои отношенія къ студентамъ прямоту, искренность и естественность, чѣмъ въ концѣ концовъ и достигались поставленныя имъ цѣли.

Таково было внутреннее состояніе Московскаго университета въ тотъ самый моментъ, когда его постигъ разгромъ 1812 года, разстроившій на время его установившуюся жизнь и повлекшій за собою нѣкоторыя важныя для него послѣдствія.

Второго іюля 1812 года состоялся обычный университетскій актъ, на которомъ проф. Реннеръ прочиталъ рѣчь на латинскомъ языкѣ De clementia in animalia domestica multos corum morbos advertente, а проф. Н. Е. Грузиновъ прочиталъ „Слово о новооткрытомъ мѣстѣ происхожденія голоса въ человѣкѣ и друг. животныхъ“ [81]). На этомъ

[80]) Русскій Архивъ 1866, стр. 740, 741.

[81]) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Импер. Москов. Университета, бывшемъ 2 іюля 1812 г. Москва 1812 in. 4°.

же актѣ произведены были въ студенты восемь казенныхъ учениковъ академической гимназіи[82]), двое питомцевъ воспитательныхъ домовъ [83]) пятеро своекоштныхъ учениковъ[84]) и одинъ слушатель университетскихъ лекцій, экзаменовавшійся въ гимназическихъ высшихъ классахъ[85]). Наступило вакаціонное время, и часть учениковъ и студентовъ (своекоштные) разъѣхались по домамъ. Но часть осталась въ Москвѣ въ университетскомъ интернатѣ. Этой молодежи предстояло убивать время повтореніемъ пройденнаго, чтеніемъ, занятіями искусствами и военными экзерциціями, а также загородными прогулками, музыкально-литературными вечерами, спектаклями. Профессора и преподаватели оставались всѣ въ Москвѣ. Въ то время не было обычая уѣзжать на дачи, въ деревню или за границу, и профессора готовились къ слѣдующему академическому году въ Москвѣ. Но на этотъ разъ ни учащимъ, ни учащимся не пришлось увидать этого „академическаго“ года.—Онъ выпалъ совершенно изъ жизни Московскаго университета...

Не прошло и двухъ недѣль со дня университетскаго акта, какъ Москва охвачена была военною тревогою. Двѣнадцатаго іюля прибылъ въ Москву государь, 15-го состоялся Высочайшій пріемъ въ Слободскомъ дворцѣ, на которомъ сословія изъявили готовность принести жертвы для отраженія наступавшаго врага. Московскій университетъ не отсталъ отъ другихъ учрежденій и сословій въ патріотическомъ усердіи. Его „чиновники“ подписали значительныя суммы денегъ на военныя нужды: проф. Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ – 666 руб. 66 $^1/_2$ коп., Христ. Егор. Рейнгардтъ—столько же, Антонъ Ант. Прокоповичъ-Антонскій—500 р., Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ—1000 р., Вильгельмъ Мих. Рихтеръ—500 р. и т. д.—всего 6013 р. 33 к. Часть изъявила желаніе жертвовать по третямъ все время, пока будетъ продолжаться война: попечитель Голенищевъ-Кутузовъ половину жалованья (1500 руб.), ректоръ Геймъ—300 р., проф. Илья Егоровичъ Грузиновъ 300 р., проф. Реннеръ 1000 р. и т. д.—всего 4187 р. [86]).

Съ приближеніемъ непріятеля къ Москвѣ тревога населенія не только не улегалась, но превращалась въ настоящую панику. Начался массовый отъѣздъ состоятельныхъ жителей изъ Москвы. Приходилось и властямъ подумать о спасеніи казеннаго имущества. 18 августа глав-

---

82) Александръ Александровъ, Павелъ Серафимовъ, Петръ Полуярославцевъ, Василій Хромцовъ, Алексѣй Шмаковъ, Ѳедоръ Фоглеръ, Илья Тверитиновъ, Михайло Буровъ.

83) Алексѣй и Иванъ Петровы.

84) Петръ Ростъ, Иванъ Черновъ, Сергѣй Пучковъ, Алексѣй Татарчуковъ и Иванъ Кондорской.

85) Александръ Бѣхтѣевъ. Дѣла Попечит. канцеляріи 1813, № 65.

86) В. Р. Апухтинъ, Сердце Россіи, Первопрестольная Столица Москва и Московская губ. въ отечественную войну, стр. 33, 34. Москва 1812. Деньги эти не были внесены немедленно, а затѣмъ, вслѣдствіе разоренія, постигшаго университетскихъ служащихъ, сложены съ нихъ совсѣмъ. Дѣло Правленія 1813 г., № 82; Попечит. Канцеляріи 1814 г., № 84.

нокомандующій Москвы графъ Ѳ. В. Ростопчинъ предложилъ попечителю П. И. Кутузову „приказать находящіяся въ вѣдомствѣ Императорскаго Московскаго Университета денежную казну, вещи, дѣла и бумаги укладывать и приготовлять къ свозу, буде бы надобность того востребовала“. Попечитель въ тотъ же день сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе, и въ тотъ же день состоялось засѣданіе совѣта Университета, на коемъ избранъ былъ особый комитетъ изъ профессоровъ всѣхъ отдѣленій для исполненія предписанія начальства. Въ томъ же засѣданіи прочитано было отношеніе главнокомандующаго о назначеніи трехъ изъ своекоштныхъ или казенныхъ студентовъ, удостоенныхъ лѣкарскаго званія, и одного доктора—для опредѣленія въ дивизію московской военной силы. Въ качествѣ доктора вызвался ѣхать проф. И. Е. Грузиновъ, а лѣкаремъ лѣкарь Рябчиковъ, для замѣщенія двухъ лѣкарскихъ вакансій профессоры медицинскаго отдѣленія рекомендовали кандидата Романовскаго и студента Ризенко, окончившихъ уже весь кругъ врачебныхъ наукъ, вслѣдствіе чего Совѣтъ предписалъ медицинскому отдѣленію немедленно произвести имъ лѣкарскій экзаменъ [87]).

Попечитель Московскаго Университета П. И. Голенищевъ-Кутузовъ намѣревался перевести университетъ въ Ярославль и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ представленіе Министру Народнаго Просвѣщенія. Онъ указывалъ въ этомъ представленіи на обширность гимназическаго дома въ Ярославлѣ и на то, что университетъ можно соединить съ Демидовскимъ училищемъ и продолжать „учебныя упражненія“. Но планъ попечителя не осуществился... [88]).

Двадцать второго августа главнокомандующій извѣстилъ попечителя, что „къ отправленію приготовлять слѣдуетъ самыя только дорогія и значущія вещи, а прочія оставить до времени, такъ какъ и воспитанниковъ, коихъ отправить будетъ можно послѣ“.

На слѣдующій день главнокомандующій указалъ, что казенныя вещи и важнѣйшія бумаги университета должны быть отправлены въ Нижній Новгородъ.

Пока Университетъ собирался исполнить это предписаніе, произошла Бородинская битва и отступленіе русской арміи къ Москвѣ.

Москва готовилась стать мѣстомъ новаго и при томъ ожесточеннаго боя съ врагомъ. Мѣшкать далѣе уже не было возможности. 29 августа главнокомандующій словесно объявилъ попечителю, чтобы онъ немедленно отправилъ ректора, кассира, казну и казенныхъ студентовъ въ Нижній, а домъ университетскій и оставшіяся въ немъ вещи препоручилъ надзору полиціи [89]).

---

87) К. Военскій, Московскій Университетъ и С.-Петербургскій Учебный Округъ въ 1812 г., № стр. 6–9.

88) Тамъ же, стр. 15, 17, 19.

89) Тамъ же, стр. 17, 19, 23.

Такъ, всего какая-нибудь недѣля употреблена была университетомъ на сборъ въ дорогу.

По недостатку времени, Университетъ конечно не могъ должнымъ образомъ снарядиться въ дорогу. „Трудно описать—говоритъ бывшій тогда университетскимъ архиваріусомъ И. М. Снегиревъ, — суматоху и тревогу въ Москвѣ, которая представляла изъ себя позорище какого-то переселенія: всѣ суетились, хлопотали, одни все зарывали въ землю или опускали въ колодцы свои драгоцѣнности или прятали ихъ въ потайныя мѣста въ домахъ; другіе собирались выѣхать изъ Москвы, не зная еще куда безопаснѣе укрыться отъ враговъ; иные оставались на своихъ мѣстахъ, запасались въ арсеналѣ оружіемъ или, въ уповапіи на Божію помощь, молились.... Разнеслась молва, что непріятели не будутъ касаться казенныхъ мѣстъ. Батюшка (профессоръ церковной исторіи и философіи) все свое, для него дорогое, имущество въ сундукахъ свезъ въ кладовую бывшаго на Тверской университетскаго благороднаго пансіона, а ключи взялъ съ собою [90]). Подобнымъ же образомъ поступили и университетскія власти съ казеннымъ имуществомъ. Въ нижній полуподвальный этажъ главнаго корпуса подъ сводами снесены были архивъ, библіотека, разныя коллекціи, матрицы и пунсоны изъ университетской типографіи и мѣдныя деньги, 5000 руб., предназначенныя для уплаты за бумагу купцу Губину. Двери этихъ помѣщеній были замурованы кирпичами [91]). На подводы, присланныя Растопчинымъ, уложены были дѣла Совѣта, Правленія и небольшая часть библіотеки (все это только на трехъ подводахъ); директоръ музея натуральной исторіи Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ успѣлъ уложить рѣдкіе штуфы, драгоцѣнные камни, раковины и полипы, искусственно сдѣланные камни, янтарныя мозаики, жемчужныя издѣлія, сибирскія древности, монеты и медали; проф. физики Страховъ уложилъ на двѣ предоставленныя ему обыкновенныя подводы „самонужнѣйшія машины, снаряды и инструменты (между прочимъ приготовлена была къ вывозу, но забыта большая электрическая машина со стекляннымъ колесомъ въ 4 фута въ діаметрѣ) [92]); уложены были сосуды, крестъ и евангеліе изъ университетской церкви, столовое серебро университета и благороднаго пансіона [93]). Всѣ эти вещи вмѣстѣ съ имуществомъ губернской гимназіи и отправлены были на 52 подводахъ 30 августа [94]) въ Нижній-Новгородъ подъ присмотромъ профессора россійской словесности Матвѣя Гавриловича Гаврилова и декана словеснаго факультета Нико-

---

90) Русскій Архивъ 1866, стр. 541.

91) Письмо Кутузова къ министру Разумовскому отъ 14 ноября 1862 г. Семейство Разумовскихъ, ч. II, стр. 385, 386. К. Военскій, op. cit стр. 79—82.

92) Біографическій словарь, ч. II, стр. 464, 524; Указатель Императорскаго Московскаго Университета 1826, стр. 41, 51, 52, 80—82.

93) К. Военскій, op. cit., стр. 24, 38.

94) Дѣло Правленія 1813 г., № 123, К. Военскій, op. cit., стр. 83.

лая Евтропіевича Черепанова, профессора Фишера фонъ-Вальдгейма [95]). Всѣхъ ящиковъ отправлено было 54. Съ этимъ транспортомъ отправились семьи названныхъ профессоровъ и проф. чистой математики Тимоѳей Ивановичъ Перелоговъ. — За этимъ транспортомъ поѣхалъ туда же 1 сентября на 30 подводахъ ректоръ Иванъ Андреевичъ Геймъ съ университетскою казною, 39 студентами и гимназистами[96]). Профессора сначала колебались ѣхать, а нѣкоторые, какъ напр., Петръ Ивановичъ Страховъ хотѣли было даже оставаться въ Москвѣ. Но когда пріѣхалъ въ Москву проф. И. Е. Грузиновъ, бывшій корпуснымъ врачомъ при Московскомъ ополченіи, и ознакомилъ своихъ коллегъ съ положеніемъ, стали выѣзжать поспѣшно и профессора. Въ Нижній вслѣдъ за ректоромъ отправились П. И. Страховъ, деканъ этико-политическаго отдѣленія Андрей Михайловичъ Брянцевъ, профессоръ практической философіи и исторіи философіи, правъ естественнаго и народнаго Христіанъ Егоровичъ Рейнгардтъ съ семьею, деканъ медицинскаго факультета Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ [97]).

Часть разъѣхалась по другимъ мѣстамъ. Такъ, профессоръ медицины и хирургіи Ѳедоръ Андреевичъ Гильтебрантъ въ самый день вступленія французовъ въ Москву выбылъ во Владиміръ съ обозомъ раненыхъ солдатъ, находившихся на его попеченіи [98]). Проф. философіи и церковной исторіи Михаилъ Матвѣевичъ Снегиревъ отправился съ своимъ сыномъ Иваномъ, тогда архиваріусомъ университета, въ Александровъ. При этомъ Ивану Михаиловичу Снегиреву удалось спасти протоколы университета за первые годы, и онъ подарилъ впослѣдствіи собраніе ихъ въ XV томахъ въ университетскую библіотеку [99]); Р. Ѳ. Тимковскій уѣхалъ къ себѣ на родину въ Полтавскую губернію[100]). Профессоръ Цвѣтаевъ, адъюнктъ Болдыревъ, кандидатъ Давыдовъ, Миллеръ и Гавриловъ уѣхали въ Казань вмѣстѣ съ Екатерининскимъ училищемъ и Александровскимъ институтомъ, въ которыхъ они состояли преподавателями [101]). Профессоръ Антонскій-Прокоповичъ съ 12 воспитанниками благороднаго пансіона уѣхалъ въ г. Балахну [102]) и т. д.

Опустѣвшій университетъ остался на попеченіи экзекутора Артемьева, его помощника, смотрителя музея и команды инвалидовъ. Кромѣ того, не поѣхали въ Нижній профессоръ-юристъ Христіанъ

---

95) В. О. Эйнгорнъ, Московскій университетъ, губернская гимназія и другія учебныя заведенія Москвы въ 1812 г. вып. II, стр. 16.

96) К. Военскій, op. cit., стр. 26, 27, 31.

97) Біографическій словарь, ч. I, стр. 111, 171, 274, ч. II, стр. 124, 329, 464, —465.

98) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, ч. 1, стр. 201.

99) Русскій Архивъ 1866, стр. 541.

100) Н. А. Поповъ, Московскій университетъ послѣ 1812 г., въ Русск. Архивѣ 1881, кн. 1, стр. 390.

101) Дѣло Правленія 1813 г. № 89.

102) К. Военскій, op. cit, стр. 51, 55, 56.

Штельцеръ и лекторъ французскаго языка проф. Ф. Р. Виллерсъ. Изъ донесенія Штельцера министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому мы узнаемъ, что происходило въ нашемъ университетѣ послѣ входа въ Москву французовъ.

Часа черезъ два послѣ вступленія французскаго войска въ Москву, явился въ университетъ государственный министръ графъ Дарю въ сопровожденіи генералъ-интенданта Дюмара. Встрѣтивъ тамъ Штельцера, Дарю сказалъ ему льстивое привѣтствіе, заявилъ, что Штельцеръ уже извѣстенъ ему, какъ ученый, черезъ великаго герцога Франкфуртскаго, и что онъ радъ съ нимъ познакомиться. Затѣмъ сталъ распрашивать его объ университетѣ, и между прочимъ о томъ, обучаются-ли въ немъ французскіе уроженцы. Штельцеръ выпросилъ у Дарю охрану для университета (sauve-garde), и на другое утро въ университетъ явился французскій капралъ съ четырьми рядовыми. Штельцеръ поставилъ караулъ въ главномъ корпусѣ и около, а у запертыхъ воротъ должны были караулить университетскіе инвалиды... Штельцеръ и днемъ, и ночью, по его словамъ, сталъ осматривать посты. Но на другой же день всѣ эти мѣры оказались недѣйствительными, ибо солдаты были уже пьяны, а экзекуторъ Артемьевъ при самомъ Штельцерѣ сказалъ, что они не обязаны повиноваться его приказаніямъ. Повидимому, Артемьевъ недоволенъ былъ тою ролью, которую присвоилъ себѣ Штельцеръ.

Четвертаго сентября городъ уже горѣлъ со всѣхъ сторонъ, и сильная буря способствовала распространенію пожара. Штельцеръ потребовалъ, чтобы пожарные трубы были вывезены на дворъ, но этого не сдѣлали подъ предлогомъ, что недостаетъ людей и воды. Въ 9 часовъ утра полетѣла головня черезъ Никитскую и упала на старую, развалившуюся конюшню противъ квартиры Штельцера. Въ то же самое время загорѣлась и ея внутренность. Буря понесла огонь на дровяной дворъ и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сгорѣли большой каменный домъ при выходѣ на Моховую, принадлежащія къ нему конюшни и кладовыя, анатомическій театръ и соединенные съ нимъ покои. На южной сторонѣ университета вездѣ загорался лежавшій по дворамъ навозъ. Штельцеръ отрядилъ наемныхъ людей вытаптывать навозъ и такимъ образомъ ему удалось отстоять на время находящіеся тамъ конюшни и дома. Ему усердно помогалъ смотритель дровяного двора Осипъ Янковскій (повидимому полякъ), но экзекуторъ Артемьевъ былъ совершенно пьянъ и безполезенъ. Въ полдень Штельцеръ отправился посмотрѣть, что дѣлается въ главномъ корпусѣ. Оказалось, что французскаго караула уже нѣтъ на мѣстѣ, боковая дверь въ музей проломлена, внутри бѣгаютъ два французскихъ солдата, но всё еще въ цѣлости. Штельцеръ вывелъ солдатъ и вновь поставилъ караульныхъ, при чемъ его слегка ранили штыкомъ въ лѣвую руку. Когда онъ вышелъ на дворъ, показался огонь въ его квартирѣ: буря прибила огонь отъ дровяного двора къ угловой комнатѣ средняго этажа, и въ

ней лопнули окна. Штельцеръ съ своимъ служителемъ принялся тушить пожаръ, выкидывалъ на дворъ горящую мебель, мокрыми тряпками гасилъ пылающія оконныя рамы. Пламя истребило его и служительскія одежды, но домъ былъ спасенъ. Вечеромъ усилился грабежъ.

Смотритель музея Ришардъ уже при входѣ французовъ не находился въ университетѣ и совсѣмъ тамъ не показывался. Поэтому Штельцеръ и тѣхъ двухъ караульныхъ, которыхъ имѣлъ при себѣ для собственной охраны, поставилъ въ главный корпусъ, вслѣдствіе чего скоро подвергся нападенію: съ него сорвали сюртукъ и прорубили ему шляпу. Въ двѣнадцатомъ часу ночи ему сказали, что въ музеѣ видна свѣча, и кто-то ходитъ въ сопровожденіи французскаго солдата; болѣе опредѣленнаго, однако, ему не удалось ничего узнать. Между тѣмъ огонь вновь усилился въ Никитскомъ дворѣ. Загорѣлся домъ графа Орлова (нынѣ князей Мещерскихъ), а отъ него стоявшій напротивъ университетскій Мосоловскій; въ то же время запылали деревянныя конюшни и домъ, въ которомъ жилъ врачъ университетской больницы Цемшъ: они загорѣлись отъ сосѣдняго дома Заикина. Огонь снова палъ на домъ, гдѣ квартировалъ Штельцеръ, но благодаря заранѣе принятымъ мѣрамъ (нанесена была вода, сломанъ деревянный заборъ около университетскаго двора и крыша одного деревяннаго строенія) на этотъ разъ удалось его отстоять.

Штельцеръ хотѣлъ было отправиться на осмотръ главнаго зданія, какъ въ половинѣ второго ночи увидалъ охваченную пламенемъ деревянную обсерваторію на главномъ корпусѣ. По словамъ Штельцера, четырехъ человѣкъ было бы достаточно, что бы спасти зданіе, но онъ никого не могъ дозваться: всѣ попрятались, избѣгая встрѣчи съ грабителями. Пожаръ съ чердака проникъ внутрь главнаго корпуса, и онъ въ теченіе ночи весь выгорѣлъ. Штельцеръ не думаетъ, что бы пожаръ начался внутри: свѣча, которую видѣли, употреблена была только для кражи. Огонь разбушевался до такой степени, что нельзя было уже оставаться на университетскомъ дворѣ, не подвергая опасности свою жизнь. Штельцеръ пробрался кое-какъ сквозь пламя, сжегъ на себѣ второй сюртукъ и покинулъ университетъ до утра.

Вернувшись на другой день Штельцеръ увидалъ, что въ Мосоловскомъ домѣ пожаръ прекратился, а университетской больницы даже и не коснулся, уцѣлѣлъ и домъ, въ которомъ онъ квартировалъ, но въ немъ похозяйничали грабители, разломавшіе всѣ запертыя двери и ящики и укравшіе все цѣнное. Штельцеръ скоро получилъ приглашеніе отъ учрежденнаго французами муниципалитета вступить въ его составъ. Штельцеръ согласился, и ему было поручено соблюденіе общественной тишины и безопасности. Воспользовавшись этимъ, онъ ввелъ въ свою квартиру столько людей, сколько она вмѣщала, „пока съ большимъ трудомъ не была возстановлена внѣшняя безопасность отъ бѣшенаго войска, не знавшаго никакой подчиненности“.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ университетскихъ зданій уцѣлѣли только больница, гдѣ помѣщались клиническій, хирургическій и повивальный институты, и домъ, гдѣ квартировалъ Штельцеръ, т.-е. домъ Натальи Абрамовны Пушкиной, рожд. княжны Волконской[103]). Всѣ сокровища университета, кромѣ увезенныхъ, пропали; уцѣлѣли только нѣкоторыя маловажныя вещи напр. препараты и прочій аппаратъ повивальнаго искусства, также собраніе бандажей, да и тѣ были поломаны, потоптаны ногами, и Штельцеръ никакъ не могъ добиться отъ экзекутора, что бы онъ собралъ ихъ и принесъ къ нему на храненіе.—Затѣмъ уже по выходѣ французовъ изъ Москвы, 13 октября Штельцеръ узналъ отъ коллежскаго регистратора Подхватова, что спасено изъ казны около 2000 руб. мѣдныхъ денегъ въ двухъ сундукахъ, которые снесены въ больницу, но что одинъ изъ этихъ сундуковъ взломанъ, и всякій, кто хочетъ, беретъ оттуда деньги. Послѣ препирательствъ съ Артемьевымъ Штельцеръ добился того, что сундуки были опечатаны и для охраненія ихъ въ больницѣ поставленъ караулъ изъ 2 полицейскихъ драгунъ. Скоро Штельцеръ заболѣлъ горячкою, а когда выздоровѣлъ, оказалось, что караулъ уже снятъ, и Артемьевъ снова распоряжается деньгами, которыхъ уже немного осталось [104]).

Показанія Штельцера дышатъ правдою, и нѣтъ основанія имъ не вѣрить. Сообщеніе попечителя Кутузова въ письмѣ къ министру, что „разбойникъ Штельцеръ радовался, что все гибнетъ, и хотя самъ былъ членъ муниципалитета окаяннаго, дьявольскаго собора, но не помыслилъ взять мѣръ къ сохраненію университета", внушено было, можетъ быть, Артемьевымъ, а вѣрнѣе всего желаніемъ свалить собственную вину на другого (министръ упрекалъ Кутузова въ нераспорядительности и непринятіи должныхъ мѣръ къ спасенію университета, указывалъ на Медико-Хирургическую Академію, которая осталась невредимою [105]).

Итакъ, Московскій университетъ сдѣлался жертвою пламени въ 1812 году потому, что сохранялъ слишкомъ много деревянныхъ строеній отъ прежнихъ барскихъ усадебъ и окруженъ былъ таковыми же стройками. Кромѣ того, много значило тутъ отсутствіе университетскихъ властей, которыя могли бы распоряжаться своевременнымъ тушеніемъ пожара, и воцарившаяся въ университетѣ съ отъѣздомъ начальства пьяная анархія. Что касается гибели оставленнаго имущества, то это было преимущественно дѣломъ бѣшенаго войска, очевидно, искавшаго въ университетѣ какихъ-то сокровищъ и разломавшаго замурованныя кладовыя.

Тѣмъ временемъ университетскіе транспорты съ казенными вещами, профессорами, студентами и гимназистами медленно подвига-

---

103) Дѣло Попечит. Канцеляріи 1813 г., № 13; К. Военскій, op.cit, стр. 80.
104) А. А. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, отд. II, стр. 443—448.
105) Тамъ же, стр. 386.

лись къ Нижнему и достигли до него 17—22 сентября. Нѣкоторымъ изъ этихъ переселенцевъ пришлось въ Нижнемъ претерпѣть много горя. Профессоры Перелоговъ и Черепановъ по пути издержали всѣ свои деньги и въ Нижнемъ очутились безъ всякихъ средствъ. Не имѣя возможности никого нанять, два товарища по вечерамъ, въ глубокія сумерки, приносили по ведру воды съ Волги своеручно на палкѣ, продѣтой сквозь дужку. Крайняя бѣдность и неизвѣстность будущаго подѣйствовали удручающимъ образомъ на проф. Перелогова: онъ занемогъ, видя почти безъ куска хлѣба себя, жену и пятерыхъ дѣтей. Впрочемъ, дѣла ихъ скоро поправились: ихъ помѣстили въ зданіяхъ Нижегородской гимназіи и снабдили всѣмъ необходимымъ. Перелоговъ нашелъ затѣмъ хорошіе заработки. Многіе достаточные обыватели Нижняго, узнавъ, что въ ихъ городѣ находится безукоризненный знатокъ французскаго и англійскаго языковъ, стали нарасхватъ приглашать его для обученія дѣтей, и Перелоговъ въ концѣ концовъ сталъ имѣть такое изобиліе въ жизненныхъ средствахъ, какимъ и въ Москвѣ не пользовался. Но не посчастливилось его коллегамъ проф. Рейнгарду и Страхову. Рейнгардъ по пріѣздѣ въ Нижній заболѣлъ тифомъ и 7 ноября умеръ, а вскорѣ за нимъ послѣдовала и его жена, оставивъ на волю Божію и на попеченіе добрыхъ людей пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Страхову съ Брянцевымъ предложилъ безвозмездно особый домикъ учитель рисованія нижегородской гимназіи П. А. Веденецкій и оказывалъ имъ самое радушное гостепріимство. Но Страховъ уже пріѣхалъ въ Нижній больной и все время былъ въ жару. Совѣтъ и медикаменты, предписанные ему докторомъ Ромодановскимъ и проф. Мудровымъ, не помогли, и 12 февраля 1813 года онъ скончался, выслушавъ предъ смертію извѣстіе о переправѣ Наполеона черезъ Березину [106]).

Около двадцатаго октября пришло въ Нижній извѣстіе, что непріятель покинулъ Москву. Находившійся въ Нижнемъ адъюнктъ и директоръ губернской гимназіи Дружининъ съ разрѣшенія ректора отправился въ Москву для того, чтобы выяснить состояніе университета и подвѣдомственныхъ ему учрежденій и для принятія требуемыхъ обстоятельствами мѣръ. Изъ рапортовъ его, посланныхъ ректору и попечителю, выясняется довольно точно, въ какомъ состояніи находился Московскій университетъ по выходѣ изъ Москвы французовъ.

Дружининъ доносилъ, что главный корпусъ весь до основанія сгорѣлъ, и остались однѣ только стѣны. „Даже нижній этажъ или лучше полуэтажъ, который былъ со сводами, весь выгорѣлъ, почему всѣ вещи и дѣла, для безопасности въ него снесенныя, погорѣли безъ остатка, и какъ изъ библіотеки, такъ и изъ музея не спасено ни ма-

---

106) Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, ч. II, стр. 220, 221, 329, 465, 466.

лѣйшей части"[107]). „Домъ, купленный отъ Мясоѣдова, флигель, въ которомъ помѣщалась анатомія, два небольшихъ дома, въ коихъ жили г.г. профессоры: Брянцевъ, Гавриловъ, Черепановъ, Котельницкій и покойный Панкевичъ, съ нѣкоторыми канцелярскими чиновниками, равно и прочія, не столь важныя строенія всѣ содѣлались жертвою пламени. Одинъ флигель, что стоитъ по Никитской улицѣ, въ которомъ помѣщалась больница, и домъ, бывшій прежде Долгорукаго [108]) — остались въ цѣлости, но и въ нихъ все перебито и переломано". Впрочемъ кладовая подъ домомъ Долгорукова, гдѣ жилъ ректоръ, осталась въ цѣлости, и въ самомъ домѣ жилъ остававшійся въ Москвѣ профессоръ Штельцеръ. „Зданія, университетскому благородному пансіону принадлежащія, равно и въ ботаническомъ саду сгорѣли также всѣ безъ остатка. Напротивъ, въ типографіи сгорѣлъ одинъ главный, но ветхій, по валу стоящій корпусъ; прочія зданія остались невредимы. Станы со всѣми ихъ принадлежностями также сохранились отъ пожара и хищенія, и если нѣкоторая часть была расхищена, то теперь оная найдена и возвращена. Сгорѣли одни пунсоны, матрицы и доски, кои для безопасности положены были въ университетскую кладовую. Если помощникъ директора оной (Сущовъ) съ одной стороны поступилъ неблагоразумно, то въ отношеніи къ типографіи можно сказать сдѣлано все, что только можно было къ ея спасенію, ибо по признанію всѣхъ типографскихъ служителей ему одному обязана она своею цѣлостью, а типографскіе служители нѣкоторымъ образомъ и самою жизнью своею" [109]).

Потери университета не ограничились только тѣмъ, что погибло въ его зданіяхъ. Профессоръ Гавриловъ, спасавшій ввѣренныя ему казенныя вещи, потерялъ въ Москвѣ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ и свою цѣнную библіотеку. Сгорѣла и библіотека проф. Брянцева, которую онъ собиралъ въ теченіе 50 лѣтъ, и которая состояла изъ рѣдкихъ книгъ и рукописей. Проф. Фишеръ фонъ Вальдгеймъ, спасшій часть музея натуральной исторіи, потерялъ свои собственныя коллекціи и свои ученые труды. Ботаникъ Гофманъ лишился своей богатой библіотеки и приготовленнаго къ третьему изданію сво-

---

107) Осталась цѣла кладовая Харитона Андреевича Чеботарева, но за то она вся разграблена. „Одна изломанная мебель и безъ сомнѣнія большею частью пустые сундуки въ ней остались, и все сіе такъ перемѣшано, что и хозяева съ трудомъ могутъ узнать свои вещи". „Оставшаяся въ университетѣ мѣдная монета частью сплавилась, частью разграблена".

108) Въ донесеніи неточность: уцѣлѣвшій домъ принадлежалъ Натальѣ Абрамовнѣ Пушкиной, рожденной кн. Волконской. Дѣло Попечит. Канцеляріи 1813 г., № 76. Срав. Военскій, op. cit, стр. 80.

109) В. О. Эйнгорнъ. Московскій Университетъ, Губернская Гимназія и другія учебныя заведенія Москвы въ 1812 году, вып. II, стр. 43—46. Въ донесеніи относительно ботаническаго сада также есть неточность: изъ дѣлъ университетскаго архива видно, что тамъ уцѣлѣли два деревянныхъ строенія. Дѣло Попечит. Канцеляріи 1813 г., № 76. К. Военскій, op. cit, стр. 80.

его капитальнаго труда „Германская флора". Филологъ Тимковскій также лишился своей прекрасной библіотеки. Наконецъ, погибла коллекція русскихъ древностей, собиравшаяся 30 лѣтъ профессоромъ Баузе и состоявшая изъ рукописей, старопечатныхъ книгъ и монетъ, по отзыву Калайдовича „единственная въ своемъ родѣ" [110]).

Но какъ ни велики были потери Московскаго университета, къ концу царствованія Александра I онъ уже реставрировался полностью. Пожаръ истребилъ матеріальное имущество университета, но не подорвалъ его великаго значенія, которое онъ пріобрѣлъ въ глазахъ правительства и общества, не подорвалъ и тѣхъ духовныхъ силъ, которыя двигали его внутреннюю жизнь, и которыя сосредоточивались въ тогдашнемъ профессорскомъ персоналѣ. Дружными усиліями высшей власти, профессоровъ и сочувствовавшихъ ему частныхъ лицъ и учрежденій университетъ скоро возстановленъ былъ во всѣхъ частяхъ.

Нѣкоторое время послѣ пожара лекціи читались въ наемномъ домѣ купца Заикина близъ университета [111]). Кромѣ того, университетъ уже въ 1813 году располагалъ тремя зданіями: больничнымъ корпусомъ, въ которомъ помѣщались больница и квартиры нѣкоторыхъ профессоровъ и служащихъ университета; каменнымъ корпусомъ, купленнымъ у Пушкиной, рожд. княжны Волконской, въ которомъ помѣщены были квартиры нѣкоторыхъ профессоровъ и служащихъ, музей, университетское казначейство, кладовая и службы, и третьимъ—бывшимъ кн. Волконской, въ которомъ помѣстился анатомическій театръ, библіотека, музей и квартиры чиновниковъ и сторожей [112]). Послѣдній домъ привелъ въ порядокъ деканъ медицинскаго факультета Мудровъ [113]). Наконецъ, въ началѣ 1817 года было ассигновано 486699 рублей на отстройку главнаго корпуса и другихъ, остававшихся еще обгорѣлыми. Отстройка поручена была сначала архитектору Соболевскому, преподавателю Благороднаго пансіона, и онъ охотно было взялся за дѣло, но затѣмъ отказался, ссылаясь на то, что, будучи занятъ отстройкою Благороднаго пансіона и университетской типографіи, не можетъ управиться съ дѣломъ. Тогда „для смотрѣнія работъ въ университетскомъ домѣ" приглашенъ былъ на два года извѣстный архитекторъ Воспитательнаго дома Жилярди. Ему назначено было вознагражденіе въ 2000 руб. за первый годъ и 1500—за второй [114]). Жилярди пересмотрѣлъ смѣту, составленную Соболевскимъ, и увеличилъ ее на 77498 руб.

---

110) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета, ч. I, стр. 81—83, 111—112, 171, 259; ч. II, стр. 495, 524.

111) Дѣло Правленія 1813, № 123, 124. Въ 1814 году этотъ домъ купленъ былъ гвардіи корнетомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Яковлевымъ.

112) Дѣла Правленія 1817 г., № 13; Дѣла Попечит. канц. 1813 г., № 92.

113) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета, ч. II, стр. 124; Дѣло Правленія 1813, № 393; Дѣла Попечит. канцеляріи 1813 г., № 65.

114) Дѣло Правленія 1815 г., № 280; Строительной комиссіи 1817 г., № 3.

40 коп. Онъ не ограничился простою реставраціею казаковскаго корпуса, а внесъ въ него нѣкоторыя усовершенствованія, въ частности: украсилъ стѣны лѣпными украшеніями, устроилъ семь новыхъ большихъ оконъ съ арками, четыре большихъ окна съ колонками, вытесалъ выступы по переднему фасаду, разобралъ старый и устроилъ новый порталъ съ колоннами, и сдѣлалъ каменныя лѣстницы въ боковыхъ выступахъ, устланныя чугунными плитами, лѣстницу средняго входа довелъ только до третьяго этажа, подвелъ часть новыхъ сводовъ (во второмъ этажѣ) подъ библіотеку и музей, украсилъ главный залъ живописью и колоннами. Въ полтора года работы были окончены, причемъ общая сумма издержекъ выразилась въ 538397 руб. 97¾ коп. [115]). 10 октября 1818 года университетъ изъ наемнаго дома перебрался въ собственныя помѣщенія [116]). При возобновленіи главнаго корпуса найдено было уже неудобнымъ помѣщать въ немъ церковь и квартиры священнослужителей. Поэтому университетъ выпросилъ себѣ у духовнаго начальства церковь св. Георгія, что на Красной горкѣ, причемъ верхній ея этажъ былъ отдѣланъ и освященъ во имя св. Татьяны [117]).

Такъ какъ отъ перестройки главнаго корпуса осталось въ экономіи 83525 рублей, то Высочайше разрѣшено было, дополнивъ эту сумму 21314 руб. изъ экономіи университета, выстроить зданіе для университетской аптеки и при ней химической лабораторіи. Это то самое зданіе, въ которомъ на нашей памяти помѣщалась квартира ректора, оно выстроено было въ 1819 году. Вслѣдствіе послѣдовавшаго 19 апрѣля 1819 года учрежденія при Московскомъ университетѣ медицинскаго института на сто казенныхъ воспитанниковъ, ассигновано было 401288 рублей на постройку зданій для этого института, а также и для учебной больницы съ отдѣленіями клиническимъ, хирургическимъ и повивальнымъ—всего на 50 кроватей и съ больницею для казеннокоштныхъ студентовъ. Для медицинскаго института былъ отстроенъ Мосоловскій домъ, а для учебной больницы перестроенъ былъ прежній каменный корпусъ. Оба зданія были освящены 25 сентября 1820 года [118]). Что касается обгорѣвшаго дома кн. Барятинскаго, то онъ былъ сломанъ, кромѣ подвальнаго этажа, оставленнаго для нуждъ университета [119]). Отстроилась къ тому времени и типографія. Прежде всего здѣсь выстроенъ былъ (въ 1817 г.) каменный двухъ-этажный домъ съ антресолями, гдѣ помѣстились книжная и роздаточная лавки, бумажные и книжные склады и квартиры служащихъ (это теперешній главный домъ на Страстномъ бульварѣ, гдѣ была редакція „Московскихъ Вѣдомостей“), отстроены были каменные флигели, стоявшіе по

115) Дѣло Строительной комиссіи 1816 г., № 6; 1819 г., № 72.

116) Дѣло Правленія 1818 г., № 459.

117) Шевыревъ, op. cit., стр. 430; Русскій Архивъ 1881, кн. 1, стр. 419.

118) Шевыревъ, стр. 429, 430; Русскій Архивъ, 1881 г., кн. 1, стр. 420; Указатель Императорскаго Московскаго Университета, стр. XI. Москва. 1826.

119) Дѣло канцеляріи Попечителя 1818 г., № 3.

валу и на дворѣ и, наконецъ, въ 1821 году на землѣ, купленной у Талызиной, построенъ былъ корпусъ по Дмитровкѣ, гдѣ помѣстилась собственная типографія [120]). На постройку его разрѣшено было употребить 228419 рублей изъ экономической типографской суммы [121]). Что касается Благороднаго пансіона, то послѣ пожара онъ помѣщался въ домѣ Новосильцевой на Дмитровкѣ, но 1 апрѣля 1815 года переѣхалъ уже въ собственное зданіе на Тверскую (это зданіе съ круглыми украшенными колоннами и съ ротондами по угламъ уцѣлѣло и до настоящаго времени). Инспекторъ его А. А. Прокоповичъ-Антонскій занялъ 75000 рублей изъ суммъ Демидовскаго Ярославскаго высшихъ наукъ училища и на эти средства возобновилъ обгорѣлыя зданія и завелъ все нужное [122]). Въ 1818 году пансіонъ совершенно отдѣлился отъ университета и сталъ выпускать своихъ воспитанниковъ съ правами на чины 10, 12 и 14 классовъ [123]).

Возобновленныя зданія не остались пустыми и скоро наполнились всяческими учебными пособіями. 12 іюля 1813 года по предложенію министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго напечатано было отъ имени университета одушевленное, краснорѣчивое воззваніе къ благотворителямъ просвѣщенія, особенно же къ его питомцамъ о пожертвованіи книгъ и другихъ учебныхъ пособій. На этотъ зовъ откликнулись какъ учрежденія—академія наукъ, медико-хирургическая академія, главное правленіе училищъ, Императорская публичная библіотека, университеты и училища и проч., такъ и разныя частныя лица, и уже въ теченіе одного года набрано было до 5000 книгъ. Приношенія книгами, и при томъ щедрыя, продолжались и въ послѣдующіе годы [124]). Самъ университетъ пополнялъ свою библіотеку ежегодно выпискою книгъ на 1000 рублей; въ 1818 году купилъ огромную библіотеку барона Молля, въ 1823 году купилъ книгъ и журналовъ на 5000 рублей. Къ концу царствованія Александра I число книгъ въ университетской библіотекѣ доходило уже до 30 тысячъ томовъ. Библіотекаремъ, проф. Рейсомъ, составлены были этимъ книгамъ систематическій и алфавитный реестры. Рядомъ съ фундаментальной библіотекой образовались изъ частныхъ пожертвованій двѣ студенческія библіотеки: медицинская, заключавшая въ себѣ до 1000 сочиненій и библіотека казеннокоштныхъ студентовъ, заключавшая болѣе 250 сочиненій [125]).

---

120) Русскій Архивъ, 1881, кн. 1, стр. 420.

121) Шевыревъ, op. cit., стр. 429.

122) Н. В. Сушковъ, Московскій Университетскій Благородный пансіонъ, стр. 38. Москва, 1858.

123) Шевыревъ, op. cit., стр. 426.

124) Дѣла Попечит. канцеляріи 1813 г., № 48, 93; 1814 г., № 31, 61.

125) Шевыревъ, op. cit., стр. 422, 431, 432; Указатель Императорскаго Московскаго Университета, или краткое описаніе кабинетовъ и другихъ заведеній, находящихся при университетѣ, съ показаніемъ всего достопримѣчательнаго въ оныхъ, стр. 99—110; 118.

Выросъ снова и музей натуральной исторіи. Къ вещамъ, спасеннымъ изъ прежняго музея, присоединились вещи, чучела и препараты животныхъ, минералы, раковины, засушенныя растенія и другія произведенія природы, пожертвованныя Академіею наукъ (остовъ слона), членами Общества Испытателей Природы, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Никол. Никол. Демидовымъ и другими, а также коллекціи, купленныя у барона Молля (минералогическая коллекція и гербарій), у Фрейслебена и лейбъ-медика Либошица (огромный минералогическій кабинетъ), у наслѣдниковъ проф. Гофмана (огромный гербарій) и др. Весь музей занялъ четыре зала: въ двухъ размѣщены были животныя, въ двухъ ископаемыя; въ особой залѣ помѣстился гербарій. Проф. Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ и этому возрожденному музею составилъ подробное описаніе [126]).

Рядомъ съ музеемъ естественной исторіи устроился въ двухъ огромныхъ залахъ анатомическій кабинетъ, заключавшій въ себѣ 5000 рисунковъ и препаратовъ. Этотъ кабинетъ составлялся болѣе 50 лѣтъ лейбъ-медикомъ Лодеромъ, у котораго онъ купленъ былъ за 125 тысячъ рублей. Здѣсь особенно цѣнны были различные патологическіе препараты. Этому кабинету также составлено было подробное описаніе самимъ Лодеромъ и напечатано на латинскомъ языкѣ въ 1823 г.

Минцъ-кабинетъ, въ значительной части спасенный въ 1812 г., увеличенъ былъ пожертвованіями Государя Императора и частныхъ лицъ, такъ что къ 1826 году заключалъ въ себѣ 3731 монетъ и медалей [127]). Оборудованъ былъ въ достаточной степени и кабинетъ физическій и астрономическій. Къ спасеннымъ въ 1812 г. приборамъ прикуплены были еще новые, такъ что къ 1826 году кабинетъ имѣлъ уже 272 прибора [128]). Организовались и другія учебно-вспомогательныя учрежденія, какъ то: кабинетъ химическій, состоявшій изъ образцовъ простыхъ и сложныхъ химическихъ тѣлъ, изъ химическихъ приборовъ и искусственныхъ кристалловъ, кабинетъ технологическій, состоявшій изъ веществъ, обработываемыхъ на заводахъ и фабрикахъ, кабинетъ врачебнаго веществословія, состоявшій изъ простыхъ веществъ, употребляющихся въ медицинѣ, ботаническій садъ, въ которомъ воспитывалось болѣе 2500 растеній и университетская учебная больница съ клиническимъ институтомъ (на 32 кроватей), хирургическимъ (на 12 кроватей) и акушерскимъ (на 6), съ собраніемъ хирургическихъ и акушерскихъ инструментовъ [129]).

Въ возставшемъ изъ пепла и развалинъ и организовавшемся заново университетѣ усиленно стала развиваться учебная и ученая жизнь. Количество студентовъ съ года на годъ увеличивалось и къ

---

126) Шевыревъ, op. cit. стр. 429, 432—436; Указатель, стр. 14, 82.
127) Шевыревъ, op. cit. стр. 439; Указатель, стр. 119.
128) Шевыревъ, op. cit. стр. 429, 436; Указатель, стр. 83.
129) Указатель, стр. 86, 121, 124, 128.

концу царствованія Александра I дошло уже до 800 человѣкъ.—Профессоры издали цѣлый рядъ капитальныхъ ученыхъ трудовъ. Такъ Рихтеръ издалъ „Исторію медицины въ Россіи“ въ 3-хъ томахъ, Мухинъ—Анатомію на русскомъ языкѣ, Двигубскій—Физику, Гофманъ—Фармакологію, Гильтебрандтъ—Хирургію и т. д., и т. д. Оживилась чрезвычайно и дѣятельность ученыхъ обществъ, состоявшихъ при университетѣ. Императорское Общество Испытателей Природы совершило много научныхъ открытій въ своей области, умножило собраніе университетскаго музея, обогатило свою библіотеку многими приношеніями членовъ, напечатало шесть томовъ своихъ записокъ (Memoires de la societé Imperiale des Naturalistes de Moscou) на французскомъ и латинскомъ языкахъ. Общество Физико-Медицинское напечатало три части своихъ трудовъ на латинскомъ и другихъ языкахъ (Commentationes) и два тома на русскомъ. Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ издало первую часть „Русскихъ достопамятностей“, три части „Записокъ и Трудовъ“, Селліевъ каталогъ писателей, объясняющихъ гражданскую и церковную исторію Россіи, 13 листовъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, предварительныя критическія изслѣдованія Эверса для Россійской исторіи въ переводѣ Погодина, обогатило свою библіотеку рукописями и старопечатными книгами, а кабинетъ—монетами, медалями и древностями. Общество собиралось въ залѣ университетскаго совѣта подъ образомъ преподобнаго Нестора, писанномъ на большой мѣдной доскѣ въ золотой рамѣ — даръ предсѣдателя Общества А. А. Писарева. Общество Любителей Россійской Словесности издало въ это время 20 частей своихъ трудовъ, 6 частей сочиненій въ стихахъ и прозѣ, рѣчи профессоровъ Московскаго университета съ ихъ біографіями въ 4 частяхъ и другія книги. Его засѣданія, происходившія въ залѣ Благороднаго пансіона, привлекали избранное московское общество [130]).

Итакъ, катастрофа 1812 года не уничтожила въ Московскомъ университетѣ того, что пустило здѣсь корни въ предшествующее время, въ особенности въ первое пятилѣтіе царствованія Александра Перваго. Но нельзя сказать, чтобы она совершенно прошла безслѣдно для нашего университета. Какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, она ускорила окончательное превращеніе университета исключительно въ высшую школу. Начало этому превращенію, какъ уже сказано было выше, положилъ уставъ 1804 года, выдвинувшій на первый планъ высшее преподаваніе въ университетѣ. Но и этотъ уставъ сдѣлалъ уступку прошлому, допустивъ существованіе при университетѣ академической гимназіи и благороднаго пансіона. Мы видѣли, что благородный пансіонъ, слабо связанный съ университетомъ, въ 1818 году совершенно разорвалъ эту связь. Что касается

---

130) Шевыревъ, op. cit., стр. 456—459, Указатель Императорскаго Московскаго Университета 1826, стр. 111—118.

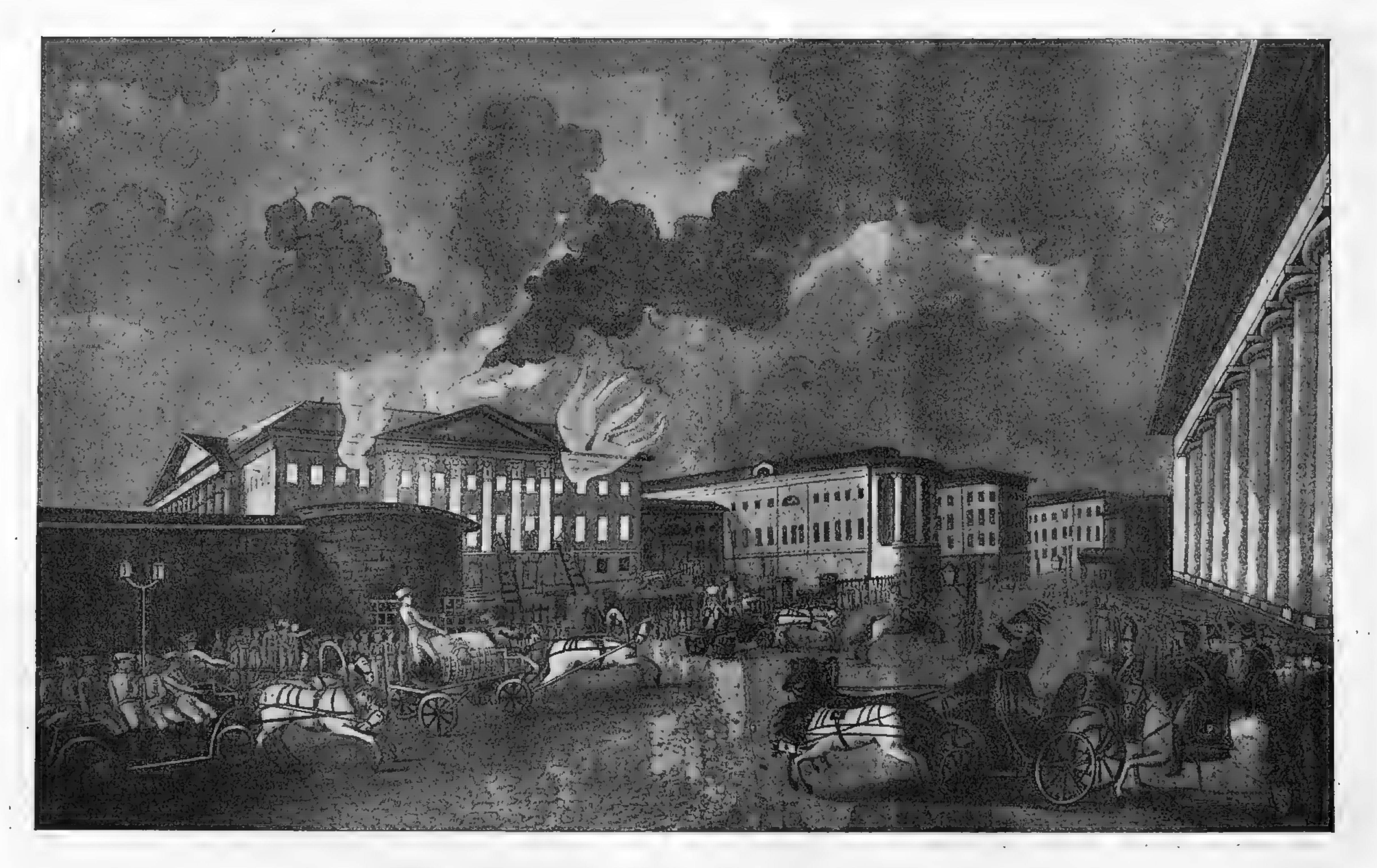
академической гимназіи, то она закрылась тотчасъ же послѣ погрома 1812 года. По уставу ее нужно было содержать на экономическія суммы, а этихъ суммъ не было и не могло быть послѣ постигшаго университетъ разоренія. Ходатайство временной комиссіи объ отпускѣ изъ казны на содержаніе гимназіи 18000 руб. не было уважено [131]). Поэтому она была закрыта: изъ остававшихся ея 34 учениковъ [132]) десять лицъ по надлежащемъ испытаніи были опредѣлены въ студенты университета на штатное жалованье; двое взрослыхъ, но не подававшихъ большой надежды на лучшіе успѣхи въ наукахъ, были назначены въ учителя; трое были опредѣлены въ Московское отдѣленіе Медико-Хирургической Академіи на казенное содержаніе; двѣнадцать, не находившіеся на лицо, были выписаны изъ числа казенныхъ учениковъ; трое выбывшихъ изъ казеннаго кошта были исключены изъ списка университетскихъ учениковъ, четверо отправлены были въ губернскую гимназію для продолженія наукъ [133]). Такъ исчезъ съ университетскаго поля гимназистъ съ своимъ учителемъ и остался только студентъ съ своимъ профессоромъ.

---

131) Дѣло Правленія 1813 года, № 137.

132) Шестнадцать произведены были въ студенты на актѣ 2 іюля 1812 года. Дѣло Попечит. Канцеляріи 1813 года, № 65.

133) Дѣло Попечительской Канцеляріи 1813 г., № 65.

Пожа́ръ дома Пашкова (нынѣ новое зданіе Университета).

Объясненія къ рисункамъ и портретамъ.

I. Зданіе у Воскресенскихъ воротъ, въ коемъ первоначально помѣщался Университетъ.

1. Снимокъ, помѣщенный на стр. 58, сдѣланъ съ гравюры (Елизаветинскаго времени) М. Махаева. См. его „Виды Москвы, изданные Академіею Наукъ въ 1755—1761 гг. по снимкамъ ея ландкартнаго мастера М. Махаева“. Старинный оттискъ сей гравюры находится въ Историческомъ музеѣ, среди эстамповъ, папка VI, № 45856. Снимокъ зданія съ Красной площади воспроизведенъ въ „Исторіи Москвы“ сост. И. Е. Забѣлинымъ, ч. I, М. 1905 г., 2-ое изд., стр. 645.

2. На I-ой фототипической таблицѣ помѣщенъ снимокъ съ находящейся въ томъ же музеѣ копіи масляной картины, писанной въ 1781 г. Гильфердингомъ и принадлежавшей князю А. Б. Лобанову-Ростовскому. (Виды Москвы ящ. 14, № 46, 17947/89. Воспроизведена только часть картины).

3. На II-ой фототипич. таблицѣ—снимокъ съ находящагося тамъ же (—ящ. 14, № 42949/455) рисунка, внизу коего надпись: Dessine d'apres nature par Charle Zeller fils. Jan. 27 1821.

II. Планъ Университетскаго владѣнія, составленный архитекторомъ Казаковымъ—снимокъ на стр. 59.

Гдѣ находится подлинный планъ архит. Казакова — неизвѣстно. Въ Историческомъ музеѣ (эстампы, папка I) имѣется литографія, исполненная (въ размѣрѣ 30×25 сантим.) I. Шелковниковымъ (извѣстнымъ прежнимъ Московскимъ литографомъ), внизу коей читается: „копія (*т. е. плана Казакова*) снята съ подлинника архитекторомъ Московскаго Университета А. А. Никифоровымъ съ нанесеніемъ на ономъ настоящаго плана“. На стр. 59 и помѣщенъ снимокъ съ этого плана. По бокамъ плана имѣются слѣдующія объясненія:

Планъ Университетскому, что на Моховой, дому съ прикосновенностями.

Примѣчаніе.

1. Красными линіями обозначены настоящія существующія границы Университета.
2. Заштрихованныя строенія въ настоящее время не существуютъ.
3. Строенія, обведенныя по контуру розовою и желтою красками, выстроены въ послѣдствіи и существуютъ въ настоящее время.

---

1. Дворы, принадлежащіе оному Университету.
2. Главный корпусъ съ флигелями.
3. Корпусъ бывшій князя Борятинскаго.
4. Бывшая кухня онаго жъ Борятинскаго.
5. Земля между оною кухнею и нынѣшнимъ Георгіевскаго священника домомъ. Оная отдается церковникамъ.
6. Нынѣшнія ворота въ домъ Университетской.
7. Мѣсто, на которое оныя перенесутся.
8. Церковь свят. великомуч. Георгія.
9. Земля церковная.
10. На оной строеніе.
11. Нынѣшній домъ Георгіевскаго священника и прочіе сосѣдніе дворы.
12. Церковная земля съ священно и-церковно-служительскимъ строеніемъ, вошедшая внутрь двора Университетскаго, которая берется подъ Университетъ.
13. Каменной корпусъ, бывшій пансіонный, и прочее строеніе, Университету принадлежащее.
14. Церковная земля бывшей церкви Леонтія Ростовскаго.
15. Мѣсто, по которое церковная земля берется подъ Университетъ и отгорожена будетъ въ линію къ углу бывшаго Борятинскаго корпуса заборомъ.

Архитекторъ Матвѣй Казаковъ.

III. Изъ копіи плана Москвы 1775 г., хранящагося въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ снята мѣстность, окружающая Университетъ и этотъ снимокъ для большей ясности увеличенъ въ 3 раза. Изъ объясненій, находящихся на планѣ, выбрано то, что относится къ мѣстности, помѣщенной на снимкѣ, стр. 72—73.

IV. Фасадъ и планы Университетскаго зданія, построеннаго архитекторомъ Казаковымъ.

Въ библіотекѣ Московской Оружейной Палаты (по описи № 93) хранится въ особыхъ переплетахъ большое собраніе чертежей, зданій

проэктированныхъ и исполненныхъ архитекторомъ Казаковымъ. Первая книга носитъ заглавіе: „Первое собраніе чертежей, по первымъ мыслямъ однихъ главныхъ формъ вновь прожектированныхъ архитекторомъ статскимъ совѣтникомъ Казаковымъ, по приказанію его сіятельства князь Сергія Сергіевича Гагарина и его сіятельства князь Стефана Борисовича Куракина, пристройкамъ къ старому Кремлевскому дворцу для пребыванія его императорскаго величества и всей высочайшей фамиліи, съ соблюденіемъ, сколько возможно, старыхъ важныхъ строеній и съ расположеніемъ просторныхъ площадей и проѣздовъ, которыя прошлаго 1797-го года имъ же княземъ Гагаринымъ въ бытность его въ Санкт-Петербургѣ представлены его императорскому величеству и при высочайшемъ воззрѣніи удостоены милостиваго благоволенія. И изъ нихъ видъ съ полуденной стороны всего Кремля благоволилъ государь императоръ оставить у себя, а вмѣсто онаго приложенъ таковой же. Свѣрхъ того приложены проспективыя старымъ Кремлевскимъ строеніямъ виды, планы Слободскаго дворца и краткія смѣты". Рисунки, касающіеся Университета, находятся въ 5-ой книгѣ, озаглавленной: „Пятое собраніе чертежей прожектированнымъ и построеннымъ вновь, также и исправленнымъ старымъ казеннымъ строеніямъ подъ смотрѣніемъ архитектора статскаго совѣтника Матвѣя Казакова, при разныхъ дирекціяхъ, о которыхъ въ своихъ мѣстахъ объяснено, 1800 г. Москва".

Рисунокъ „фасада главнаго корпуса Московскаго Университетскаго дома" (№ 10) имѣетъ въ оригиналѣ длины 1 арш. $9^1/_4$ вершковъ и ширины $6^3/_4$ вершковъ (Снимокъ его помѣщенъ на III-ьей фототипической таблицѣ). Къ нему имѣется слѣдующее „описаніе фасады главнаго корпуса Московскаго Университета, состоящаго на Моховой улицѣ.

1. Оной этажъ занетъ для житья нижнихъ при домѣ служителей и бѣдныхъ учащихся дѣтей.

2. Весь сей этажъ занетъ живущими казенными студентами, учениками и нѣсколькими професорами и учителями.

3. Во ономъ этажѣ имѣется церковь, большая аудиторія, библіотека, минеральной и физической кабинеты, конферанція, класы и комнаты для житья директоровъ.

4. Верхній этажъ занетъ класами и для житья нѣсколькихъ професоровъ и учителей".

„Планъ нижняго этажа Университетскаго дома" (№ 6) въ оригиналѣ $12^1/_2 \times 8^5/_8$ вершковъ. Снимокъ этого плана см. на стр. 65; здѣсь помѣщены и имѣющіяся въ книгѣ объясненія къ плану. Въ концѣ ихъ въ оригиналѣ приписано: „Оной домъ для Московскаго Университета прожектировалъ и строеніемъ производилъ архитекторъ Матвѣй Казаковъ". На подлинномъ планѣ не всѣ цыфры поставлены согласно объясненіямъ.

„Планъ второго этажа Университетскаго дома“ (№ 7) въ оригиналѣ $12^1/_2 \times 8^5/_8$ вершковъ. Снимокъ его и объясненія къ нему см. на стр. 66.

„Планъ третьяго этажа Университетскаго дома“ (№ 8) въ оригиналѣ $12^1/_2 \times 8^5/_8$ вершковъ. Снимокъ его и объясненія къ нему см. на стр. 67.

„Планъ четвертаго этажа Университетскаго дома“ (№ 9) въ оригиналѣ тоже $12^1/_2 \times 8^5/_8$ вершковъ. Снимокъ его и объясненія къ нему см. на стр. 68.

Плана на все Университетское владѣніе (см. выше и стр. 59) здѣсь нѣтъ и, судя по оглавленію, его и не было здѣсь.

V. Портреты:

а) *М. Н. Муравьева* (стр. 81) съ гравюры Н. Уткина (портретъ І. Л. Монье).

б) *П. Г. Демидова* (стр. 83) съ гравюры Грачова (портретъ Рокотова).

в) *И. А. Гейма* (стр. 87) съ гравюры Флорова (портретъ Жеренъ).

г) *Г. И. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ* (стр. 89) съ гравюры Флорова (портретъ Н. Баранова).

д) *А. А. Прокоповича-Антонскаго* (стр. 91) съ литографіи, приложенной къ книгѣ Сушкова „Воспоминаніе объ университетскомъ благородномъ пансіонѣ“.

VI. Пожаръ дома Пашкова (впослѣдствіи „новаго“ зданія университета) воспроизведенъ (стр. 118) съ листа, находящагося въ Историческомъ музеѣ среди эстамповъ (папка III-ья, 26487, 1/92), внизу коего печатная подпись: „Дѣйствіе Московской пожарной команды во время пожару“. На бумагѣ среди водяныхъ знаковъ „1826“ годъ. Оригиналъ въ размѣрѣ 50×40 сантиметровъ.

1812-й годъ въ русской повѣсти и романѣ.

Рѣчь члена-соревнователя Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ К. В. Покровскаго.

Въ своемъ откликѣ на событія Отечественной войны русская повѣсть и романъ значительно отстали отъ другихъ видовъ литературно-художественнаго творчества.

Уже со второй половины 1812 года на сценѣ Петербургскаго театра идетъ цѣлый циклъ новыхъ драмъ, комедій и дивертисментовъ на современныя темы; страницы журналовъ пестрятъ патріотической лирикой, а черезъ годъ эпическая поэма воспѣваетъ пожаръ Москвы и освобожденіе Европы; начало же повѣсти восходитъ лишь къ 20-мъ годамъ прошлаго столѣтія, а романъ появляется только въ 30-хъ.

Временно ихъ замѣняли произведенія другого рода. Во-первыхъ, памфлеты и патріотическія статьи, облеченныя въ художественную форму и появившіеся въ самый разгаръ событій; таковы „Тѣнь Людовика XVI на берегахъ Москвы рѣки", „Наполеоновъ первый сонъ въ Москвѣ", „Бесѣда столѣтняго подмосковнаго жителя съ плѣннымъ французскимъ солдатомъ" и многіе другіе.

Во-вторыхъ, „письма" и „записки" о 12 годѣ, которыя также надо отнести къ области беллетристики; таковы „Письма русскаго офицера" Ѳ. Глинки, „Походныя записки русскаго офицера" Лажечникова.

Въ третьихъ, „анекдоты". Анекдоты не претендуютъ на художественную форму; это—простое собраніе фактовъ, относящихся къ самымъ разнообразнымъ событіямъ и лицамъ Отечественной войны и имѣющихъ своею задачею увѣковѣчить память русскихъ героевъ. Содержаніе анекдотовъ, а еще болѣе ихъ идеологія довольно ясно обрисовываются уже изъ однихъ только заглавій, напримѣръ: „Анекдоты достопамятной войны россіянъ съ французами или духъ твердости, храбрости, мужества, благочинія, терпѣнія и любви къ вѣрѣ, государю и отечеству истинныхъ россіянъ и малодушія, буйства и безбожія вѣроломныхъ французовъ, случившіеся во время нашествія Наполеона на Россію и по бѣгствѣ его изъ оной въ 1812 и 1813 годахъ". Нѣкото-

рые анекдоты, не по формѣ изложенія, а по своимъ размѣрамъ, переходятъ какъ бы въ отдѣльный законченный разсказъ; таковъ, напримѣръ, „Памятникъ французамъ или приключеніе московскаго жителя Петра Жданова“. Всѣ эти произведенія имѣютъ съ повѣстью и романомъ нѣсколько общихъ точекъ соприкосновенія.

Памфлеты и письма сближаетъ съ повѣстью ихъ художественная обработка.

Анекдоты и письма даютъ фактическій матеріалъ, которымъ впослѣдствіи пользуются романисты; такъ, „Приключеніе Петра Жданова“ уже много лѣтъ спустя легло въ основу повѣсти Фурмана „Петръ Ждановъ, московскій купецъ“.

Наконецъ, всѣ они родственны первымъ повѣстямъ и романамъ по своему приподнятому патріотическому настроенію и довольно пристрастному освѣщенію событій.

Настоящая повѣсть появляется лишь въ началѣ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Сначала она робко останавливается лишь на отдѣльныхъ эпизодахъ Отечественной войны.

Такъ, въ „Вечерѣ на бивакѣ“ Марлинскаго русскій поручикъ, томимый голодомъ на аванпостахъ, ѣдетъ во французскій лагерь, чтобы тамъ пообѣдать. Его выходка благосклонно принята французами, и онъ, пропировавши до вечера, возвращается назадъ съ чемоданомъ, набитымъ съѣстными припасами.

Въ „Латникѣ“ Марлинскаго полковой аудиторъ, подъ вліяніемъ распространеннаго въ арміи слуха, что графъ Платовъ обѣщалъ выдать свою дочь за того, кому удастся взять въ плѣнъ Наполеона, къ великому смѣху своихъ товарищей партизановъ, вмѣсто императора захватываетъ тамбуръ-мажора французскаго егерскаго полка.

Въ „Изидорѣ и Анютѣ“ Погорѣльскаго русскій офицеръ, проходя съ арміей черезъ Москву, оставляетъ въ ней, послѣ мучительной душевной борьбы, невѣсту и больную старуху-мать, а по возвращеніи находитъ однѣ обгорѣлыя развалины.

Въ 30-хъ годахъ повѣсть становится сложнѣе и даетъ больше отзвуковъ на событія 12 года. Въ „Удивительномъ человѣкѣ“ Яковлева и „Лунатикѣ“ Вельтмана, помимо сложныхъ приключеній главныхъ героевъ, передъ нами проходятъ картины отступленія русской арміи черезъ Москву, бѣгства жителей, буйства оставшейся черни, вступленія непріятеля, пожара Москвы, грабежей французскихъ солдатъ, положенія оставшихся русскихъ, партизанской войны, и т. п.

Въ началѣ 30-хъ годовъ появляется и романъ, имѣющій уже болѣе широкія задачи. Вмѣсто отдѣльнаго случая, „анекдота“, или вмѣсто причудливыхъ похожденій одного героя, онъ хочетъ дать картину жизни русскаго общества съ наиболѣе крупными фактами военной исторіи и видными участниками этой исторической драмы. Таковы лучшіе романы: Булгарина „Петръ Ивановичъ Выжигинъ“ и Загоскина „Рославлевъ или русскіе въ 1812 году“.

Какими же чертами характеризуется вся эта литература 20-хъ и 30-хъ годовъ?

Если на нее взглянуть съ чисто внѣшней стороны, то не трудно замѣтить, что въ цѣломъ она даетъ довольно подробное изложеніе всѣмъ наиболѣе яркимъ событіямъ 12 года, отъ перехода Наполеона черезъ Нѣманъ и до вступленія русскихъ войскъ въ Западную Европу; попутно съ событіями въ ней затронуты и многія историческія лица.

Но эта широкая картина значительно блекнетъ, если къ ней приложить художественную или историческую мѣрку; отъ нея тогда останется лишь очень немного дѣйствительно жизненныхъ и правдивыхъ сценъ.

Казалось бы, что авторы всѣхъ этихъ повѣстей и романовъ стояли въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы ярко передать всѣ перипетіи войны 12 года. Вѣдь почти всѣ представители тогдашней литературы стояли въ рядахъ арміи или ополченія: Жуковскій, Батюшковъ, Грибоѣдовъ, Шаховской, Лажечниковъ, Хмельницкій, Вяземскій, Ѳ. Глинка и многіе другіе. Авторы романовъ и повѣстей: Загоскинъ, Булгаринъ, Перовскій (псевдонимъ Погорѣльскій), Зотовъ, также были активными участниками Отечественной войны. Если это обстоятельство и лишало ихъ, можетъ быть, исторической перспективы и спокойнаго тона въ разсказѣ, оно давало взамѣнъ рядъ жизненныхъ наблюденій, которымъ, казалось, было бы нетрудно придать литературную обработку, не лишая ихъ дѣйствительныхъ чертъ того времени.

Но всѣ попытки реальнаго повѣствованія глохли подъ гнетомъ условныхъ принциповъ тогдашней литературной школы. Внѣшній патріотизмъ, прямолинейно распредѣлявшій свѣтъ и тѣни, неизбѣжная сентиментальная или мелодраматическая любовь, съ самой запутанной интригой, условныя фигуры героевъ романа, олицетворявшихъ доблесть или подлость, мужество или трусость—все это стирало живыя краски разсказа. Историческіе факты или историческія лица подгонялись подъ готовый шаблонъ и, конечно, теряли свой интересъ. Если же дѣйствительности и удавалось удержаться въ разсказѣ, то она занимала ничтожное мѣсто и, теряясь среди сложныхъ и по своей случайности маловѣроятныхъ приключеній, казалась неорганическимъ наростомъ на общемъ фонѣ повѣствованія.

Напримѣръ, „Латникъ“ Марлинскаго начинается очень живымъ, даже художественнымъ разсказомъ о дѣйствіяхъ партизанскаго отряда; допустима и комическая фигура аудитора, тѣмъ болѣе, что, помимо слуха объ обѣщаніи Платова, и Чичаговъ распространялъ по арміи и населенію описаніе примѣтъ французскаго императора на случай его бѣгства. Но лишь только появляется таинственная фигура латника, какъ живой разсказъ сбивается на скучную исторію несчастной любви, обставленной всѣми необходимыми аксесуарами до привидѣній включительно.

Гнетъ условнаго литературнаго шаблона—это не пустая реторическая фраза. Вѣдь на самомъ дѣлѣ почти всѣ писатели были выше своихъ произведеній, но они не умѣли, да и не смѣли порвать съ традиціонными пріемами разсказа. Романы Зотова, напримѣръ, „Двѣ сестры или Смоленскъ въ 12 году", „Два брата или Москва въ 12 году", поражаютъ своимъ историческимъ и литературнымъ убожествомъ. „Смоленскъ въ 12 году" характеризуется у него только тѣмъ, что во время бѣгства жителей изъ города двѣ маленькія дѣвочки были перепутаны между собою. И вся задача автора сводилась къ тому, чтобы въ первой части подойти къ этому центральному узлу разсказа, а во второй — его распутать. Но тотъ же Зотовъ принималъ участіе въ походахъ 1812—1813 годовъ и оставилъ о нихъ свои воспоминанія. Тамъ онъ въ живомъ естественномъ разсказѣ передаетъ не мало бытовыхъ подробностей и зарисовываетъ рядъ интересныхъ фигуръ, которыя мы напрасно стали бы искать въ его романахъ.

И только лишь, какъ бы въ видѣ контрабанды, въ повѣсть и романъ проскальзываютъ отдѣльныя живыя страницы, тѣмъ болѣе рѣдкія, если мы изъ ихъ счета вычеркнемъ непосредственныя заимствованія изъ первоисточниковъ. Въ общемъ, романъ и повѣсть даютъ понятіе не столько о 12 годѣ, сколько о литературной школѣ своего времени. Въ нихъ есть историческія имена, но за именами не чувствуется живой личности; въ нихъ много историческихъ фактовъ, но ихъ освѣщеніе или условно, и потому безжизненно, или пристрастно, и потому исторически невѣрно.

Начало реальному роману было положено Пушкинымъ. Онъ первый порвалъ со всѣми пріемами прежняго разсказа: и условно-литературными и внѣшне-патріотическими. Вмѣсто деревянныхъ манекеновъ въ его „Рославлевѣ" появились уже живые люди, и вмѣсто пристрастнаго освѣщенія событій—правдивый уголокъ дѣйствительности. „Рославлевъ" Пушкина только незаконченный отрывокъ; мы не можемъ судить о томъ, насколько удался бы писателю намѣченный образъ героини, и насколько широко была бы передана эпоха 12 года. Но и этотъ отрывокъ вноситъ два новыхъ существенныхъ элемента: спокойный реально-художественный тонъ повѣствованія и, въ видѣ изображенія московскаго общества, исторически вѣрный фонъ для будущей картины.

Какъ бы ни было велико значеніе Пушкина въ его цѣломъ, но на современную ему литературу „Рославлевъ" никакого вліянія не оказалъ. Романы Зотова, повѣсти Вельтмана, Кукольника, Кузмичева, Куражевскаго, появившіеся во второй половинѣ 30-хъ и первой 40-хъ годовъ, продолжаютъ традиціи прежней школы.

Мало по малу старые писатели сходятъ со сцены и какъ бы уносятъ съ собою интересъ къ 12 году. Двадцатилѣтній періодъ съ конца 40-хъ до конца 60-хъ годовъ—самое глухое время для разсказа объ Отечественной войнѣ. Это явленіе вполнѣ понятно. Общество этого

времени стремится къ новому укладу жизни, молодая литература выдвигаетъ новые принципы художественнаго творчества. Она вся поглощена животрепещущимъ настоящимъ, ей нѣтъ дѣла до далекаго прошлаго.

И нуженъ былъ сильный толчекъ, чтобы оживить интересъ къ 12 году. Такимъ толчкомъ было появленіе „Войны и мира". Но и романъ Толстого возникъ не подъ вліяніемъ случайнаго минутнаго интереса: онъ выросъ органически, а его исходнымъ пунктомъ были факты современной автору жизни. Въ половинѣ 50-хъ годовъ декабристы были возвращены изъ ссылки. Это событіе, именно этотъ моментъ, легли въ основу начатаго Толстымъ романа „Декабристы". Но отъ незаконченныхъ декабристовъ Толстой перешелъ къ изученію той эпохи, которая вызвала ихъ появленіе. Такова исторія созданія „Войны и мира", идущая отъ современности къ старинѣ.

Если не считать „Рославлева" Пушкина, который является лишь программой романа, „Войну и миръ" можно считать первымъ историческимъ романомъ изъ эпохи 12 года. Въ немъ впервые исторія тѣсно связана съ вымысломъ. Наполеонъ, Кутузовъ, Растопчинъ въ немъ такъ же законны и неизбѣжны, какъ Андрей Болконскій, Пьеръ Безухій или Платонъ Каратаевъ. Уже не положеніе отдѣльныхъ лицъ вызываетъ описаніе историческихъ событій, но именно событія руководятъ судьбою дѣйствующихъ лицъ. Въ немъ уже нѣтъ центральной фигуры, которая притягивала бы къ себѣ все вниманіе читателя. Русское общество, отъ верху до низовъ, отъ Александра до Тишки Щербатаго—вотъ, по замыслу автора, истинный герой его романа. Такова общая художественная концепція „Войны и мира".

Но въ романѣ Толстого интересна и фактическая сторона разсказа. Въ изученіе эпохи 12 года Толстой внесъ всю ту страстность увлеченія, которая всегда была одной изъ характерныхъ чертъ личности писателя. „Пять лѣтъ непрестаннаго и исключительнаго труда", по словамъ самого Толстого, сотни томовъ прочитанныхъ изслѣдованій и первоисточниковъ, знакомство съ рукописнымъ матеріаломъ, собираніе свѣдѣній отъ старожиловъ, вотъ что, съ фактической стороны, лежитъ въ основѣ „Войны и мира".

Неудивительно поэтому, что въ романѣ дѣйствительность преобладаетъ надъ вымысломъ, что въ немъ историческими лицами являются не только Александръ или Наполеонъ, не только Ахросимова или слегка измѣненные Денисовъ или Долоховъ, но и ямщикъ Балага, и барабанщикъ французской арміи Винцентъ Бодъ, и даже безымянный казакъ, раненый подъ Бородинымъ.

И по обилію подлинныхъ историческихъ фактовъ и по освѣщенію нѣкоторыхъ событій и лицъ, романъ Толстого является для своего времени какъ бы историческимъ изслѣдованіемъ; онъ имѣлъ даже извѣстное вліяніе на научную исторіографію 70-хъ годовъ, а отдѣльными сценами романа и теперь еще пользуются военные историки.

Но такая высокая оцѣнка „Войны и мира“ справедлива лишь при одной оговоркѣ. Романъ Толстого—не только историко-бытовой, но и историко-философскій; въ немъ авторъ не только разсказываетъ, но и доказываетъ, по крайней мѣрѣ, пытается доказать. Въ общихъ чертахъ, помимо другихъ, болѣе мелкихъ тенденцій (націонализма, идеализаціи стараго дворянскаго быта и т. п.), въ романѣ ставится вопросъ о степени вліянія отдѣльной личности въ историческомъ процессѣ. Отвѣтъ на это дается крайне отрицательнаго характера.

Такая точка зрѣнія, несправедливая уже по одной своей исключительности, особенно неумѣстна въ романѣ, дѣйствіе котораго относится къ первой четверти XIX вѣка, когда культъ „героевъ“ былъ еще въ полной силѣ. Она и заставила писателя нѣкоторыя явленія тогдашней жизни затушевать, другія выдвинуть на первый планъ, и придала нѣкоторымъ лицамъ слегка невѣрное освѣщеніе, хотя фактическая сторона разсказа и исходитъ почти всегда изъ дѣйствительности.

Но за выдѣленіемъ этого субъективнаго элемента — все остальное въ романѣ подлинная, яркая и художественная исторія 12 года.

Романъ Толстого имѣлъ громадное вліяніе на дальнѣйшую художественную литературу. Онъ снова привлекъ интересъ къ позабытой было эпохѣ, вызвалъ появленіе многихъ новыхъ произведеній и почти на всѣ изъ нихъ положилъ свою печать. Зависимость отъ „Войны и мира“ сказалась не только въ общемъ характерѣ романовъ, но и въ мелочахъ: въ невольномъ обращеніи къ тѣмъ же эпизодамъ, въ заимствованіи отдѣльныхъ разговоровъ, фразъ, описаній и даже эпитетовъ.

По слѣдамъ Толстого идутъ Мордовцевъ съ „12 годомъ“, Данилевскій съ „Сожженной Москвой“, Красновъ съ „Атаманомъ Платовымъ“ и многіе другіе. Но никто не могъ не только превзойти „Войну и миръ“, но даже сравняться.

Изъ сырого историческаго матеріала Толстой часто дѣлалъ большія заимствованія. Умѣло выбранныя, тѣсно связанныя съ общимъ содержаніемъ, они непримѣтны для самаго внимательнаго глаза. Въ новыхъ же романахъ воскресаетъ довольно часто старая традиція: исторія и вымыселъ идутъ разными несоприкасающимися путями.

Не удаются авторамъ и ихъ замыслы дать полную и связную картину жизни русскаго общества. Такъ, Мордовцевъ въ основу своего романа кладетъ воспоминанія Дуровой, извѣстной подъ прозвищемъ „кавалеристъ-дѣвицы“, на ней преимущественно и сосредоточивается разсказъ. Правда, по примѣру Толстого, авторъ выводитъ на сцену много историческихъ лицъ: Сперанскаго, Державина, Карамзина, Крылова, Жуковскаго, Пушкина, но ихъ появленіе въ романѣ рѣшительно ничѣмъ не вызвано, а ихъ изображеніе блѣдно.

Еще уже по замыслу романъ Данилевскаго „Сожженная Москва“, который представляетъ собою какъ бы простое распространеніе записокъ Перовскаго.

Подъ вліяніемъ „Войны и мира“ оба писателя заимствуютъ оттуда не только факты, но и освѣщеніе ихъ. Но что у Толстого обусловливалось глубокой идеологіей, то у нихъ является очень слабо мотивированнымъ. Напримѣръ, Толстой жестоко казнитъ Наполеона; но онъ развѣнчиваетъ французскаго императора, какъ личность, какъ опредѣленный типъ, а не только какъ политическаго врага Россіи. Отрицательное отношеніе къ Наполеону перенесено и въ „12 годъ“ и въ „Сожженную Москву“. Но лишенное философской подкладки, оно переноситъ насъ къ доброму старому времени, когда французскій императоръ рисовался въ видѣ „корсиканскаго чудовища“.

Оригинальнѣе другихъ романъ Краснова „Атаманъ Платовъ“. Онъ не высокъ съ художественной стороны; блѣдна фигура и главнаго героя, сотника Конькова, но интересенъ замыселъ автора изобразить бытъ, нравы и дѣятельность Донскихъ казаковъ въ эпоху 12 года. Ихъ мирная жизнь, мобилизація, выступленіе въ походъ, военная тактика, отношенія между казаками и арміей—все это очень живо описано авторомъ, несмотря на нѣкоторую долю идеализаціи.

Не выше романа стоятъ за это время повѣсти и разсказы Лемана, Разина, Сухомлинова, Сѣтковой, Фурмана и другихъ, не дающія ни съ исторической, ни съ литературной стороны ничего новаго. „Петръ Ждановъ“ Фурмана воспроизводитъ даже собою простой „анекдотъ“, напечатанный еще въ 1813 году.

Отъ главнаго теченія исторической повѣсти и романа за это время обособляются двѣ вѣтви: во-первыхъ, появляется дѣтская и юношеская литература, популяризирующая событія Отечественной войны, во-вторыхъ, 12 годъ становится достояніемъ бульварнаго романа. Такія произведенія, какъ „Бородино“ Соколова, „Два императора“ и „Русскіе орлы“ Дмитріева, представляютъ собою просто пошлую бездарность, разсчитанную на самаго невзыскательнаго читателя.

Въ общемъ, вся литература 70—90 годовъ, въ значительной степени вызванная романомъ Толстого, не идетъ выше своего оригинала. Уступая ему въ глубинѣ и художественной законченности, она, правда, вноситъ въ свой разсказъ неиспользованные факты, передаетъ и освѣщаетъ эпизоды, раньше не встрѣчавшіеся, и потому не лишена занимательности. Но, внося новые факты, она не даетъ намъ новаго пониманія эпохи 12 года, и потому заслуга ея не такъ велика. Вѣдь историческихъ фактовъ такое множество, котораго, конечно, никогда не вмѣститъ никакая литература.

Столѣтняя годовщина вновь оживила интересъ къ 12 году, упавшій за послѣднее десятилѣтіе. Но и юбилейная литература оказалась не на высотѣ своего призванія. Въ текущемъ году появилось около двадцати небольшихъ повѣстей и разсказовъ, почти исключительно предназначенныхъ для дѣтей и юношества. Большинство изъ нихъ останавливается на двухъ наиболѣе своеобразныхъ эпизодахъ 12 года: Москвѣ во власти французовъ („Пожаръ Москвы“ Любичъ-Кошурова,

„Москва подъ рукою Наполеона“ Сѣверцева-Полилова, „Отрубленный палецъ“ кн. Щетинина, мелкіе разсказы Зарина и др.) и партизанской войнѣ („Партизаны“ Любичъ-Кошурова, „Тимошкина Команда“ Зарина и др.). Всѣ эти произведенія въ историческомъ отношеніи ничего новаго не даютъ, а въ литературномъ изъ нихъ наиболѣе интересны разсказы Кошурова и Авенаріуса. У перваго разсказъ о 12 годѣ ведется въ духѣ импрессіонизма, а второй („Среди враговъ“) пользуется формой дневника, что, впрочемъ, было уже раньше намѣчено Мердеромъ.

Вотъ краткій очеркъ художественной литературы о 12 годѣ. Если по отношенію къ ней довольствоваться лишь собраніемъ историческихъ матеріаловъ и внѣшней занимательностью чтенія, то конечно, она очень обширна. Но если къ повѣсти и роману предъявить требованія художественной законченности, глубины историческаго пониманія, новизны взгляда, то изъ множества именъ выдѣлится только два: Пушкина и Толстого. Первый своимъ „Рославлевымъ“ намѣтилъ путь для романа; второй „Войной и миромъ“ этотъ романъ создалъ. И какъ бы ни были подчасъ ошибочны теоретическія положенія Толстого, все же „Война и миръ“ является пока послѣднимъ словомъ русской художественной литературы о 12 годѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

